

1.3

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное учреждение
высшего профессионального образования
«Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций
Отделение философии и религиоведения
Кафедра общей философии

Серебряков Фаниль Фагимович
Философская мысль в Казанском университете

Краткий конспект ЭОР

Казань – 2018

Оглавление

Тема 1. ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ.	3
Тема 2. УЧРЕЖДЕНИЕ УНИВЕРСИТЕТОВ В РОССИИ. ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ	18
Тема 3. КАФЕДРА ФИЛОСОФИИ: СУДЬБА И ЛЮДИ.	27
Тема 4. ФИЛОСОФСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ. БУДНИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ: ЛЕКЦИИ, СЕМИНАРЫ, ПОСОБИЯ.	50
Тема 5. БРОННЕР, ФУКС, КОТЕЛЬНИКОВ И ДРУГИЕ: ЛЮБОМУДРИЕ ЗА ОГРАДОЙ КАФЕДРЫ ФИЛОСОФИИ.	73
Тема 6. "ГЕРОИ МЫСЛЯЩЕГО РАЗУМА".	79
Информационные источники	116
Вопросы к зачёту	121

Тема 1. ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ.

Аннотация: В данной теме рассматривается, какое место занимает образование в системе и в процессе производства и воспроизводства социальных, культурно-исторических общностей и общественного идеала, а также значение институтов образования (университетов в первую очередь) в социальной структуре общества и возникновение европейских университетов.

Ключевые слова: образование, общество, *образ*-ование человека, общественный идеал, социальная структура, университет, возникновение университета, болонский процесс.

Вопросы для изучения

1. Образование в системе и в процессе производства и воспроизводства социальных, культурно-исторических общностей и общественного идеала.
2. Образование как *образ*-ование человека, конкретно-исторического и конкретно-культурного типа человека.
3. Институты образования в социальной структуре общества. Возникновение европейских университетов. Их функции. Место в культурно-интеллектуальном развитии Запада.
4. Проблема реформирования высшего образования. Болонская система: плюсы и минусы.

1-2. Индивид (студент, учащийся), окунающийся в современное российское образование, прямиком попадает в кипящий котел. Современное образование на всех его уровнях, особенно на высшем, действительно представляет собой кипящий котел.

Во-первых, поскольку в представлениях реформаторов образования об этом самом образовании наблюдается полная какофония вследствие того, что они мыслят его на манер героини гоголевской «Женитьбы»: вот бы к носу Ивана Ильича да губы ... , то и получается оно по причине этих реформ вроде чудовищ эмпедоклова космогенеза: руки человека, хвост собаки, тело ящерицы... Болонская система, остатки советской, американские тесты, грантовские учебники доморощенных и предприимчивых прогрессистов от образования... И всё это варево преподносится учащимся в качестве очередной программы образования или учебного плана и должно ими исполняться. Непонимание того, что представляет собой эта «вещь» – образование, отсутствие ясности и умения внятно изложить, в чём заключаются цели и задачи политики в области образования, каковы потребности в «продуктах образования», каковы средства и пути реализации целей образования, ориентация на текущие, сегодняшние, обусловленные чаще всего критериями престижа, «моды» запросы абитуриентов, а скорее даже их родителей, запросы, реализация которых обеспечивает денежные поступления, но никак не сообразованы ни с потребностями и возможностями

общества, ни с осознанием того, что дальше будет с легионом владельцев этих модных и престижных дипломов... - так обстоит дело. Объясняется это отсутствием внятной политики государства в области образования, а также отсутствием отчетливых представлений о характере общества, соответственно, о векторах социально-экономического развития.

Во-вторых, все это превращает в наполненный паром-туманом котёл непонимания, неясности, тревоги и недоумения и головы учащихся, пытающихся осознанно относиться к тому, чем они занимаются, чему и как их учат, задумывающихся о своей будущности, поскольку, например, нет внятного ответа на вопросы, связанные с этой самой будущностью выпускников российских вузов, подвергнутых болонской кастрации в связи с переходом на двухуровневую систему образования: бакалавр – магистр. Что «выкяпится» в этом котле для нынешних студентов, ещё не известно. Если, конечно, отвлечься от того факта, что выпускники и не связывают своё будущее с «преимуществами системы», а большей частью - с личными возможностями, своими или родителей, друзей, знакомых, с везением и пр. Иначе говоря, с тем, что из одного кипящего котла попадут в другой – авось повезёт.

Вот ответы студентов старшего курса философского факультета на вопрос: « Реформа высшей школы: что необходимо сделать, а что делать нельзя ?».

« Самая слабая сторона нашего сегодняшнего образования, - пишет одна студентка (но, судя по ответам, не одна она так думает), - дальнейшее трудоустройство в жизни. Даже окончив престижный факультет котируемого вуза, у тебя нет никакой гарантии нормальной работы. Молодёжь не устроена: в будущем нет социальных гарантий». Но вот продолжает далее: *«Несмотря на это, все больше котируются специалисты с высшим образованием»*. Вот и вправду: человека, находящегося на краю пропасти и смотрящего туда, вниз, пропасть манит (*«несмотря на это»*) ... И бросается он в этот котел, в этот омут, в эту пропасть. Его можно понять. Понятно и то, что *«всё больше котируются специалисты с высшим образованием»*. Но проблема остаётся.

Вот данные по одному региону, не самому, видимо, неблагополучному. Кушнин Б. и Кадатская И. в статье « Мониторинг трудоустройства выпускников пермских вузов» (журнал « Высшее образование в России». 2006. № 1) пишут: « Было проведено исследование по трудоустройству выпускников высших учебных заведений Пермской области 2004 г. По результатам исследований, 18,8 % среди опрошенных выпускников работают не по специальности, 5,6 % не

трудоустроены...Итог, 29,7 % не оправдывают время и деньги, затраченные на их обучение»¹. Пусть

по другим регионам проценты и не совпадут, но ситуация там вряд ли другая.

А между тем «сегодня большинство предприятий промышленности испытывают недостаток в квалифицированных специалистах, а значительная часть выпускников вузов либо работает не по специальности, либо остаётся не востребованной»². Разве это частное мнение? И далее, по результатам социологического исследования, отмечено: « В целом по одним и тем же специальностям одновременно можно наблюдать неудовлетворённый спрос и избыточное предложение рабочей силы...»³. Этот «неудовлетворенный спрос» и «избыточное предложение рабочей силы» – ни что иное, как сегодняшние студенты, весело отмечающие свой «экватор» и не подозревающие, какой «северный полюс» может ожидать даже самых благополучных из них.

Образование – отнюдь не « проект», а *системная* «вещь». У одного поэта есть такие строчки: « Когда касаемся цветка, звезду далёкую тревожим». Всеобщая связь вещей. Образование не составляет исключения.

Быть может, платное образование решит проблему ? Вряд ли. Но проблему студентам, обучающимся платно, оно создаст. И это ещё один водоворот, в который засасывает «манящая пропасть». « Проблема в том, - сетует один из студентов, - что работодателю необходимо наличие диплома о высшем образовании, а не качество и уровень подготовленности этого специалиста». Такая проблема, конечно, есть, и она приоткрывает ещё одну неприглядную сторону «престижа образования», заслуживающую отдельного рассмотрения, хотя этим «вирусом» заражены не только (может быть, не столько) работодатели, но и - ещё более - «специалисты», слишком большую часть которых волнует, кажется, в первую очередь не «качество и уровень подготовленности», а «наличие диплома о высшем образовании». Но, думается, - что касается работодателей, во всяком случае солидных, как частных, так и государственных, – обобщения, сделанные студентом, несколько поспешны.

Как показывает опыт да и подтверждают данные социологических исследований, проблема как раз в другом. «63,5 % тех выпускников, которые работают по специальности, - сообщают результаты своих исследований Кушнин Б. и Кадатская И.,- обучались на бюджетной основе; 58,5 % – на коммерческой основе. Объяснение этому...работодатели традиционно считают, что «платники»

¹ Социология образования. Дайджест российской и зарубежной прессы. 2006. - № 6. - С.42.

² Там же.

³ Там же. С.43.

обучаются хуже: для них якобы важен сам факт наличия высшего образования, нежели уровень их подготовки»⁴. Такая репутация «платников» создает им проблемы, о которых они, возможно, догадывались, но не ожидали или не хотели ожидать, отправляясь по манящему, но беспокойному морю высшего образования за вожделенным дипломом. Проблемы особенно чувствительные (если учитывать те надежды, которые они связывали с дипломом) для тех, кто не имеет покровительства, с напряжением оплачивал обучение, не имеет связей и больших денег. Не даром и состоятельные родители, которые без особых издержек могли бы обучать своих детей на платной основе, предпочитают (иногда всеми правдами и неправдами) делать это на бюджетной, а если (коли всё же не вышло) и на платной, то не в коммерческом вузе, а в государственном, желательно известном.

Такова репутация, хотя далеко и не всегда справедливая: среди «платников» много хорошо успевающих, а среди «бюджетников», наоборот, много – на «престижных» факультетах особенно – тех, кому важен только «факт наличия диплома». Однако репутация не совсем беспочвенная, а мнение работодателей не совсем предвзятое. Невозможно не видеть связи между некачественным образованием («квалификация претендентов на рабочие места не удовлетворяет требованиям работодателей», пишут названные социологи) и прочно закрепившимся в сознании не одних только работодателей стереотипом: «платники» обучаются хуже: для них якобы важен сам факт получения высшего образования».

Только речь идет не о платном образовании вообще – возражать против него принципиально было бы и глупо, и не реалистично. Оно, правда, создает иные проблемы, о которых речь впереди, но при соблюдении меры, при *ином* отношении к образованию и его реформе могло бы решить проблему удовлетворения возросших потребностей в образовании ввиду невозможности сделать это только на государственно-бюджетной основе.

Речь идет о коммерциализации образования, которая имеет своей целью...коммерциализацию образования, то есть превращение его (на всех стадиях: довузовской, вузовской и послевузовской) в прибыльную статью бюджета личного ли, корпоративного ли или государственного. Это – спекуляция на престиже образования, на образовательных запросах, которые продиктованы «модой», «мнением», соображениями «прикида» (на этот раз социально-общественного), конъюнктурной ситуацией или ценностями, порожденными нездоровыми тенденциями в обществе, но «неадекватными не только

⁴ Там же. С.42-43.

завтрашнему дню, но и сегодняшним реалиям», неадекватными ни общественным потребностям, ни осознанным личным интересам. Отсюда – множество коммерческих учебных заведений в городах, городишках и всях страны, платные всевозможные образовательные услуги, не обеспеченные традициями качественного образования, необходимой базой, квалифицированным преподавательским составом, образовательным опытом, требовательным отбором абитуриентов да часто и надлежащим к делу отношением многих задействованных в таком процессе преподавателей, воспринимающих «подработку» как халтуру. Стоит ли удивляться подобной репутации образования, полученному таким образом, и вызывает ли непонимание сложившееся (у работодателей и иных смертных) в отношении получивших его приведенное ранее мнение ?

Донкихотством было бы порицать такую активность «частного интереса» – она неизбежна, но государство обязано оглядываться, как выразился однажды Радищев, «окрест себя», обязано видеть дальше и блюсти не конъюнктурные только интересы налогоплательщиков, но интересы общественные, интересы будущего, благо всех. И в этих интересах не допускать подобной ситуации, укрощать непомерные частные аппетиты, эгоистические интересы ради оптимальных общественных перспектив, контролировать процесс, ибо если благо всех и не предполагает непременно благо каждого, но уж точно не-благо (а тем более неблагополучие) общественного целого не делает возможным благо каждого. А неблагополучие в сфере образования, учитывая его значение для перспектив общественного развития, безусловно, грозит благополучию целого.

Устранение этих угроз или по крайней мере минимизация отрицательных последствий их возможна только при наличии внятной и исходящей не из конъюнктурных выгод, эгоистических корпоративных интересов или реформаторских полудилетантских фантазий, а из интересов общественного блага, из национальных интересов политики государства в области образования. Тогда станет очевидно, что образование - это не проект, а вещь системная и систематическая, где позитивные результаты в одной области целым рядом опосредствующих звеньев связаны с состоянием дел в других, часто даже не смежных с ней; где, чтобы иметь успехи в одном деле (например, в сфере разработки высоких технологий), надо вложить средства в другое (скажем, в школьное образование) и проводить долгую, терпеливую и продуманную работу в третьем; где грубое хирургическое вмешательство или разрушение одного из звеньев приводит к обесплочиванию, разрушению или деформации любого другого звена.

Переход на двухуровневую систему образования, предусматривающую и выпуск бакалавров, прошедших трёхгодичное обучение (техникумовское, как выразилась одна студентка), возможно, объективно и является подступом к решению назревшей в постсоветское время проблемы рационального соотношения между высшим и среднеспециальным образованием (и тогда он может получить понимание, тогда в нем есть разумное начало). Но, во-первых, сомнительно, что именно это соображение побудило перейти к нему (это ещё не беда – был бы результат); во-вторых, проводимый кампанейски, в угоду сомнительных выгод, с игнорированием ранее достигнутого уровня и качества образования и сложившихся плодотворных научно-образовательных традиций, способных во многих сферах, в первую очередь сферах естественнонаучного образования, а также общеобразовательной, общегуманитарной и интеллектуально качественной подготовки выпускников «поставить» конкурентосостоятельную «продукцию» на международном уровне, - проводимый не взирая на это переход может лишь подорвать сложившиеся основы высшего образования, хотя и сформировавшегося под влиянием и даже под руководством Европы, но выработавшего свои традиции, критерии и уровни, заставившие уважительно относиться к себе эту Европу.

С коммерциализацией образования, а точнее с установлением в качестве господствующих нынешних основ экономической и общественной жизни, лишь следствием которых является масштабная коммерциализация образования, возникает и становится все более тревожной еще одна проблема. Она не сугубо российская – характерна для всех стран с аналогичными основами и принципами экономического и общественного жизнеустройства. Различие лишь в степени её остроты, в мере осознания проблемы и в масштабности усилий, направленных на её решение или минимизацию её негативных последствий, как в области образования, так и в общем социальном плане. Речь идет о неравных возможностях в получении образования (вообще, качественного в частности) вследствие социального неравенства, резкого имущественного расслоения населения, в следствии вместе с этим слабой, вялотекущей социальной политики государства.

«Руководство высшего образования США в последнее время озаботилось проблемой недоступности наиболее престижных вузов для студентов из малообеспеченных семей», - заявляет американский исследователь Дж. Вайнер и ссылается на ряд социологов, специалистов в области трудовых отношений (в том числе из Гарвардского университета)⁵. В докладе с характерным названием «С

⁵ Вайнер Дж. Равенство в сфере образования и проблема студенческого трансферта // Социология образования. 2006. - №6. - С.14.

обочины на широкую дорогу: политика расширения доступности высшего образования» (Великобритания), подготовленным организацией Universities UK совместно с Конференцией ректоров университетов отмечается, что «несмотря на все усилия университетов, стимулируемых правительством по увеличению доли выходцев из рабочей среды и представителей этнических меньшинств, пророст их численности в вузах, особенно в наиболее престижных, значительно отстаёт от темпов роста числа выходцев из наиболее благополучных социально-экономических групп»⁶. Нидерландские авторы Гестуцен М., Де Грат П.М., Крайкамп Д. в статье, в которой рассматривается проблема влияния социально-экономического положения семей на уровень образования в Нидерландах, отмечают, что «социально-экономическое положение семей является основной причиной гомогенизации группы людей с низким уровнем образования. Поскольку семья оказывает большое влияние на образовательный уровень, можно предположить, что из средней школы отсеиваются, в основном, подростки с низким уровнем семейных доходов...Ранний отсев из школы приводит к невыгодному положению на рынке труда...»⁷. Можно продолжить. Но это не новость. Проблема в том, что это стало проблемой для России, что, впрочем, было неизбежно. И проблемой комплексной.

Во всех публикациях зарубежных авторов, посвящённых этой теме, с которыми мы познакомились, обращает на себя внимание одно обстоятельство: общественность серьёзно озабочена ситуацией, социологи, учёные выражают тревогу, а правительства прилагают большие усилия, идут на солидные и отнюдь не одноразовые финансовые расходы, чтобы сгладить остроту проблемы, минимизировать ее негативные последствия. Надо думать, это вызвано не только пониманием значения образования, пониманием того, что проблема образования это системная проблема, предполагающая, что для ее решения надо дергать не только за ту верёвочку, которая называется «образование», но и за множество других. Вероятно, это вызвано и осознанием серьёзных социальных последствий «запущенности» в этой сфере жизни.

Как связаны социальное неравенство, низкая доходность семьи, социальная незащищенность и т. д. с возможностью получить полноценное образование и продолжать его, коли это является условием реализации жизненной стратегии ? Речь идет не только о высшем образовании. Здесь ограниченные возможности в связи с названными обстоятельствами достаточно очевидны. Сокращение бюджетных мест, коммерциализация образования и всех образовательных услуг, постоянное возрастание платы за обучение, дороговизна жизни, всего

⁶ См.: Социология образования. 2006. - № 6. - С. 63-64.

⁷ См.: Социология образования. 2006. - № 5. - С. 8-9.

необходимого для обучения и т.д. делает недоступным не только обучение в престижных вузах, но проблематичным обучение и в «обычных».

Однако следует говорить в связи с этой проблемой о всей цепочке образования, ибо звенья ее необходимо связаны: низшее звено системы образования в значительной мере предопределяет возможность движения к высшему. Мы не имеем в виду то, что посредственные успехи в школе непременно закрывают путь в вуз. В вузы (на бюджет и в платные группы) поступает достаточное количество выпускников с посредственными школьными оценками, таковыми (посредственными) большинство из них остаётся и здесь. Но это почти всецело объясняется финансовыми и иными возможностями родителей. Речь о другом. Как, через какие механизмы рассматриваемые здесь обстоятельства (факторы), то есть имущественная немота, стесненное социальное положение и т.д. оказывают влияние на возможности в области образования, образовательного роста ?

Один из таких «механизмов» действует непосредственно и прямо: «вырастить» школьника (просто вырастить как человека, имеющего потребности в еде, одежде и т.д.), тем более обеспечить его всем необходимым для нормальной учебы, способствовать материально его успешной учебе для семьи малоимущей задача очень сложная, иногда на грани напряжения сил. Но даже и при этом возможны отменные успехи в школе и стремление продолжить учебу в вузе - это когда мы имеем дело с дарованием или сильной волей. Но правилом, однако, является другое: незначительные успехи, трудности, усталость, угасание интереса к учебе и ее продолжению, «поиск себя» в иных областях и т.д. Так бывает когда и семья, и каждый человек – хайдеггеровский заброшенный в мир человек, в социальный мир, которому до него нет никакого дела. Другой механизм связан с поколенческим рядом и действует опосредствованно. «Человек – это мир человека». Семья, «микроклимат» играют в формировании этого человека, его мира особенно большую роль. Не обязательно «атмосфера культуры» в семье предполагает принадлежность к высокодоходным слоям населения, далеко и далеко не обязательно, но в малоимущей семье, в семье с низким образовательным и культурным уровнем взрослых, родителей вероятность того, что дети будут нацелены на образование, будут связывать реализацию своих стратегических жизненных целей с образованием не велика. Причём низкий образовательно-культурный уровень и ограниченные в этом отношении запросы одного поколения культивируют таковые же у другого.

Но много и других «сюрпризов» ожидает молодых людей на дорогах современного отечественного образования (точно подметил один из студентов в своём ответе: «Когда попадаешь в университет, ты ещё не представляешь, с чем

тебе придётся столкнуться») Например, неустроенность, непродуманность, мятущийся характер, паробразность, «кипящеобразность» и программного содержания учебного процесса, и его организации, и его структуры (не только о высшем образовании идет речь). Поэтому те недоумения, неясности, сомнения, возникающие в головах студентов, пытающихся размышлять о своем процессе учебы, понять: «зачем это нужно» и т.д. в значительной мере спровоцированы последним обстоятельством.

Послушаем снова студентов. «Также я против реформы образования, которая сейчас проводится в России, но не хочу об этом много писать», - заявляет одна студентка. Другие пишут более откровенно. О чем? Что волнует? Много неясного для них в связи с переходом на двухуровневую систему образования.⁸ И ведь точно подметили «ахиллесову пяту» реформы. «Реформа ориентирована на западный тип образования, характеризующийся подготовкой профессионалов в узкой области. Подойдет ли это для нашей страны – вот главная проблема. Мы достаточно часто сталкивались с тем, что западные институты, искусственно насаждаемые в России, не приживались или имели совершенно неожиданные последствия. Переход на двухступенчатую систему имеет смысл в том случае, если российские дипломы действительно будут признаны на Западе. Но до сих пор мне непонятно, что будет с аспирантурой». Другая студентка пишет: «Нельзя четко дифференцировать образование, когда выпускаются специалисты в узкой сфере, для этого существуют техникумы». Вот ещё: «Университет - это не техникум, который даёт узкую специализацию».

Рациональное зерно в двухступенчатой системе можно было бы усмотреть в том случае, если бы она была нацелена на решение насущной для нас задачи насытить рынок труда выпускниками, имеющими среднеспециальное образование (помимо того, конечно, что при ее внедрении необходимо учитывать специфику наук и дисциплин). Но это не должно решаться за счет задач университета, за счет лишения его изначальной миссии, за счет погребения его специфики – это прекрасно понимают студенты, что явствует уже из приведенных ответов, а еще более из их ответов на другой вопрос: «Миссия университета: в чем она?»⁹ Вместе с тем есть и понимание проблем в трудоустройстве, связанных как раз с характером образования (фундаментальное), полученным в университете: «Студенты классического университета получают фундаментальное образование, базу, что в условиях современного образовательного процесса, как кажется, имеет

⁸ Ничего удивительного, если даже американские университеты высказывают опасения относительно качества образования, получаемого студентами на первом уровне подготовки, так что комиссару Евросоюза по вопросам образования приходится разубеждать их. – См.: Социология образования. 2006. - № 5. - С 44.

⁹ Одна из студенток пишет: «Миссия университета – давать миру людей, которые могут смотреть на вещи под разными углами, видеть, что все взаимосвязано. Университет, сочетая гуманитарное и естественнонаучное образование, всегда об этом не только напоминает, но и формирует (в виде привычки) целостный взгляд на мир».

значение. Однако работодатели нацелены на быстрый и конкретный результат, что является причиной того, что на сегодняшний день на рынке труда большим спросом пользуются выпускники именно неклассических университетов, того же КАИ и КХТИ, например». Понимая, что надо искать оптимальное решение проблемы, никто из них, однако, не предлагает вместе с волосами отрезать и голову.

Почти во всех ответах есть откровенное недовольство настырным насаждением тестирования и балло-рейтинговой системы. Упреки в их адрес обоснованы и продиктованы пониманием их крупнейших недостатков, а то и вредных последствий. «Я считаю, что нельзя обучение в университете сводить к балльной системе, к тестовой проверке знаний. Таким образом может снизиться уровень образования (готовясь к тестам, студенты будут заучивать ответы и не будут размышлять и понимать), а также исчезнет сама специфика университетского образования, особенно что касается гуманитарных дисциплин». «Мне кажется, нельзя реформой современного образования превращать университет в погоню за оценкой, за рейтингом. Наш университет всегда учитывал направленность самого студента... Студент лишается выбора. Он просто должен заработать балл – не важно зачем, не важно каким образом. В этой гонке тщеславия теряется смысл духовности образования». «В реформе высшей школы не устраивает излишний формализм, утрата непосредственного общения, что связано с введением тестирования и балло-рейтинговой системы». «Тест – поверхностное знание, скорее даже просто определенная информация, ничего не дающая для развития личности студента..Непосредственное общение студента и преподавателя важно». «Нельзя вводить вместо экзамена систему тестирования, потому что на гуманитарных факультетах должен учиться выражать своё мнение, а на естественнонаучных важен сам ход задачи, ее решение, а не только результат». Есть, правда, и одна положительная оценка рейтинговой системы: «Мне нравится новая балло-рейтинговая система. Мне кажется, что она позволяет студенту решать, что он хочет, и ставить перед ним определенные цели», но тут же автор добавляет: «Другое дело, что эта система уравнивает всех и нивелирует личностные качества человека».

Мы привели эти пространные выписки потому, что из них видны не только фундаментальные недостатки и балло-рейтинговой системы, и тестирования, но и потому, что студенты вполне осознают порочные последствия этой практики, разъедающей и школу. Уровень образования, кругозора, общекультурного развития многих выпускников вузов уже сейчас не вызывает восторга, еще хуже дело обстоит с выпускниками школ, давно ставших полигоном для живодерских экспериментов «реформаторов». Очевидна связь между двумя этими фактами.

Очевидно также, почему школа все более и более поставляет в вузы значительную долю некачественного «товара» – образование единый процесс. Авторы доклада, опубликованного в феврале 2006 года министерством образования США и посвященного проблемам успеваемости в вузах, пришли к выводу, что «успехи в вузах напрямую зависят от качества школьных программ»¹⁰. Вещь не особенно секретная, хотя и в России о ней знать не мешало бы. Но вот что интересно при этом. Авторы из США полагают: «Научная насыщенность учебных школьных программ играет большую роль в дальнейшей учёбе в вузе, чем все высокие отметки и показатели стандартизованных тестов»¹¹.

3-4. Становление университетов. Предыстория и история становления и развития университетов как образовательно-научных учреждений в Западной Европе (и в мире вообще) восходит к эпохе позднего средневековья. Еще в XI веке в Италии открывается Болонская Высшая Школа, вскоре (1158 г.) получившая название университета - первого в мире. Довольно скоро открываются Оксфордский (вторая половина XII века) и Кем-бриджский (1209 г.) университеты в Англии, Парижский (1215 г.) во Франции, Неаполитанский (1224 г.), Римский (1303 г.) в Италии, Саломанский (1218 г.) и Вильядолидский (1346 г.) в Испании, Лиссабонский (1290 г.) в Португалии, Пражский (1348 г.) в Чехии, Краковский (1346 г.) в Польше, Венский (1365 г.) в Австрии, Гейдельбергский (1386 г.) в Германии. В последующие столетия в Европе, а потом США, Южной Америке, странах Востока и Азии открываются университеты - где-то на базе различных высших школ, а где-то лицеев, колледжей. Университеты становятся основным средоточием высшего, наиболее престижного образования и со временем - крупными центрами научных исследований и развития культуры. Разумеется, начальные этапы становления и развития университетов не были лишены трудностей разного рода, обусловленных как процессами их роста, так и особенностями самой исторической эпохи: наслоениями различных типов культур, ментальностью общества, традициями науки и в целом «историческими зигзагами» общественного развития. Наиболее мощным катализатором, способствовавшим появлению и утверждению университетов во всех странах, были зарождавшиеся новые общественные отношения, рост городов, промышленное производство, глубинные потребности просвещения, дневший подъем культуры, то есть все те основания, которые не могли не будировать огромную тягу тогдашнего общества к фундаментальному образованию людей, познанию природных и социальных явлений и процессов. Обозначая истоки и традиции культуры, вбивавшиеся

¹⁰ См.: Социология образования. 2006. - № 5 - . С.12.

¹¹ Там же С. 11.

открывающимися университетами, нельзя не заметить значительного влияния на них древнегреческого принципа пайдеи, воплощавшего в себе единство образования и воспитания, идеалы целостного и гармоничного развития личности (Академия Платона, Ликей Аристотеля). «Пайдейя» не столько образование (в современном смысле слова), сколько его реализация, осуществление знания, претворение его в жизнь. Мудрость поэтому заключается не в наборе знания, а в умении жить и быть полезным, то есть добродетельным (в античной этике «арете» - добродетель разного рода искусства, способность строить и конструировать). Самой же добродетели научить нельзя, можно только самому научиться (Платон). Университеты позднего средневековья несли в себе «воспоминания» о древнегреческой пайдейе, но эта историческая память в какой-то мере постепенно утрачивала свою значимость и востребованность, однако, не сошла и не могла сойти полностью на нет. Слишком привлекательными были парадигмы образования и воспитания, выработанные греками. Возникновение и функционирование европейских университетов проходило не без влияния на формирование их структур, выработанных ранними и зрелыми институтами схоластики интеллектуально-рационалистических навыков, принципов, ориентаций, процедур, формально-логических приемов, лежащих в основании познавательных процессов. Влияние указанных феноменов было противоречивым: с одной стороны, схоластика не могла не нести в себе выработанных веками достижений в духовной сфере и культуре, а с другой, - включала в себя в немалой степени христианскую ортодоксию, философское обоснование религиозной догматики, что не способствовало развитию естественнонаучных и гуманитарных знаний, их обновлению и приращению. В связи со сказанным первые университеты некоторое время находились, образно говоря, между молотом и наковальней: на них стремились оказать решающее влияние либо католическая церковь, либо королевская власть, нередко враждовавшие между собой. Церковь стремилась по вполне понятным причинам утвердить свою монополию на образование, укрепить в сознании молодежи религиозное мирозерцание, а королевская власть хотела видеть в университетах пути и гарантии формирования у человека приверженности светским интеллектуальным очагам культуры, подготовки специалистов для службы во власти. Хотя университеты с первых лет своего существования обладали известной административной автономией и юрисдикцией, собственными уставами, тем не менее противостояние церкви и светской власти не могло не сказываться на их статусе, содержательных сторонах их деятельности независимо от того, кто являлся изначально основателем университетов - королевская или церковная власть. Не только в начальные периоды существования университетов, но и в последующем, вплоть до наших дней, влияние светской и церковной властных

инстанций на их деятельность были переменчивым. То одна, то другая из них оказывались доминантной. Попытки полного подчинения себе университетов, создание в них теологических факультетов или отделений, стремление полного разграничения светского и теологического образования в эпоху Возрождения и позже - все это зримые вехи в развитии университетов, тенденции, которые порождались особенностями исторического развития конкретно взятого общества.

Классические университеты. Другой определяющей специфической чертой западно-европейских университетов стало то, что они создавались и в дальнейшем укреплялись в своем статусе как высшие учебные заведения особого, классического типа. Еще В.Гумбольдт в свое время определил университет классического типа как «элитарное высшее учебное заведение, в котором обучение студентов и научные исследования находятся в неразрывном единстве при обеспечении свободы обучаемого и обучающего со стороны государства. Главное в гумбольдтовской модели - синтез науки и образования при условии университетской автономии, включающей полную академическую свободу. Классические университеты отличаются от возникавших в разное время других вузов - отраслевых, политехнических, индустриальных институтов, учебных академий, высших училищ - по целому ряду имманентно присущих им признаков. Классические университеты - это прежде всего учебно-научные заведения, имеющие, как правило, длительную историю своего существования (порядка столетий). В них накоплены глубинные традиции обучения, научных исследований, которые пронизывают все стороны университетской жизни, формируют особую атмосферу университетского сообщества. В самом деле, университет (от латинского «университас») означает сообщество, общность людей. Классические университеты возникали и развивались как определенные корпорации объединившихся людей по их потребностям, жезнеобеспечивающим ценностям, образовательным интересам. Все это фиксировалось в университетских уставах. Обладая в той или иной мере автономией от властей, университеты представляли своего рода «государство в государстве», что нередко приводило даже к конфликтным ситуациям с органами власти. Свободомыслие, независимые суждения студентов и профессуры по важным вопросам социально-культурного и политического развития общества были нередкими в университетах. Неспроста и сегодня многие видные государственные и политические деятели не чужаются возможности выступать в университетской аудитории, озвучивая свои программы, как бы сверяя свои взгляды и ориентации с мнением университетской общности. Другая особенность классических университетов в том, что они во многом остаются и сейчас центрами прежде всего теоретического образования. Так, во Франции, например, 85% всех студентов сосредоточено именно в этих вузах; в Великобритании большинство абитуриентов пытаются поступить именно в классические университеты. Аналогичная ситуация и в большинстве остальных западноевропейских стран. Уже в первых европейских университетах образовательные программы предполагали обучение студентов на

факультете так называемых свободных искусств (в дальнейшем философском факультете), где осваивали риторику, логику, диалектику, математику, грамматику, астрономию. На высших факультетах изучали право, медицину, богословие. В последующем наборы учебных дисциплин постоянно расширялись, университет становился все более многопрофильным. Университетское образование, которое отличается фундаментальностью, широтой, поли- и междисциплинарностью, специализациями по новейшим направлениям нау-8 Ученые записки Казанского государственного университета ки, ориентировано, помимо профессиональной подготовки, на формирование способности «учиться», в том числе самообразовываться, способности к концептуализации новых массивов информации, в отличие от неуниверситетских форм высшего образования, нацеленных прежде всего на освоение некоей суммы узкопрофессиональных знаний и навыков. В университетах сбалансированно представлены естественные и гуманитарные науки и соответствующие факультеты, отделения, кафедры. Здесь, как в сообщающихся сосудах, возможны переливания из одних областей науки и учебных дисциплин в другие, имеются благоприятные условия для участия в стыковых, пограничных исследованиях. Студенты и аспиранты, не замыкаясь учебными планами и программами своих «родных» факультетов, в состоянии окунуться в поле знаний истории, культуры, литературы, языка, права и равным же образом - в интересующие их природоведческие или точные науки. Подобные возможности в университете, как ни в каком другом вузе, позволяют реализовать принцип фундаментальности образования. Прорыв узких горизонтов профессиональных знаний позволяет формировать у молодежи всеохватывающее видение при- родных и социальных явлений, постоянно расширять в умах контуры мироздания, созда- вать в сознании студентов широкую мировоззренческую панораму. Хорошо известно, что в прошлом и теперь крупные философы, историки, право- веды, филологи нередко помимо «своей» науки осваивали и определенные пласты математических и естественнонаучных знаний. Вместе с тем и естествоиспытатели испытывали непреодолимую тягу к гуманитарным наукам, знаниям о человеке и его духе. Еще одна определяющая особенность университета классического типа - характер сочетания в нем фундаментальных и прикладных научных исследований. Университет с некоторых пор стал и по настоящее время остается центром научной деятельности ученых, где доминанту составляет как раз фундаментальная наука. Это находит свое отражение в структурах факультетов и отделений, а также в создававшихся уже в новое время при университетах научно-исследовательских лабораториях и институтах. Университет классического типа всегда являлся исключительным средоточием гуманитарного образования и соответствующих исследований. Да, существуют высшие учебные заведения, не являющиеся университетами, но имеющие общую гуманитарную направленность своей деятельности. Чаще всего это узкопрофессиональные образовательные учреждения: педагогические, правоведческие, искусствоведческие, культуроведческие, в которых обучение строго специализировано, направлено на подготовку людей к деятельности в какой-то конкретной сфере жизни.

Разумеется, подготовка по гуманитарным специальностям в университетах и однопрофильных вузах по содержанию учебных курсов, методикам обучения в чем-то может пересекаться, взаимодополняться. Во всяком случае, здесь речь идет не о признании некоей ущербности неуниверситетского гуманитарного образования. Статус классического университета необходимо дополнялся признанием его как своеобразного домена - вместилища, созидателя, пользователя и распространителя высокой культуры. Выполняя свою главную миссию - подготовку специалистов высшей квалификации, университет не может не быть средоточием культуры в широком ее значении как меры человеческой духовности. Многопрофильная структура классического университета делает его настоящим центром культуры не только для его питомцев, но и для тех, кто находится вне его стен и как бы получает мощные импульсы культурно-цивилизационного заряда от университета.

Источники информации:

Основная литература:

История русской философии: Учебник / Под общ. ред. М.А. Маслина. - 3-е изд., перераб. - М.: НИЦ ИНФРА-М, 2013. – Глава II. Философия в российских университетах. Университетская философия в ее истории

<http://znanium.com/bookread.php?book=414693>

Дополнительная литература:

Антология педагогической мысли христианского Средневековья. В двух томах. Том 2. Мир преломился в книге. Воспитание в средневековом мире глазами учёных наставников и их современников/Сост.В.Г.Безрогова, о.И.Варьяш. – М.: АО «Аспект Пресс»,1994. – С.206-212.[Здесь же библиография по истории университетов и университетского преподавания].

Батулин, В. К. Философия образования для России - 2020 [Электронный ресурс] / В. К. Батулин. - М.: Вузовский Учебник, 2013. - 212 с. <http://znanium.com/bookread.php?book=414839>, 2003.

Документы по истории университетов Европы XII-XV вв. [Текст] : Учеб. Пособие. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический институт, 1973

http://nashaucheba.ru/v28112/документы_по_истории_университетов_европы_xii-xv_

Образование как пространство и время человеческого бытия. Коллективная монография. – Казань: Казанский государственный университет, 2007. – Главы 2,3.(dspace.kpfu.ru/xmlui/bitstream/handle/net/21660/0).

Павлова А.В. Образование как энтелехия целостности человека. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. – Казань,2004.

http://dspace.kpfu.ru/xmlui/bitstream/handle/net/30760/120105_4.pdf?sequence=1&isAllowed=y

Садыков М.Б., Серебряков Ф.Ф., Щелкунов М.Д. Классический университет в системе образования. // Учёные Записки Казанского государственного

университета. Том 146. Философские науки. – Казань: Казанский государственный университет, 2004. - С. 4-13.
libweb.kpfu.ru/z3950/phil/T146/004-020.pdf

Университет. Общество. Человек / М. Б. Садыков, Ф. Ф. Серебряков, М. Д. Щелкунов, А. В. Петров. - Казань: Изд. Казан. ун-та, 2003. - Главы 1-3,6.

Университетское образование: приглашение к размышлению / В. А. Садовничий, В. В. Белокуров, В. Г. Сушко, Е. В. Шикин. - М.: Изд. Моск. Ун-та, 1995 – С.87-126.

Тема 2. УЧРЕЖДЕНИЕ УНИВЕРСИТЕТОВ В РОССИИ. ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ

Аннотация: В данной теме рассматриваются учреждение университетов в России (социально-исторические, культурные и иные предпосылки, факторы развития), их особенности по сравнению с университетами европейскими; учреждение университета в Казани и его культурно-историческое значение.

Ключевые слова: российский университет, Казанский университет, культура, наука, университетский Устав, университет как фактор культурно-исторического развития, просвещение.

Вопросы для изучения:

1. Учреждение университетов в России, их особенности.
2. Учреждение университета в Казани. Его отличия от других российских университетов. Культурно-историческое значение Казанского университета для Поволжья.
3. Устав 1804 года. Последующие Уставы. Отделения (факультеты) Казанского университета.

1-2. История Казанского университета, учрежденного более 200 лет назад в тогда еще малопросвещенном крае, на стыке Европы и Азии, и метаморфозы, которые он претерпел вместе со сменой социальных и образовательных эпох за эти два столетия всецело подтверждают сказанное выше об облике и миссии классического университета, о его современных проблемах и задачах. Можно было бы добавить к этому, пожалуй, лишь следующее. То, что было сказано ранее о становлении и предназначении классического университета вообще, справедливо и в отношении Казанского университета. Тем более, что он изначально предполагался как классический университет, т.е. как учреждение, долженствующее воплотить в себе как раз те цели, о которых говорил В.Гумбольдт в приведенной ранее цитате. Но в «личном деле» Казанского университета есть характеристики, которые не присущи в целом европейскому классическому университету и которые являются следствием некоторых принципиальных отличий наших университетов от западных.¹⁴ Ученые записки Казанского государственного университета. Причем эти отличия имеют такое важное значение для характеристики российского университета как учебного

заведения, что мы, пожалуй, вправе говорить, имея в виду эти его особенности, о российском классическом университете.

Первая особенность наших университетов (если проследить их историю), резко выделяющая их в сравнении с западно-европейскими, в том, что все они были учреждены волею государства, верховной власти, причем именно как государственные учреждения, а вовсе не были вызваны к жизни самодеятельно, из потребностей умственного движения самого общества, как это было на Западе. Казанский университет, появившийся в силу императорского Указа от ноября 1804 года, в этом смысле есть классический российский университет (как впрочем и учрежденный спустя три месяца Харьковский, а до них Московский). В этом есть свои плюсы и минусы, но это, безусловно, своеобразие наших университетов. Минусы - в ограничении академических свобод, доходившем порой до полного их сворачивания, в подчинении образовательной деятельности практическим и идеологическим целям государства, во включении университетов в государственную бюрократическую систему, хотя и на особом положении. Причем, если европейские университеты, отстаивая свои права от внешних посягательств, могли воспользоваться, как отмечалось ранее, противоречиями интересов сил, претендовавших на опеку над университетом: церкви, королевской власти, коммун, то российский университет был лишен и этой возможности. В силу полного срастания церкви и государства последнее в лице попечителей учебных округов, в лице своих представителей непосредственно в университете выполняло не только политические надзирательные функции, но было и источником духовной цензуры. Однако (и это уже плюсы), вряд ли можно было бы надеяться, что в огромной и отсталой империи, с плохо развитыми и никогда не бывшими вольными городами и преимущественно сельским населением, многоплеменным и многоконфессиональным. «У нас не может быть той свободной науки, - писал Н.П.Загоскин, автор «Истории императорского Казанского университета», - которая составляет необходимое условие европейских университетов». - Загоскин Н.П. История императорского Казанского университета. - Казань, 1902. - С.XVII. Со слабыми традициями просвещения, с почти полным отсутствием науки и опыта научных дискуссий, при господстве византийского православия, с подозрением (мягко говоря) относившегося к «мудрости мира сего», тем более, если она была заклеена связью с еретическим «латинством», - вряд ли при всем этом можно было надеяться, что «наука и высшее образование в нашем отечестве (станут) свободным актом самого общества», выражаясь словами Н.Булича, воспитанника и некогда ректора университета. Достаточно напомнить о том совершеннейшем равнодушии, непонимании и даже недоброжелательности со стороны местного населения, включая и «образованное сословие», с какими были встречены открытие в городе Казанского университета. Эта планомерная деятельность «просвещенной монархии» по учреждению в России науки и университетского образования², а также государственная опека над ними, включая и приглашение первоклассных иноземных профессоров («под гарантии государства!»), безусловно, способствовали тому, что наши университеты, в том числе и Казанский,

достаточно быстро окрепли, встали на ноги и вскоре достигли вполне приличного европейского уровня. Им не пришлось пережить ни периода долгого внутриутробного развития, неизбежного при «самостийном» становлении университетов, ни мучительного поиска оптимальных форм университетского образования, через который прошли университеты европейские - российские университеты заимствовали уже сложившиеся и опробованные модели его. Хотя, конечно, судьба российского университета складывалась не просто: Казанскому понадобилось 10 лет для не формального только, а настоящего, полного, соответствующего своему статусу, открытия. И еще несколько десятилетий, чтобы стать европейски известным, благодаря своим ученым, естественникам и профессорам Восточного разряда. В любом случае это совсем немного для того, чтобы на равных войти в семью европейских классических университетов, исчислявших свою историю веками. Рассмотренная здесь особенность российского классического университета обусловила и другую. Наши университеты не только вызвали умственную и культурную жизнь одним фактом своего существования (так что их пробуждением у нас мы почти всецело обязаны университетам)³, но создателями университетских проектов им напрямую вменялась культурно-просветительская деятельность даже едва ли ни на уровне «всеобща», непосредственное руководство (методологическое, организационное и т.д.) этой образовательной деятельностью. Еще при Екатерине Великой было запланировано открытие в стране нескольких университетов. ³ «Всем, что в Поволжье есть культурного, мы обязаны Казанскому университету», - писал один из его воспитанников. - Бобровников В.А. Об учреждении Востоковедной комиссии. - Казань, 1919. - С.200. Таким образом, университет как императорское учреждение выполнял государственную же задачу - просвещение и школьное дело (при отсутствии гражданского общества и тотальном слиянии государства и общества это, безусловно, государственная функция). Позднее, правда, университеты были освобождены от этой обязанности, но для характеристики российского классического университета, для оттенения исходных принципов его становления эта особенность весьма существенна. Вовсе не важно, что этот лик российского университета был порожден общей культурной и образовательной отсталостью России, слитностью государства, общества и церкви, ограниченностью по сравнению с Европой каналов просвещения и распространения знания. Университет выполнял не только свою непосредственную, «статусную» работу, но еще вот эту, изложенную выше, в отличие от европейских университетов, функции которых были очерчены рамками учено-научной и преподавательско-университетской деятельности. Еще одна особенность российского классического университета связана с ограниченным количеством научных, исследовательских прежде всего, учреждений (в период становления университетов) при гигантских размерах государства с ярко выраженными региональными различиями внутри него, при обширном этнокультурном различии его населения, имеющего не только общероссийскую историю, но и национальнообособленную (в отличие от европейских стран, большинство из которых этнически и конфессионально в

основе своей однородны, а народы их имеют единую историю, несмотря на провинциальные различия, которые во всяком случае не могут быть столь же значимы, как своеобразие истории народов такой страны, как Россия, раскинувшейся в евроазиатском пространстве). Европейский университет возникает сначала как *Stadium generale* - всеобщая школа (имеется в виду интернациональный характер учеников, обучавшихся в этих школах). Потом они превращаются в университеты - корпорации преподавателей и студентов, распределенных по факультетам - отраслям знаний (отсюда *universitas* - совокупность). Такой типично - совокупный характер носят в дальнейшем европейские университеты, мало чем отличаясь друг от друга. И если можно говорить о специфике отдельных европейских университетов, то она заключается в преимущественном развитии какой-нибудь отрасли знания (факультета), традиционно представленного, в общем-то, и во всех других университетах. Так, Болонский университет отличался преподаванием римского права, в Салерно преобладало изучение медицины, а Париж славился своим философским факультетом. В этом, как правило, заключалось основное различие между университетами Европы. В России в силу причин, отмеченных выше, университеты, являясь также, как и европейские, совокупностью традиционных факультетов (у нас, впрочем, никогда не было теологического) отличались не только особенной известностью каких-нибудь научных школ, но и ярко выраженными региональными особенностями культурологического характера, нацеленностью на обслуживание местных задач. В научно-исследовательском отношении это означало необходимость междисциплинарного сотрудничества, концентрации усилий разных факультетов на выполнение этого «местного заказа» или во всяком случае предполагало проведение внутри научных дисциплин (теоретических и прикладных), которых не было в них, в их «чистом», классическом, канонизированном европейской наукой варианте. Так, «характеристическую особенность, отличавшую Казанский университет среди прочих высших учебных заведений образования в империи» создавал знаменитый «Восточный разряд», ставший в 30-50-е годы XIX в. главным востоковедческим центром России и одним из крупнейших таковых в мире. Быть может, Казанский университет именно этой своей характеристической особенностью более чем какой-нибудь другой из российских университетов демонстрирует рассматриваемую здесь специфику российского варианта классического университета. Дело в том, что Казанский университет возник в евразийском культурно-историческом пространстве, который сочетал в себе традиции, дух, взаимовлияния западной и восточной культур; Казань в силу своего географического, геополитического положения была естественным центром развития ориенталистики, а Россия «опиралась на Азию», последняя была ее вторыми легкими. Пренебречь возникшей в этом крае концентрацией научных сил и не воспользоваться ими для удовлетворения насущнейших потребностей государства, евразийского по своей природе, по генезису, а следовательно, и по своей судьбе было просто невозможно (пусть эти потребности первоначально и осознавались как сугубо утилитарные: подготовка миссионеров, переводчиков,

изучение специфики «туземного» населения в интересах эффективности колониальной политики). С другой стороны, само «геополитическое» положение Казанского университета просто объективно (в том числе в силу потребности удовлетворить научный интерес, исследовательское любопытство к рядом «лежащему», доступному, но мало изученному материалу) подвигало его к названной «характеристической особенности». Основанием и главной причиной открытия университета именно в Казани было вовсе не ее геополитическое положение в центре российской евразии, не осознание действительных интересов российского двуглавого орла, а наличие в Казани старейшей гимназии. Однако уже Устав 1804 года предусматривал кафедру восточных языков (предполагалось при ней иметь и лектора татарского языка), а в дальнейшем очень быстро появляется ряд востоковедческих кафедр (некоторые из них впервые в Европе). Таким образом, «характеристическая особенность» Казанского университета была неизбежна, а на этом примере видно, что неизбежным было и возникновение у российских университетов особенностей в сравнении с европейскими университетами, формирование российского варианта классического университета. Причем, рассматривая подразумеваемую здесь особенность наших университетов на примере Казанского университета, важно подчеркнуть, что мощнейшим направлением казанской ориенталистики было не просто развитие востоковедческих дисциплин, находившихся в центре внимания и европейской ориенталистики, но в первую очередь тюркология, изучение российского Востока, культуры, быта, нравов, истории народов Поволжья прежде всего. В свете сказанного нами ранее о коллективных и междисциплинарных научных усилиях, сориентированных на реализацию региональной особенности наших университетов, отметим, что не только преподаватели «восточного разряда» подвизались на этой почве, но и ученые других факультетов. Достаточно назвать имя знаменитого немецкого казанца К.Фукса, оставившего заметный след в изучении быта и истории народов Поволжского края. Рассмотрение этой исторической особенности российских университетов - «региональная привязанность» при сохранении во всем остальном характера типично европейского учебного учреждения - дает повод коснуться некоторых острейших проблем современного высшего образования и не только российского. Такой характер российского университета, сложившийся именно в связи с особенностями российского исторического развития, как никогда удачно оказался вписанным в уже сегодняшние варианты решения потребностей образовательного процесса, в котором особо важное место, могущее в дальнейшем только становиться еще более значимым, принадлежит региональному университету. Вот как особенности регионального университета представляет В.Тейлор, вице-канцлер Гулььского университета в Англии: дать возможность взрослым учиться по месту жительства; создавать программы переквалификации для местных социальных групп; участвовать в решении проблем занятости населения. . Соглашаясь с тем, что эта характеристика регионального университета уместна и при том чрезвычайно важна (учитывая в первую очередь функционирование институтов образования в рыночных условиях), полагаем, что понятие

«региональность» в данном контексте нельзя сводить только к нацеленности университета на приходящие социально-экономические региональные нужды. Учитывая исторический опыт российского регионального университета, могли бы сказать, что региональность - отражение культурно-национального своеобразия региона, которая применительно к университету порождает особенности его миссии, в первую очередь культурно-созидающей и духовной. Наконец, скажем еще об одной, на наш взгляд, выдающейся особенности наших университетов, отчетливо выделяющей российский вариант классического университета. В отличие от европейского университета, готовившего в первую очередь специалиста, профессионала, российский изначально предполагал, что его выпускники не только должны быть узкопрофессионально подготовленными, но и людьми, с развитым чувством долга перед Отечеством, перед народом, подготовленными к гражданскому служению, которое они воспринимают как саму собой разумеющуюся составляющую их профессиональной подготовки, священную обязанность. «Ум», пестовавшийся в российских университетах, не мыслился отделенным от «совести» и «чести». На это было нацелено в наших университетах все обучение. В них, говорил казанский профессор И.А.Иванов, «знание и чувство, опыт и мысль, школа и общесовестность постигли взаимное значение, выполняются, поддерживаются одно другим». Отчетливое понимание этой особенности российского университета, выделявшей его среди европейских, было присуще и самим служителям отечественной науки. «Европейскому ученому, - писал профессор физико-математического факультета университета А.Васильев, - грозит опасность выродиться в узкого специалиста, дорожащего притом исключительно утилитарными приложениями своей науки. Стремления университета должны быть направлены к выработке в слушателях... философского мирозерцания и ... гуманного направления». Впрочем, осознание этого факта обнаруживают сегодня и западные специалисты. «Основной угрозой университетам со времен Болоньи, Парижа и Оксфорда и вплоть до недавно созданных, - говорит Брайан Морис из Франции, - является ложно понимаемый профессионализм и благовидный утилитаризм нашего времени, видящего в университетах лишь средство подготовки национальной рабочей силы». То, что эта исторически сложившаяся особенность наших университетов, обусловленная характером и духом российской истории, своеобразием генезиса *universitas* в России как бы волею провидения оказалась «перспективной», востребованной перед лицом «основной угрозы университетам» в условиях рыночного общества также очевидно. «Если только мы полагаем, - продолжает Брайан Морис, - что деньги - не основная ценность и не конечный арбитр в человеческих делах, значит, мы должны быть готовыми к формулированию новой концепции полезности университета. Только она спасает университет от превращения в обычную профессиональную школу или специализированный исследовательский институт». Как видим, обращение к истории университетского образования в России, которое неизбежно приводит нас к убеждению в правомерности говорить о российском варианте классического университета имеет не только исторический интерес, а дает кое-что существенное для понимания истоков и

характера современных проблем в образовании, а также, вероятно, и в оценке вариантов их разрешения. Проблемы эти и без того острые в условиях информационного рыночного общества еще более осложняются в связи с Болонским процессом (сама необходимость которого в свою очередь вызвана объективными требованиями этого общества). В связи с декларированным намерением России присоединиться к этому процессу серьезные, судьбоносные вопросы встают перед нами. Что приобретет Россия от Болонского процесса? Что потеряет? Каковы риски? Здесь мы ограничимся только перечислением принципиальных проблем сегодняшнего высшего образования, классического университета в частности, так как их анализ предполагает отдельное исследование. Как совместить классическое предназначение университета с реалиями высоко-технологичного общества? Как сохранить культурно-духовную специфику в условиях глобализации? Как противодействовать ослаблению идеи гражданского служения? Как не превратиться (имея в виду уже Болонский процесс) в интеллектуальный придаток Европы по типу сырьевого? Как сохранить качество фундаментальной подготовки в условиях востребованности узкоспециального и утилитарного образования? Как сохранить культурную идентичность в условиях унификации образования? И это далеко не все. Очевидно, что под натиском вышеназванных вопросов и угроз к проблеме надо подходить со знанием дела, в данном случае с осознанным представлением об особенностях российского университета, его слабых и сильных, случайных и атрибутивных сторон.

3. Университетский Устав 1804 года — правовой акт российской империи, определявший устройство и порядки в университетах империи. Был принят 5 (17) ноября 1804 года.

По словам одного из авторов классических произведений по истории Казанского университета, бывшего его ректора, Н. П. Загоскина, «первые университеты основывались в России не в силу назревшей потребности в них общества, не в силу культурного роста общественной мысли и общественного самосознания, но в интересах государства и по его инициативе». Поэтому, реализуя идею «государственного утилитаризма», университеты сразу были поставлены «в административно-служебное отношение к государству».

Александр I первоначально подписал 5 ноября 1804 года «Утвердительную грамоту Императорского Московского университета» и его Устав. Вскоре были изданы аналогичные нормативные акты по Харьковскому и Казанскому университетам, которые почти полностью совпадали с предыдущим; таким образом, фактически появился типовой устав российских университетов.

За основу были приняты порядки западноевропейских, по преимуществу германских университетов. Целью университета было определено подготовка юношества «для вступления в различные звания Государственной службы». Кроме этого, университет должен был распространять знания вообще и вести научную деятельность, в том числе через создаваемые научные общества.

Университет подчинялся попечителю соответствующего учебного округа Министерства народного просвещения, но обладал вполне определённой автономией, хотя на практике власть попечителя была очень сильной и существенной. Органами коллегиального управления были установлены — Совет университета, собрание отделений (факультетов) и Правление. Совет университета, ведавший всеми делами университета и состоявший из ординарных и экстраординарных профессоров, выбирал из своей среды ректора. Исполнительным органом университетской власти являлось Правление, состоявшее из ректора, деканов факультетов и особого неперменного заседателя, назначаемого из среды ординарных профессоров попечителем учебного округа. Правление ведало не только всей хозяйственной и отчётной частью, но осуществляло юрисдикцию по гражданским искам к членам университета, а по уголовным делам производило предварительное расследование.

Университет состоял из четырех отделений (факультетов), на каждом из которых устанавливалось определённое число профессорских кафедр:

▪ *Отделение нравственных и политических наук :*

1. Богословия догматического и нравоучительного
2. Толкования Священного Писания и Церковной истории
3. Умозрительной и практической философии
4. Прав: естественного, политического и народного
5. Прав гражданского и уголовного судопроизводства в Российской империи
6. Прав знатнейших как древних, так и нынешних народов
7. Дипломатики и политической экономии.

▪ *Отделение физических и математических наук :*

1. Теоретической и опытной физики
2. Чистой математики
3. Прикладной математики
4. Астрономии
5. Химии
6. Ботаники
7. Минералогии и сельского домоводства
8. Технологии и наук, относящихся к торговле и фабрикам.

▪ *Отделение врачебных или медицинских наук :*

1. Анатомии, физиологии и судебной врачебной науки
2. Патологии, терапии и клиники
3. Врачебного вещевословия, фармации и врачебной словесности
4. Хирургии
5. Повивального искусства.
6. Скотолечения

1. Отделение словесных наук:

2. Красноречия, стихотворства и языка Российского
3. Греческого языка и словесности греческой
4. Древностей и языка латинского
5. Всемирной истории, статистики и географии
6. Истории, статистики и географии Российского государства
7. Восточных языков
8. Теории изящных искусств и археологии.

Профессора, хотя самостоятельно определяли структуру своего курса и учебное пособие, по которому желал читать лекции, должны были «читать свои курсы в строго определённом направлении и по строго определенным программам», которые утверждались Советом университета, который мог предписать профессору внести какие-либо коррективы в содержание курса.

Устав давал университетам право присваивать учёные степени кандидатов, магистров и докторов.

Источники информации:

Основная литература:

История русской философии: Учебник / Под общ. ред. М.А. Маслина. - 3-е изд., перераб. - М.: НИЦ ИНФРА-М, 2013. – Философия в России XVIII в. [Становление университетской философии. Обоснование рационального знания](#) философские взгляды теоретиков основных идейных течений в России XIX в. <http://znanium.com/bookread.php?book=414693>

Дополнительная литература:

Булич, Н. Н. Из первых лет Казанского университета (1805-1819) : рассказы. Ч. 1 / Николай Николаевич Булич. - Казань : Тип. Император. ун-та, 1887. – Гл.1, с.7-18 http://elbib.nbchr.ru/lib_files/0/kkpb_0_0000373.pdf

Загоскин Н.П. История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования, 1804-1904/ [соч.] Н. П. Загоскина, заслуженного ординарного проф. .- Казань : Типо-литогр. Имп. казанского ун-та , 1902-1904

Т. 1: Введение и ч. 1: (1804-1814) .- Глава 1: Основание и начальное открытие Казанского университета (1804-1805). <https://www.prlib.ru/item/416790> -

История Казанского университета. 1804-2004. - Казань: Издательство Казанского университета, 2004. – Часть 1, гл.1;гл.2,с. 114-121.

Павлов А.Т. Философия в Московском университете/ Павлов А.Т. – С-Пб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2010. – Часть 1.

Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т.2.: Становление системы университетского образования в первые десятилетия XIX века. – М.,2002. – С. 274 и сл. Становление провинциальных российских университетов.

Садыков М.Б., Серебряков Ф.Ф., Щелкунов М.Д. Классический университет в системе образования//Учёные Записки Казанского государственного университета. Том 146. Философские науки. – Казань: Казанский государственный университет, 2004. - С. 13-20.
libweb.kpfu.ru/z3950/phil/T146/004-020.pdf

Соловьёв И.М. Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. Выпуск I: университеты до эпохи шестидесятих годов./И.М.Соловьёв. – С.- Пб., 1914.
<http://dspace.univer.kharkov.ua/handle/123456789/666>

Университет. Общество. Человек / М. Б. Садыков, Ф. Ф. Серебряков, М. Д. Щелкунов, А. В. Петров. - Казань: Изд. Казан. ун-та, 2003. - Главы 1-3,6.

Университетское образование: приглашение к размышлению / В. А. Садовничий, В. В. Белокуров, В. Г. Сушко, Е. В. Шикин. - М.: Изд. Моск. Ун-та, 1995 – С.87-126.

Тема 3. КАФЕДРА ФИЛОСОФИИ: СУДЬБА И ЛЮДИ.

Аннотация: В данной теме рассматривается создание кафедры философии в Казанском университете, его становление, основные этапы развития, трудности, с которыми она сталкивалась в своей истории и её достижения. Выясняется, как складывалось философское образование в университете.

Ключевые слова: кафедра философии, философское образование, преподавание философии, история университета, философия.

Вопросы для изучения

1. Создание в университете кафедры умозрительной и практической философии.
2. А. С. Лубкин, его преподавательская и научная деятельность.
3. Архимандрит Гавриил и его "История русской философии".
4. Общий характер "университетской философии" в первый (до закрытия) и второй (после вторичного открытия) периоды в истории кафедры философии.

Кафедра умозрительной и практической философии была учреждена сразу, «по плану», и с самого начала, с первых месяцев формального открытия университета, не была вакантной, в отличие от многих других кафедр. Первый преподаватель по кафедре, её первый «заведующий», Лев Семенович Левицкий (набран в штат университета в январе 1805 года) - выпускник духовной семинарии и Московского университета, - был переведен на эту должность из Казанской гимназии, где как раз читал логику и метафизику.

Эти дисциплины, наряду с психологией, были традиционными «обществоведческими» курсами в учебных заведениях Империи, в том числе и в высших.

Первоначально кафедра находилась в составе отделения нравственных и политических наук (а их было четыре во вновь учреждённом университете), в будущем - юридического факультета. Философия (в составе логики, метафизики, психологии, истории философских систем) входила в число наук «приготовительных» (в отличие от «специальных»), которым *«необходимо должны учиться все..., какой бы род жизни и какую службу не избрали»*, как было сказано в § 109 Устава 1804 года. И далее: *«Только тот может перейти в главное отделение наук, соответствующих будущему состоянию, кто прослушал науки приготовительные»*.

Как до фактического открытия университета (в 1814 году), так и после этого кафедра (как и Университет в целом) пережила очень не простые времена. Было всё: неприятие и непонимание со стороны «образованного» общества – местное дворянство желало видеть в университете только преподавание «наук воинских»; организационная неразбериха, неустроенность, жизнь на «птичьих правах»; отсутствие необходимых пособий, учебников, книг и всяких связей с культурными и образовательными центрами; катастрофическая нехватка преподавателей (часто - особенно в первые годы - один профессор замещал собой всю кафедру, а то и целый факультет); слабая подготовленность и отечественных преподавателей, и студентов, которым (студентам) приходилось слушать лекции,

главным образом, либо на немецком языке, либо на латинском; интриги, лакейство, зависть; отсутствие опыта, умения, «случайное» преподавание и почти сплошь семинарское (что касается философии, по крайней мере) образование. Были очень нелёгкие времена учения, проб, ошибок, неудач; времена научения, накопления опыта, становления, возмужания и первых успехов. Было и суровое испытание – «эпоха Магницкого». «Семь лет тяготел над Казанским университетом, - писал Н. П. Загоскин, один из «классических» историографов Казанского университета, - тот удушающий кошмар, который известен под названием «эпохи Магницкого»¹². Не особенно деликатный вообще с подчинёнными умный ретроград М.Л. Магницкий, по первом инспектировании Казанского университета в качестве попечителя учебного округа предложивший в донесении российскому императору и вовсе его разрушить, особенно не церемонился с «идеологическими» кафедрами.

По новому Уставу 1835 года (значительно менее либеральному в отношении академических свобод, чем Устав 1804 года) отделения были упразднены и созданы факультеты. Кафедра философии вошла в состав 1-го (словесного) отделения философского факультета. По этому Уставу (введенному в нашем университете только в 1837 году) логика, психология и теория красноречия стали обязательными предметами для всех факультетов. Такое положение сохранялось и в дальнейшем.

Далее были либеральные 40-е годы. И надежды. Блистательный профессор русской истории, выпускник Казанского университета, горячий почитатель Гегеля (читавший историю философии и по кафедре философии) Иванов Н. А. выступал в Казани с публичными лекциями. Превосходный математик, блестящий лектор, широко образованный и глубоко мыслящий человек П. И. Котельников, профессор прикладной математики, не терпевший «предубеждений против математики»¹³ так же, как и предубеждений против философии, вместе с

¹² Загоскин Н.П. Из времён Магницкого. – Казань, 1894. – С. 24-25.

¹³ «О предубеждении против математики» называлась его актовая речь 1842 года.

профессором медицинского факультета И. Г. Линдегренем создаёт гегелевский кружок. «Путём, весьма усиленного, изучения Гегеля», этой алгебры революции, готовился к экзаменам, по его собственному признанию, Н. Н. Булич, позднее встречавшийся с издателем «Колокола» и ещё позднее ставший ректором Казанского университета

Булич даже успел прочитать шесть лекций по кафедре философии. Но случилась революция, февраль 1848 года. И в 1850 году последовало высочайше распоряжение о закрытии кафедр философии во всех российских университетах (кроме Дерптского – Прибалтика уже тогда была «витриной» государства для западного обывателя).

Новый министр народного просвещения П. А. Ширинский – Шихматов, ретроград и обскурант, подсказал «обоснование» (или почувствовал последствия): *«Полезьа от философии не доказана, а вред от неё возможен».*

Была упразднена и кафедра философии в Казанском университете *« как несоответствующая видам правительства и не обещающая благоприятных последствий».* В годовом отчёте за 1850/1851 а.г. читаем: *«чрезвычайно важную мерю в ходе образования было упразднение отдельной кафедры философии в университете... как бы в знак того, что все мудрствования умов, не проникнутых и не направленных чистою верю, суетны и ведут скорее к заблуждению, нежели к познанию «света истины».*

Была учреждена кафедра педагогики.

За первые более чем сто лет существования Казанского университета много людей на постоянной или временной основе занимали кафедру философии

¹⁴ Это были разные люди: они различались своими философскими пристрастиями

¹⁴ Подробно см.: Отзыв приват-доцента В. Н. Ивановского о сочинении на тему « история кафедры философии и преподавания философских наук В Императорском Казанского университета с 1804 по 1901 г.». – Казань: Типо-лит. ун-та, 1910 (список преподавателей до 1901 года); История экономической и философской мысли в Казанском университете. – Казань: Изд. Казан. ун-та. – Гл. V.

и своим мировоззрением, дарованием и ученой репутацией, темпераментом и характерами. Одни попали в словари, справочники и «истории философии», другие – нет: остались «рядовыми» профессорами и приват-доцентами, одними из многих среди сотен и сотен тружеников на ниве российской науки и русского образования. Но именно совокупной деятельностью их научного и педагогического творчества, их помноженным дарованием, их совместными десятилетними стараниями складывалась судьба кафедры философии и история философского образования в Казанском университете. Но у каждого из них была и своя творческая судьба, своя история.

Наиболее известными среди них до закрытия кафедры философии в 1850 году, являются, если судить по позднейшим обращениям к их творчеству, *А. С. Лубкин и архимандрит Гавриил*. Но прежде, чем остановиться на этом, скажем о других.

В первые десятилетия по кафедре философии мы не найдем немцев, сыгравших заметную роль как в истории российского университетского образования в качестве учителей русской пытливей до науки молодежи (таких, как Бертельс или Броннер, учителей Лобачевского), так и внесших заметный, а порой и выдающийся вклад в становление русской науки (таких, как Х. Д. Френ, основатель научной ориенталистики в России и Азиатского музея Петербургской АН, или знаменитый Карл Фукс), чем могли похвалиться другие кафедры университета. Или как это было у истоков Харьковского университета, основанного одновременно с Казанским - с 1805 по 1817 г. профессором теоретической и практической философии в нем был И. Г. Шад (Schad), до переезда в Харьков бывший профессором философии в Иенском университете, преемником Фихте по кафедре, «значительный и яркий человек», который «оставил заметный след в истории философской культуры в России»¹⁵.

¹⁵ Зеньковский В. В. История русской философии. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 2004. – Т. 1. – С. 142. О Шаде писал не только Зеньковский. Об его взглядах упоминается в Ueberweg. Geschichte d. Philosophie; писали Шпет, казанские философы Бобров («Философия в России»), Зеленогорский (см. выше) и др.

Но, в целом, и по уровню подготовленности первых преподавателей, и по началам их образования и по тем, очень не простым, если не сказать более, условиям складывания философского образования в России¹⁶, особых отличий от других университетских центров у нас, в Казани, не было. Если, конечно, абстрагироваться от того обстоятельства, что при одинаковости «начал образования» и пр. мы имеем дело с людьми разными, с «индивидуальностями».

Левицкий Лев Семёнови, с серебряной медалью окончивший Московский университет, перед назначением в Казанский университет преподавал в Казанской гимназии логику и метафизику. В университете читал «логику по руководству Рижского и практическую философию - по Сори». Находился на кафедре не долго: умер в 1807 году от водянки. Если довериться мнению директора (первого ректора) Казанского университета И. Я. Яковкина, даже не самого известного философа «нашей округи», говоря словами Канта (а насколько ему, этому мнению Яковкина, можно довериться?): «Г. Левицкий... в философских познаниях, кажется, слаб»¹⁷. Впрочем, директор отмечает отменный слог Левицкого и знание им языков. Но он не отказал себе в удовольствии съязвить по поводу «тучного телосложения» адъюнкта философии, «неблагоприятствующего занятиям умозрительностью», что, пожалуй, «кое-что» говорит о самом директоре, нежели об адъюнкте умозрительной и практической философии. «Отменный слог» – не понятно, что здесь имеется в виду (может

¹⁶ О том, как сложно и тяжело складывалось в России философское образование, в особенности в отношении «свобод», см. у В. В. Зеньковского (указ. соч., т. 1., ч. 2, гл. 1). Приведу из этого только одну мысль историографа русской философии: «Если русское общество обладало некоторой свободой в выборе философских направлений, то для университетских профессоров эта свобода была постоянно стесняема контролем» - В. В. Зеньковский. Указ. соч., т. 1, с. 131. Между прочим, Зеньковский здесь объясняет, почему «у нас уже с конца XVIII века боялись открыто заявлять себя последователями Канта» («и других новейших немецких мыслителей») – у них была репутация атеистов. «Наоборот, поклонники английского эмпиризма могли спокойно высказывать свои взгляды, не опасаясь ничего» – В. В. Зеньковский. Там же. Антикантианство и выражение почтения к английскому эмпиризму были заметны и в философских пристрастиях казанских философов, хотя это не обязательно могло быть следствием вышеназванного обстоятельства.

¹⁷ Булич Н. Казанский университет в Александровскую эпоху. – Казань, 1875. – С. 274.

быть, лекции), но ни одной работы под именем Л. С. Левицкого в университетской библиотеке нет.

После Левицкого несколько преподавателей временно замещали кафедру. Профессор латинского языка, литературы и древностей **М. Г. Герман** (1755-1822). Адъюнкт **Г. Н. Городчининов**, ранее уже упоминавшийся. Он хотел, судя по всему, «законно» её занять. Не получилось. Члены Совета «единогласно отрицали в Городчинове знание философии, даже сам осторожный Фукс... сомневался в его философских познаниях»¹⁸. Адъюнкт **Запольский И. И.** (1773-1810).

Далее кафедру получил **Карл Федорович Фойгт** (1760-1811), саксонец, бывший дрезденский адвокат, выпускник Лейпцигского университета. Он – единственный немец в истории кафедры философии Казанского университета, но (хотя и родственник Эйлера) - не тот немец. С немцами кафедре не повезло. Карл Теофилус (Карл Фойгт) занимал кафедру с 1808 по 1811 год, некоторое время был и деканом отделения нравственных и политических наук, но в русской истории не «наследил», в отличие от своего соотечественника, другого Карла, Фукса.

После Фойгта попечитель Румовский предложил кафедру **Александру Степановичу Лубкину**. О нем мы скажем позже.

После Лубкина был **Срезневский Иосиф (Осип) Евсеевич**, выпускник Рязанской семинарии и, затем, московской Духовной академии. После Петербургского педагогического института был определен кандидатом юридических наук в Казанский университет. Его, намечавшегося на другой факультет, «перехватил» Лубкин, видимо, не отличавшийся завидным здоровьем, и желавший иметь под рукой человека на случай собственной болезни. Сдав экзамены, что было, если верить Буничу Н. Н, тогда «плевым» делом, Срезневский становится магистром философии. В 1817 году – экстраординарным профессором по кафедре умозрительной и практической философии.

¹⁸ Булич Н. Н. Указ. соч., с. 483.

Университетский Совет рассмотрел и одобрил его обоснование на право вести « историю философскую» - предложенное Срезневским « Краткое обозрение систем философии, в 2-х частях». Был уволен М. Л. Магницким (в числе 11 других профессоров). Этого «Обозрения» (если оно вообще было издано) нет в университетской библиотеке. Трудно, опираясь только на его « Рассуждения..», которые единственно есть в университетской библиотеке, высказаться об оценке Н. Н. Булича: философию он « знал лишь по жалким тогдашним семинарским учебникам» Насколько объективно мнение Магницкого, что « профессор философии Срезневский *преподает свои лекции так дурно, что их никто не понимает*» - судить трудно, помня, что он уволил профессора, причем по «соображениям идеологическим». Умер И. О. Срезневский монастырским послушником.

Далее по кафедре философии читали разной продолжительности время: **Пальмин М. А.** (в 1820-1821 уч. г. он, например, читал логику 3 часа в неделю, философскую терминологию 1, 5 часа и историю философских систем 1, 5 часа); **Скворцов М. В;** **Сергеев П. С.**, профессор правоведения; его «помощники» – кандидат **Кондаков Ф. Е.** и *проф. Караблинов Я. М;* **Хламов А. Ф.** Далее – архимандрит Гавриил (о нем позже) и некоторое время в 40-е годы читал историю философии Иванов Н. А. О последнем скажем несколько подробнее.

Николай Алексеевич Иванов – одна из колоритных фигур в университетской казанской науке и педагогике 40-х годов. Его слушатель Н. Н. Булич писал позднее: « *Это был блестящий профессор, увлекавший студентов*»¹⁹. Выпускник Казанского университета он был командирован на повышение квалификации в Дерпт (в Профессорский институт). Прошел основательный курс историко-филологической и философской подготовки. Получил здесь степень доктора философии и, вернувшись в родной университет, стал профессором по кафедре русской истории (его преемником по кафедре

¹⁹ См.: Булич А. К. Булич Н. Н. и современное ему казанское общество // Ученые записки Казанского университета. – 1930. – Т. LXXXX. – Кн. 5. – С. 908 (Отдельный оттиск).

станет известный историк С. В. Ешевский, « Грановский Казанского университета»). Увлекался гегельянством и «заразил» им других. Так, под влиянием Иванова увлекся философией и даже решил профессионально заняться ею (не сложилось, к сожалению) Николай Никитич Булич, будущий профессор литературы и ректор Казанского университета. Он сам признавался, что готовился к экзаменам *« путем, весьма усиленного, чтения Гегеля »*.

Н. А. Иванов в начале и во второй половине 40-х годов читал по кафедре философии историю философии. Очевидно, его взгляды и философские пристрастия не могли не сказаться на содержании лекций. Он, кстати, и первым в Казани стал читать публичные лекции.

К сожалению, в 50-е годы с профессором произошли, как это нередко бывает, печальные перемены: *« красноречие переходит в риторику, импровизация заключается лишь в панегириках сильным мира и власть имущим »*²⁰. А 50-е годы в истории николаевской России были благоприятной средой для таких перемен: они сломали весьма не одну личность, загубили не одно дарование. Еще более угнетающей была атмосфера в провинции: *« Это такая трущоба подлая, что беда...кругом невыразимая пошлость, решительно все свиные рыла »*, - писал в одном письме Н. Н. Булич²¹.

Как было уже сказано, Булич, который думал работать по кафедре философии успел прочитать только 6 лекций – кафедры философии были закрыты в российских университетах.

Вернемся, как было обещано, к А. С. Лубкину и архимандриту Гавриилу.

Александр Степанович Лубкин стал первой примечательной фигурой по кафедре философии на фоне его во многом случайных или малозаметных предшественников. Родился в семье духовного служителя, среднее образование получил в Костромской духовной семинарии, закончил Санкт-Петербургскую

²⁰ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804-1904). В 2-х частях. Под ред. Н. П. Загоскина. Ч. 1. – Казань, 1904. – С. 89.

²¹ Булич А. К. Указ. соч. – С. 932.

духовную академию. Был учителем в Костромской семинарии (математики, немецкого языка, философии). Далее была армейская семинария, в которой он занимал должность ректора и преподавателя философии. Здесь же он подготовил первый у нас учебник логики под названием « Начертание логики, сочиненное и преподаваемое в Армейской семинарии Александром Лубкиным» (С –Пб., 1807). По увольнении из духовного ведомства определился в столичный Педагогический институт (« смотритель за поведением »). В 1810 году был назначен директором училищ в Оренбургской губернии. В 1811 г. попечителем Казанского учебного округа приглашен адъюнктом на кафедру умозрительной и практической философии, которую и занимал до своей смерти в 1815 году (за год до этого стал экстраординарным профессором). Находясь в стесненном положении, многодетный Лубкин был вынужден исполнять и обязанности инспектора Казанской гимназии (до 1814 г.). Уже после смерти профессора Советом университета было принято решение опубликовать в пользу его детей книгу « Начертание метафизики» - первое учебное пособие по философии, созданное на кафедре.

В своей «Логике» Лубкин (а теоретическая часть здесь незначительна по объему) уделяет основное внимание третьей фигуре силлогизма; подвергает критике теорию фигур силлогизма (по положению среднего термина), находя, что *« самое основание оной есть мнимое»*. Он предлагает различать силлогизмы в зависимости от их *« намерения и употребления»*. Г. Шпет, довольно строго судивший о русских философах (начального периода, по крайней мере), полагал, что в этом обосновании, исходящим из места и роли третьей фигуры, есть *« большая доля здравого смысла»*²².

Как воспитанник духовной школы (о значении в них « Баумейстера» было уже сказано) Лубкин должен был находиться под влиянием Вольфа, и эклектический элемент в его мировоззрении сказался и позже.

²² Русская философия. Очерки истории. – Свердловск: Изд. Уральск. ун-та, 1991. – С. 343.

Еще до прихода в университет Лубкин первым в печати выступил с критикой Канта (его теории познания, априоризма) с позиций сенсуализма – «Письма о критической философии», опубликованные в «Северной пчеле» в 1805 году. Для уяснения взглядов философа сюда следует привлечь и упоминавшиеся выше его «добавления» к переводу «руководства» кантианца Снелля. Они касаются, прежде всего, неприятия кантовского априоризма, представления о пространстве и времени.

Суть возражений казанского философа, вполне определенно показывающих его собственную философскую позицию (он трактует пространство и время как объективные формы бытия вещей) хорошо видна из следующего: *«Что же касается до времени и пространства, столь тесно соединенных с представлением каждой вещи, то оные не суть ли паче необходимые принадлежности бытия вещей, нежели свойство или образ наших о вещах представлений»*²³. И далее: *«...вещи не представляются нам только, но и действительно суть во времени и пространстве»*²⁴. Лубкин не усматривал «почти никакого смысла» и в кантовских антиномиях, считал, что они некорректно поставлены. Понятие бесконечного есть также понятие не априорное - основание для него дает нам опыт.

Критика Канта у Лубкина не исчерпывается только критикой метафизики и гносеологии. В актовой речи (1815 г.) «Возможно ли нравоучению дать твердое основание независимо от религии» он подвергает критике и кантовскую практическую философию, его учение о нравственности. Суть критики в безусловном утверждении связи религии и нравственности, в указании на бога как на основательную мотивацию человеческих поступков, в неприятии «религии в пределах только разума». Нравственность может быть прочно основана только в Боге, в религии, в вере в бессмертие души.

²³ Лубкин А. С. Письма о критической философии // Русские просветители. – М., 1966. – С. 12.

²⁴ Там же. – С. 15.

Вероятно, можно согласиться с тем, что в « философском творчестве А. С. Лубкина наиболее важным и характерным я отношением к кантианству»²⁵. Необходимо только помнить, что вернее всего относиться исторически к истории, в том числе и к истории философии в России. И при признании « здравого смысла» в лубкинской критике Канта, и при согласии с критикой априоризма (пространство и время) не следует, вероятно, преувеличивать значение этой критики, идущей от стороны, которая ещё только упражняется в философии, и не могла тогда по этой причине продумать проблему глубже. Хотя осевая линия противоположения – субъективизм- объективизм - уловлена верно – ведь и Гегель критиковал Канта за априорное понимание категорий (фигур бытия): не находятся только в мышлении, хотя и выработаны мышлением.

Еще одним неординарным представителем в истории кафедры до ее закрытия был *архимандрит Гавриил (Воскресенский Василий Николаевич)*. Неординарной, порой захватывающей, личностью, но не философом - мы можем судить только по работам. Но историческое значение они имеют. Собственно философское значение имеют его « История философии» и некоторые суждения о праве в « Философии правды». Его « История философии» была одной из первых по времени у нас, а 6 часть её есть, собственно, первая в России « История русской философии» (См.: Приложение 2). Именно она и была причиной внимания к архимандриту как со стороны казанских, так и со стороны других российских (и советских) авторов, - правда, некоторые из них достаивали его только несколькими скупыми строками в своих « исследованиях», « пособиях» и « историях». Оценки труда архимандрита были разными - от положительных до снисходительных и весьма критических (например, у Г. Г. Шпета в его « Очерках развития русской философии»). Это и понятно...

Василий Николаевич Воскресенский – сын дьячка, окончил Славяно-греко-латинскую академию. Бакалавр философских наук. Пострижен в монахи в 1821 году, с 1825 года – архимандрит. Дальше были духовные семинарии Орловская,

²⁵ Там же. – С. 149.

Могилевская...Настоятель казанского Зилантова монастыря, преподаватель в богословском классе местного семинария.. С 1 августа 1837 года – преподаватель богословия в Казанском университете (плюс к этому метафизика, логика, история философии, психология)... Симбирская гимназия... Окончательно освободился от духовно-учебной службы в 1841 году и перешел в Казанский университет. Уволен из университета в 1850 году.

Архимандрит, который вел « не вполне монашеский образ жизни», по сообщению одного из своих биографов, к тому же не очень ладил со своим церковным начальством, не отличался покладистостью характера. После увольнения из университета по воле своего начальства провел несколько лет на службе в Сибири, потом удалось перевестись в Европейскую Россию. Попытка закрепиться на кафедре философии Казанского университета после ее вторичного открытия в 1862 году успеха не имела²⁶.

Архимандрит был плохим администратором, но пользовался популярностью у казанского населения и был любим беднотой за дела благотворительные.

Студенты его обожали, хотя *«не смотря на свои выдающиеся способности и редкий дар слова, ...не был образцовым преподавателем и, на своих лекциях, постоянно мешал дело с «бездельем». Иногда вся лекция проходила у него в прятельски-шутливой беседе со студентами о городских новостях»*²⁷. Был, по общему признанию, выдающимся оратором. Среди его произведений есть « Поучительные слова» (Казань, 1850). Некоторые из них составлены просто мастерски, даже в письменной форме производят большое впечатление, – насколько, видимо, сильнее они воздействовали, будучи произнесенными.

²⁶ См. подробнее биографию архимандрита в: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804-1904): В 2-х ч./ Под ред. Н. П. Загоскина. Ч. 1. – Казань, 1904; также см.: Литература.

²⁷ См там же. – С. 5.

Собственно философское значение имеют только его « История философии» и некоторые суждения по философии права из « Философии правды». Последняя, в целом, мало имеет отношение к философии. Она представляет собой, большей частью, изложение норм и положений из тогдашнего права земельного, уголовного, гражданского, имущественных отношений, отношений церкви и государства и т. д. с некоторыми экскурсами в историю и теорию государства и права, а также прав человека, «истинную основу» которых составляют « религиозные верования». Именно эти экскурсии с довольно подробным изложением по этим вопросам воззрений Локка, Монтескье, Руссо и ценны, прежде всего, в этой работе архимандрита и составляли для тогдашнего читателя главное приобретение. Некоторые суждения автора, а также его замечания по поводу теорий европейских философов имеют значение только лишь для характеристики его собственных воззрений, не выходящих здесь за рамки, традиционные для богослова²⁸.

Лучшей работой архимандрита является его « История философии» - одна из первых в России, которая первоначально состояла из 4 частей, а потом были добавлены еще 2 части («Прибавления»). В 5-ой части речь идёт о восточной философии (древнеиндийской и древнекитайской, которые архимандрит называет «нечистой»), а также, рожденной на земле Палестины – «чистой»). 6-ая часть и есть его известная «история русской философии» - первая в России.

История европейской философии доведена автором до современной ему немецкой философии. В конце 4 части он, например, излагает гегелевскую философию истории философии (по « Лекциям по истории философии»), а в связи с этим обращает внимание на мысль немецкого философа о « тождестве истории философии и философии» (см.:«История философии», часть 4. – Казань, 1839. – С.123). Замечательно, что архимандрит обратил на это внимание.

²⁸ См.: Серебряков Ф. Ф. Философия и религия, или архимандрит Гавриил // Наука и религия в глобализирующемся мире. Сборник статей. – Казань: Изд Казан. ун-та, 2007.

« История философии» написана вполне добротнo для своего времени (для России); приведен большой список источников, материал обработан профессионально, со знанием дела. Более того, даже если архимандрит большей частью несамостоятелен, материал *про-думан*, а сам автор в этих материалах вполне ясно *вы-сказан* как мыслитель, который имеет свое, вполне определенное, понимание философии и свой взгляд на её историю.

Конечно, богослов в «Истории» иногда сказывается; например, вот в этом: « *Ум человеческий сам собою не может во всём свете постигнуть истину...Такая немощь нашей высшей душевной силы ясно показывает нам состояние нашего повреждения и живо заставляет нас чувствовать нужду в высшем откровении, содержащем благотворнейшие истины для нашего познания*» («История философии», часть 4. – С.192). Есть и другие похожие места, но их немного. В целом автор очень спокойно рассматривает историю философии, приводя мало возражений (богословского характера), почти не вступая в полемику, без ругани, хотя симпатии свои не скрывает, когда считает нужным это сделать.

Но при этом добросовестно излагает даже взгляды просветителей, материалистов и атеистов, сопровождая это самое большее словами «надменный» (о Руссо), « лжефилософ» (о Гольбахе) и т. п. Даже Гольбаху, который « *более всех писателей старался разрушить самые основания религии, нравственности и политики*» архимандрит посвящает 4 страницы, подробно излагая его « Систему природы». Такая метода изложения историко-философского материала составляет одно из достоинств работы казанского автора и, без сомнения, имела большое значение для добросовестного просвещения широкой читающей публики, располагающей весьма скудным собранием на русском языке историко-философской (тем более - общего характера) литературы. Таким образом, само предприятие архимандрита Гавриила – его « История философии», - независимо от того, как его оценивать с высоты наших лет, было весьма полезным.

Приведем ещё места из книги В. Н. Воскресенского, которые дают представление об аспектах его философских воззрений либо о его понимании значимости философских проблем. *«Бэкон и Декарт в 17 столетии открыли истинный метод философский, на котором должны основываться все будущие труды»* («История философии», част 4. – С. 5), - говорит автор, имея здесь в виду философию и поиски методов научного познания в Новое время (17 века) вообще, хотя это очень разные методы, и очень разными являются соответствующие им философские системы. *«Декарт своим положением я мыслю, следовательно, существую, поставил навсегда самопознание началом всякого знания философского»* (с. 6). Далее критикует Декарта за то, что он умозрителен, отвергает эмпиризм. Более симпатизирует Локку. Беркли критикует за то, что он утверждал *«отвержение действительного мира внешнего и допустил бытие только идей. Против этого заблуждения...»* (с.7)...

Более проблематичной, но и первой причиной внимания к архимандриту Гавриилу, является 6 часть его книги, которая представляет собой первую в отечественной литературе досоветского периода «историю русской философии». Отношение к ней, как было уже замечено, всегда было разное - от положительного до снисходительного и невысокого (см.: Литература: работы о преподавателях...). Но это и понятно – «история русской философии» архимандрита Гавриила есть первая такого рода книга в России, чем объясняются как её достоинства, так и её недостатки.

Она была первой и писалась тогда, когда никакой *истории* русской философии не было, так как не было и самой *русской философии*: Г. Шпет был прав в значительной мере, когда назвал «историю русской философии» архимандрита Гавриила преждевременной. А приват-доцент Казанского, впоследствии профессор по кафедре философии Харьковского университетов Ф. А. Зеленогорский писал в *1876 году*, сравнивая, Россию с «первенствующими

нациями Европы»: «у нас нет ни в истории, ни в настоящее время представителя в философии и науке»²⁹.

Книга и не представляет собой «историю философии» в привычном для нас смысле слова, - она есть, большей частью, собрание более или менее больших текстов (и изложений) разных авторов, материалов и сведений о них, с замечаниями и некоторыми рассуждениями автора. Набор имен самый разнообразный. Иоанн Болгарский, митрополит Киевский Никифор, Владимир Мономах, Даниил Заточник, Нил Сорский, Григорий Сковорода, профессор логики и метафизики Московского университета Д. С. Аничков, Георгий Конисский, тайный советник М. Н. Муравьев, министр народного просвещения, граф С. С. Уваров, профессор Петербургской Медико-хирургической академии Д. Велланский, епископ чигиринский И. Борисов, московский митрополит Филарет Дроздов... За редким исключением, это - люди, которые не имеют к философии отношения, ибо, говоря словами автора, « *история философии не есть история всех идей человеческого ума*». Но, полагаем, что преждевременной в таких условиях и в это время была бы и любая другая попытка подобного предприятия. Поэтому, вероятно, судить о работе казанского автора следует, руководствуясь другими соображениями.

Его книга была первой, и этим объясняются во многом трудности ее составления (хотя богословское мышление и образование автора при этом не следует игнорировать), но и заслуги Воскресенского В. Н. тоже.

Верно, что не было истории русской философии, но философские поиски, но рефлексия были, хотя очень часто однообразные и неоригинальные, главным образом переиначивающие (а то и просто излагающие) мотивы восточного богословия. Архимандрит попытался увидеть за этим зародыш « русской философии», заявить её определенность и на этот стержень нанизать «системообразную» группу известных русских «любомудрствующих» умов,

²⁹ Ф. А. Зеленогорский. Указ. соч. – С. 21.

явившихся в историческом развитии России. Большею частью в этой «системе», правда, оказались персоны либо околофилософские, либо отстоящие еще далее от этого рубежа.

Архимандрит, однако, не только пишет « историю философии», но и обосновывает наличие русской философии, обосновывает методологические принципы составления её истории (а заодно довольно здраво и справедливо-критически высказывается об историко-философских принципах других, европейских, авторов), к которым нужно всё-таки относиться исторически, даже если считать их не очень убедительными. Так, он предваряет книгу небольшим рассуждением о системах философии (которых, конечно, у нас нет) и философах, которые *« могут существовать во всяком народе, хотя бы и не было систем философских»*. Автор немногословно указывает на то, в чем заключается особенность «русской философии» («отличительного характера мышления» россиян, предпочитает говорить он) по отношению к «любомудрию»: *« рационализм, соображаемый с опытом»* и *« высшее примирение их в верховном начале всякого бытия»*. Во всяком случае, в этом, при желании, можно видеть и улавливание, а также и (учитывая, что «история русской философии» ещё впереди) предвосхищение характера последней.

Как бы то ни было, но именно архимандрит Гавриил, преподаватель по кафедре философии Казанского университета, предпринял заслуживающую признания и памяти попытку показать конкретно-исторически, в движении истории, что *« может собственных платонов российская земля рождать»*.

Вернемся к истории кафедры и дальнейшей, пришедшейся на вторую половину века, судьбе и творчеству её представителей.

Как было уже сказано, в 1860 году кафедры философии и светская философия в университетах были восстановлены. Понадобилось 10 лет, чтобы пришло осознание и признание того, что *« вследствие закрытия кафедр философии...ощущается большой пробел в умственном развитии студентов...»*,

они лишены возможности изучать исторический ход развития духа человеческого..»³⁰. К тому же, если, например архимандрит Гавриил, возможно, и не испытывал дискомфорта от того, что, прочитав только что лекцию по богословию, скажем по Ветхому Завету, шел читать далее лекцию по логике, о Спинозе или Локке, то даже *«Синод находил нежелательным такое совмещение преподавания закона Божия с логикой и психологией»*³¹. Впрочем, новый министр народного просвещения, А. В. Головин, обосновал необходимость восстановления кафедр философии более откровенными и искренне-незатейливыми соображениями: *«при совершенном изменении теперь направления современных идей, вполне отражающих в себе чисто утилитарные стремления века»*. Он, вероятно, еще не забыл, как его предшественник П. А. Ширинский-Шихматов через два года после закрытия кафедр философии в университетах, в 1852 году, рапортовал: *«прекращено провозглашение с университетских кафедр мечтательных теорий под именем философии»*.

Ещё 26 января 1850 года министр П. А. Ширинский-Шихматов написал докладную записку *«Об ограничении преподавания философии логикой и психологией и о возложении сих предметов на профессоров богословия»*. Таким образом, то, что осталось от философии, должны были довести до ума студентов местные богословы. Лекции по логике и опытной психологии читались по программам, составленным в Московской духовной академии и одобренным Синодом. Надзор за их преподаванием в Казанском университете был возложен на ректора Казанской Духовной академии.

Вот что говорит об этих курсах и программах, одобренных Синодом, ординарный профессор Казанского университета (и ещё двух российских университетов) Е. А. Бобров, с 1896 по 1903 год занимавший кафедру философии, автор сборников *«Философия в России»* и многих других полезных для России книг.

³⁰ Бобров Е. А. Философия в России. – Казань, 1901. – Вып 5. – С. 10.

³¹ Очерки истории русской философии. – Свердловск, 1991. – С. 54.

О программе по психологии: « *Богословская тенденциозность*». О программе по логике: « *здесь тенденциозность богослова - составителя [речь идёт о протоиерее Владимирском А. П., читавшем тогда логику и опытную психологию] по отношению к чуждой для него науки философии достигает своего крайнего предела*». И далее: « *Вступает в область чистого богословия*».

И резюмирует: « *программа служит материалом первостепенной важности для определения того, что в 50-х годах прошлого столетия читалось в российских университетах под именем логики и опытной психологии*»³².

Только через 10 лет настало время «национальных проектов образования» – был издан указ (от 22 февраля 1860 г.) нового императора о восстановлении кафедр философии в университетах.

В нашем университете это произошло только в 1862 году, но до 1867 года кафедра оставалась вакантной. Её занял М. М. Троицкий, выпускник Киевской Духовной академии, защитивший диссертацию в Петербургском университете.

Значительно раньше этого времени был упразднен **философский** факультет – верховная власть, не без основания, усматривала связь между «философией» и революцией, а поэтому желала устранить из российского сознания всякие подобные намёки и ассоциации: вместо него были созданы два новых факультета – историко-филологический и физико-математический. Кафедра философии была включена в состав первого.

По Уставу 1863 года кафедра философии (логика, психология и история философии) вошла в состав историко-филологического факультета с его 11 кафедрами (который в 1879 году был разделен на 3 отделения: классическое, словесное и историческое). Такое же положение кафедры сохранилось и по Уставу 1884 года, но он сильно отличался от предыдущего. Как 60-е годы отличались от 80-х.

³² Бобров Е. А. К истории русской литературы и просвещения в XIX столетии. – Б. м., / 19.. / . – С. ,62, 68.

Либеральные идеи, которые в то время захватили русское интеллигентское общество, проникали даже в духовные семинарии и академии, как вспоминал воспитанник и той, и другой, а позднее - приват-доцент Казанского университета Ф. А. Зеленогорский. *«В академии, - писал он в автобиографии, - столкнулся с материализмом³³, как в некоторых русских журналах, так и среди студентов, которые читали и даже заучивали наизусть целые страницы сочинения Бюхнера «Stoff und Kraft», литографированный перевод на русский язык ходил по рукам»³⁴.*

По новому университетскому Уставу 1884 года логика и психология были изъяты со всех факультетов, кроме историко-филологического, а философия была сведена « на чтение в аудитории творений Платона и Аристотеля» (Ф. А. Зеленогорский). Профессор Казанского университета А. И. Смирнов и другие русские профессора свидетельствовали, что новые учебные планы и новые «программы преподавания», в основу которых были положены идеи «концентрации» на древних языках, предписанное новым Уставом, имели крайне печальные результаты для историко-философских факультетов³⁵.

К этому времени остались в глубоком прошлом «руководства», по которым вели занятия преподаватели университета первой половины века (впрочем, как и других российских университетов): «по Рижскому»; «по Якобу»; «по Снеллю»; «по Баумейстеру». В них толкуется обо всём – от «сущности» до греховности мусульманской души.

Преподаватели кафедры в последующие десятилетия рассматриваемого периода – люди, в основном, с гимназическим и университетским образованием (есть среди них и выпускники Казанского университета). Российское университетское философское преподавание, что касается профессиональной подготовленности и образованности (и благодаря природному русскому

³³ Речь идёт о первой половине 60-х годов.

³⁴ Ф. А. Зеленогорский. Автобиография // Ф. А. Зеленогорский. О методах исследования и доказательства. – М., 1998. – С. 12.

³⁵ См.: В. Н. Ивановский. Отзыв о сочинении «История кафедры философии и преподавания философских наук в Императорском Казанском университете». – Казань, 1910. – С. 8.

дарованию, проявившемуся даже в этой, нетрадиционной и непривычной для русского ума, области духа), вполне находится на уровне тех европейских стран, где философия «у себя дома» (кажется, у Гегеля есть такое выражение).

Наряду с монографическими научными исследованиями появляются учебники, пособия, курсы и конспекты лекций по логике (их преобладание в общем объёме философской учебной литературы и появление в этом числе весьма добротных и даже значительных книг российских авторов, вероятно, находит объяснение в том, что логика была во все времена российского университетского образования едва ли ни главным предметом «философского корпуса»); пособия и учебники по психологии (другой, наряду с логикой, составляющей философского образования в наших университетах), по другим философским дисциплинам.

Это находит отражение и в расписании занятий (в разное время оно называлось по-разному, в подразумеваемые годы - «Обзорение преподаваний»). Расписания составлялось по семестрам (осеннему и весеннему) и в них указывалась также рекомендуемая по курсу литература. Так, наряду с рекомендуемой западной литературой (классической и современной тем годам) в них встречаются и издания русских авторов, хотя работ казанских философов среди них крайне мало. Правда, с источниками и философской литературой, пособиями дело обстояло не очень важно: даже в 1912 году уже упоминавшийся Е. А. Бобров будет сетовать на «скудость русской философской литературы как оригинальной, так и переводной»³⁶.

Дореволюционные кафедры философии наших университетов были немногочисленны: так, ещё в 1907 году кафедра Московского университета насчитывала 5 преподавателей³⁷. На кафедре философии Казанского университета в последние два десятилетия до революции тоже преподавало от 2 до 4-5 человек.

³⁶ Бобров Е. А. О преподавании философии в университетах // Сб. Учёно-литературного общества при Императорском Юрьевском университете. - Юрьев, 1889. - Т.2. - С. 205.

³⁷ См.: Ивановский В. Н. Предметная система в наших университетах и её применение к философским наукам // ЖМНП. - 1907. - Ч. XII, ноябрь. - С. 18.

Пройдёт ещё несколько лет. В 1918 году будет закрыта Казанская духовная академия, и занимавший кафедру метафизики профессор Несмелов В. И. перейдёт в Казанский университет, как и часть других профессоров академии. Высшие женские курсы тоже «вольются» в университет. Ещё раньше (в 1919 году) будет создан факультет общественных наук (ФОН) в составе исторического, экономического и юридико-политического отделений. Он просуществовал до 1922 года.

Источники информации:

Основная литература:

История русской философии: Учебник / Под общ. ред. М.А. Маслина. - 3-е изд., перераб. - М.: НИЦ ИНФРА-М, 2013. – Философия в духовных академиях и университетах в XIX — начале XX в. Философско-правовая мысль. Глава II. Философия в российских университетах.

<http://znanium.com/bookread.php?book=414693>

Серебряков Ф.Ф. Философское образование и философская мысль в Казанском университете: учебное пособие. - Казань: Казанский государственный университет, 2009. – Глава 1.

<http://libweb.ksu.ru/ebooks/publicat/0-777453.pdf>

Дополнительная литература:

Алексеев П. В. Философы России XIX-XX столетий: Биографии. Идеи. Труды. / П. В. Алексеев; [Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова]. - 3. изд., перераб. и доп. - М. : Акад. проект, 1999. - 944 с. [Биографический словарь]

Бажанов В. А. История логики в России и СССР. Концептуальный контекст университетской философии. - М.: 2007. – Гл.1.1.

Емельянов Б.В. Три века русской философии. XIX век [Текст] : учебное пособие / Б. В. Емельянов - Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2011. – Раздел первый. Глава 8. Университетская философия.

Зеньковский В. В. История русской философии. В 2-х т. - Ростов-на -Дону: "Феникс", 2004. - Т.1: Введение; Ч. 2, гл. 1; Т. 2.: Ч. 3, гл. 4.

Ибрагимова З. З., Серебряков Ф. Ф. Философская мысль в Казанском университете// Философское образование: Вестник Ассоциации философских факультетов и отделений. Вып. 2011, 1 (2)— СПб., 2011. — С.46-54.
http://kpfu.ru/staff_files/F1111177937/Ibragimova_Z.Z._Serebryakov_F.F._FILOSOF_SKAYa_MYSL_V_KAZANSKOM_UNIVERSITETE.pdf

История экономической и философской мысли в Казанском университете. - Казань: Издательство Казанского университета, 2003. – ГлV, гл.VI.
http://kpfu.ru/staff_files/F1658653170/Ibragimova_Z.Z._Sudby_filosofii_v_20_30_e_gody_XX_v..pdf

Павлов А.Т. Философия в Московском университете/ Павлов А.Т. – С-Пб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2010. – Часть2.

Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Том 4: Российские университеты и люди 1840-х годов. Часть I: Профессура. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. — Глава 2. Университетская наука во второй половине 1830-х- 1840-е годов. <http://h.120-bal.ru/istoriya/31440/index.html>

Пустарнаков В.Ф. Университетская философия в России. Идеи. Персоналии. Основные центры. СПб.: РХГИ, 2003. — Часть 1, гл. 4.

Серебряков Ф.Ф. Философия и религия, или архимандрит Гавриил. // Наука и религия в глобализирующемся мире. Сб. статей. — Казань: Изд. Казан. ун-та, 2007. — С. 152-161. <http://uchebana5.ru/cont/2428014-p21.html>

Философия Фихте в России/Ред.-сост. В.Ф.Пустарнаков. — СПб.: РХГИ, 2000. — Часть 2, гл. 3. Университетская философия.

Тузов Л. Л. Из истории философской мысли в Казанском университете (Полемика А. С. Лубкина против кантовской философии) // Учёные записки Казанского университета. - 1956. - Т. 116, кн. 5. — С. 268-272.

Тема 4. ФИЛОСОФСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ. БУДНИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ: ЛЕКЦИИ, СЕМИНАРЫ, ПОСОБИЯ.

Аннотация: Рассматриваются программы и планы занятий по кафедре философии, даются сведения о «руководствах», по которым вели занятия преподаватели в первый период деятельности кафедры, расписаниях занятий, пособиях.

Ключевые слова: академический год, учебная программа, «руководство», учебные пособия, лекция, семинар, медальное сочинение.

Вопросы для изучения

1. Структура и содержание философского образования в Казанском университете..
2. Основные курсы. Учебная литература. Пособия.

Что представляла собой университетская философия? Как было уже сказано, философия изначально входила в число наук «приготовительных», которым, по Уставу 1804 года, *«необходимо должны учиться все, желающие быть полезными себе и отечеству, какой бы род жизни, и какую службу ни избрали»* (§ 109). Причем, здесь же было сказано, что *«только тот может перейти в главное отделение наук, соответствующих будущему состоянию, кто прослушал науки приготовительные»*.

В дальнейшем статус философии (философских наук) изменялся. Так, по Уставу 1835 года, логика и психология, которые тогда и составляли университетский курс философии, а также теория красноречия, стали

обязательными предметами для всех факультетов. Тогда же, напомним (по этому Уставу, который был введён в нашем университете только в 1837 году), вместо четырёх прежних отделений были учреждены три факультета: юридический, врачебный и философский. Кафедра философии вошла в состав 1-го (словесного) отделения философского факультета наряду с кафедрами греческой словесности и древности, римской словесности и древности, всеобщей истории, российской словесности и т. д. (2-ое отделение - физико-математическое).

Что, однако, первоначально подразумевалось под университетской философией? Об этом можно получить представление по университетским расписаниям занятий. В разные годы они назывались по-разному: Каталог преподаваний, Распределение лекций, Извещение о преподавании наук, Обзорение преподаваний.

Так, «Извещение о преподавании наук в Императорском Казанском университете с 13 августа 1814г. по 10 июля 1815 г.» объявляет, что «по отделению нравственных и политических наук *А. С. Лубкин* «по средам от 4 до 6 часов будет занимать студентов, посвятивших себя *философии*, труднейшими философскими исследованиями, состязанием и рассуждением; а в субботу в те же часы преподавать практическую философию по *Якобу* и *Снеллю*, на русском языке».

И. Е. Срезневский, магистр философии, «по понедельникам и четвергам от 2 до 4 часов изъяснит теоретическую философию, по *Якобу*, на русском языке».

За этот же период *А. С. Лубкин* читал «практическую философию», «по *Якобу*» и «*Снеллю*» (курс 1814/ 1815 у. г.), метафизику, «по своей рукописи» (1815/ 1816 у. г.); *Ю. Е. Срезневский* – «историю философскую» и метафизику, «по *Якобу*» (1818/ 1819 у. г.).

В «Каталоге преподавания Императорского Казанского университета на 1822-1823 а. г.» читаем: «*Михаил Архипович Пальмин* с половины 9 утра до 10

часов утра будет преподавать студентам 1-го разряда нравственно-политического, физико-математического и словесного факультетов по своим тетрадам; с половины 9 утра до 10 по средам студентам 2 разряда оных же факультетов, а в те же часы по пятницам студентам 3 разряда историю философских систем, делая приличные извлечения из книг...». В 1825/ 1826 у. г. *проф. Я. М. Кароблинов* (временно) читал по кафедре логику, историю философских систем, «по Баумейстеру».

Из «Распределения лекций по факультетам и курсам 1838-1839 а. г.» видим:

на историко-филологическом факультете – логика и психология (первый курс); метафизика и нравственная философия (второй курс); история философских систем (третий курс); история философии (четвертый курс).

на юридическом, медицинском и втором отделении философского факультета по разрядам математических и естественных наук – логика и психология (первый курс).

А вот какие дисциплины читались незадолго до закрытия кафедры в 1850 году.

По «Обозрению преподаваний в Императорском Казанском университете на 1845 - 1846 у. г.», *архимандрит Гавриил* на 1 курсе всех факультетов преподавал логику и психологию (1 час в неделю); *Н. А. Иванов*, ординарный профессор по кафедре русской истории, читавший в 40-е годы некоторое время историю философии по кафедре философии, «будет читать историю древней философии, по Мирбаху» (на 4 курсе восточной словесности).

Как видим, *метафизика, практическая (нравственная) философия, история философии, история философских систем (была ещё философская терминология), а затем логика и психология* – вот основные философские дисциплины в университете в это время.

Это - традиционный набор в германских университетах и раскрытый в *тогдашних* (немецких) «руководствах» («по Снеллю» и т. д.), по которым занятия велись не только в российских университетах, но и в других странах (по составленным Л. Г. Якобом «руководствам» по философским, экономическим дисциплинам, по естественному праву, - также в Дании, Венгрии, например). Что это за «руководства»?

«Руководства» – это «учебники» и «учебные пособия» тех лет, по которым читались лекции. Они же служили «руководством» к занятиям (Устав предписывал предоставлять перечень «книг, служащих руководством при университетских занятиях»).

Некоторые из «руководств», распространённых в российской школе, имели «гриф» тогдашнего Министерства народного просвещения. Так, по поручению последнего, профессор философии в Галле Людвиг Генрих Якоб, - почти 10 лет он был на русской службе: профессором в Харьковском университете, потом работал с М. Сперанским - составил на немецком языке 8 томов «Курса философии», которые были переведены на русский язык и изданы как руководства для гимназий в 4-х томах. Служили, как видим, и «руководствами» для университетских занятий по философии.

В Научной библиотеке КФУ имеются:

Якоб Людвиг Генрих. Курс философии для гимназий. – СПб., 1813.

Якоб Людвиг Генрих. Начертание эстетики. – СПб., 1813. – 123 с.

«*По Баумейстеру*» – это пособия по метафизике, логике и нравственной философии, написанные Христианом Баумейстером (1708-1785)³⁸, немецким философом, вольфианцем, т.е. последователем систематизатора философии Лейбница Христиана Вольфа. Именно через вольфианство, этой философии «для

³⁸ Более подробных сведений о нём нет ни в предисловии к русскому изданию его «Метафизики» (М., 1808), ни в Энциклопедии Брокгауза и Ефрона.

начинающих», по словам Феофана Прокоповича, русская образованная публика, приобщившаяся в 18 веке к светской философии, и знакомилась с философией европейской. Эта система, отличавшаяся ясным изложением и, несмотря на свой рационализм и связь с естественными науками, не противоречившая догмам церкви, была положена государством « в основу преподавания философии в высших учебных заведениях»³⁹.

Переводы книг Баумейстера и были долгое время первыми наиболее известными учебными пособиями по философии для российских высших учебных заведений⁴⁰. Первые русские самостоятельные попытки создать таковые учебные пособия, также опирались на эту систему-структуру Вольфа-Баумейстера.

В университетской библиотеке имеются все три его произведения, переведенные на русский язык:

«Логика». Пер. с лат. - М., 1787. – 240 с. (есть ещё более раннее, первое, издание - М., 1760. – 228 с.; перевод выполнен студентом Московского университета А. Павловым);

« Метафизика». Ч. 1-3. – М., 1764 (тоже первое издание; имеется также издание того же произведения 1808 года);

«Нравоучительная философия». Пер. с лат. – Б. м: тип. Морского шляхетного кадетского корпуса, 1783. – 280 с.

Вот разделы «Метафизики» Баумейстера (М.,1764):

Ч.1. Онтология, или первая философия (100 с.).

бщая космологЧ.2 Оия (101-130 с.).

³⁹ Кошелева О. Е., Морозов Б. Н. Неизвестные русские учебные курсы философии середины XVIII в.// Историко-философский ежегодник-91. – М.: Наука, 1991. – С. 53.

⁴⁰ В духовных школах они господствовали.

Ч.3, содержащая пневматологию,⁴¹ психологию и теологию натуральную (131-255 с).

Приведем ещё мнение Карла Фукса, человека в философии образованного и сведущего, о пособиях Баумейстера: « *Преподавание наук философских*, - заверял он Магницкого в отчете 1825 года, - *ограждено равным образом от всякой опасности преподаванием курса самого простого (Баумейстер), принятого ныне и для духовных наших училищ*»⁴².

«*По Снеллю*» – «Начальный курс философии» Фридриха Вильгельма Даниеля, профессора философии из Гиссена, кантианца. Имеющийся в Научной библиотеке КГУ перевод на русский язык был сделан преподавателями университета философом А. С. Лубкиным и историком П. Кондыревым⁴³; они же написали «добавления», которые зачастую интереснее (именно как философские «добавления»), нежели «Курс» профессора философии из Гиссена.

Пособие немецкого профессора состояло из пяти частей, которые и обнимали весь тогдашний университетский курс философии и разграничивали его по учебным дисциплинам, читавшимся тогда в наших университетах (они, исходя из расписаний занятий, приведены ранее).

Вот эти части:

Ч.1. Эмпирическая психология, или наблюдательное душесловие. - 134 с. приведённого издания.

Ч.2. Логика и краткая метафизика. - 134 с.

Ч.3. Эстетика, или критика вкуса. – 80 с.

⁴¹ Анонимный автор одного из самых ранних рукописных русских учебных пособий по философии, составленного на основе Баумейстера, объясняет: « Пневматология наука о невидимых или о безплотных вещах, яко о Боге, о душе нашей и о протчем» – См.: Кошелева О. Е., Морозов Б. Н. Указ. Соч. – С. 72.

⁴² История Императорского Казанского университета. 1804-1904. Под ред. Н. П. Загоскина. – Казань, 1904. – Т. 3. – С. 471.

⁴³ Снелль Фридрих Вильгельм Даниель. Начальный курс философии. Пер. А. Лубкин и П. Кондырев. Ч. 1-5. – Казань: тип. ун-та, 1813-1814.

Ч.4. Нравоучение и право естественное. – 136 с.

Ч.5. Нравственное вероучение и обозрение истории философии. – 64 с.

Левицкий Л. С., первый преподаватель по кафедре философии, ещё «читал логику по руководству Рижского»⁴⁴. Имеется ввиду пособие, написанное русским автором *Рижским Иваном Степановичем* (1759-1811), которому принадлежит, также являвшееся «руководством», сочинение «Опыт риторики»⁴⁵. И о том, и о другом руководстве, например Г. Н. Горадчанинов, «первый профессор словесности» Казанского университета, которого даже не очень приготовленные студенты 1805 года считали человеком «бездарным и отсталым» отзывался весьма не лестно за их «обширность и многосложность».

Хотя для своего времени свою образовательную роль для неискушенной в философии русской публики, едва начинавшей приобщаться к философии, эти руководства выполнили. К тому же, тогда эти «руководства» были новейшими учебниками по философии, ибо представляли собой переводы с немецкого, *переводы с учебников, написанных германскими профессорами философии.*

Разумеется, было и критическое отношение к используемым «руководствам». Так, А. Лубкин и П. Кондырев, как было уже сказано, снабдили свой перевод «Снелля» «добавлениями переводчиков», которые порой интереснее оригинального текста, несколько более «сложного», чем «Баумейстер», но все же – довольно простого пособия⁴⁶. Эти «добавления» дают представление и о собственных взглядах переводчиков, преподавателей Казанского университета. А. С. Лубкин, скажем, решительно, и, совершенно замечательно, возражает автору на его субъективно-идеалистическое толкование пространства и времени: *«Представления времени и пространства столь тесно соединены с представлениями бытия, что последний без них теряет всю свою*

⁴⁴ См.: Булич Н. Казанский университет в Александровскую эпоху. – Казань, 1875. – С.273.

⁴⁵ В университетской библиотеке имеются издания: СПб, 1796. – 396 с.; Харьков: Имп. Харьковск. ун-т, 1805. – 405 с.; М., 1809. – 381 с.

⁴⁶ Правда, как сказано издателями, это – пособие «для начинающих упражняться в философии» (здесь они могут найти «все нужное») – Начальный курс философии. Сочинение Снелля. – Казань, 1813. – С.4.

значительность и даже получает совсем противный смысл». И добавляет: «все, что существует, существует во времени и пространстве»⁴⁷.

Мы видим также, что выходили из затруднительного положения с источниками и литературой и иначе. Так, в расписании лекций М. А. Пальмина (на 1822 / 23 а. г.) сообщается, что он будет *«делать приличные извлечения из книг»*. А. С. Лубкин сообщает (1815 /16 а. г.), что будет читать метафизику *“ по своей рукописи”*.

Сколько скудной была русская библиография по философии видно и из списка литературы, который приводит архимандрит Гавриил в своей «Истории философии», но уже самая его книга является достойным для совершенно ничтожной в этом вопросе русской философской литературы стремлением восполнить этот пробел. Тем более 6 часть его " «Истории философии" представляет собой (как бы ее ни оценивать – об этом см. далее) вообще первую у нас попытку (этим объясняются и ее заслуги, и ее недостатки) написать «историю русской философии», философию, которую, как и сам обыкновенный факт ее наличия, нужно было еще обосновать.

В 1850 году, было уже отмечено это, кафедры философии во всех, тогда еще немногих российских университетах (кроме Дерптского) были Господа профессора – члены университетского Совета закрыты – *«те, кто царствует»*, *«закрыли» « тех, кто мыслит»⁴⁸*. нашли таки лукавое оправдание: в годовом отчете за 1850/51а. г. читаем, что *«чрезвычайно важною мерою в ходе образования было упразднение отдельной кафедры философии в университете... как бы в знак того, что... все мудрствования умов, не проникнутых и ненаправленных чистою верою, суетны и ведут скорее к заблуждению, нежели к познанию «света и истины»⁴⁹*.

⁴⁷ Там же. – С.112, 113.

⁴⁸ Слова из речи В. Гюго на похоронах Бальзака (в том же самом 1850-ом году): «Взоры теперь уже прикованы не к тем, кто царствует, а к тем, кто мыслит...».

⁴⁹ См.: М. К. Корбут. Казанский государственный университет за сто двадцать лет. – Казань, 1930. – С. 89.

Лекции по логике и психологии читались по программам, составленным в Духовной академии и одобренным Синодом. Надзор за их преподаванием в Казанском университете был возложен на ректора Казанской Духовной академии.

Заметим здесь, например, что Е. А. Бобров, профессор Казанского и еще двух российских университетов считал нежелательным («убеждение, вынесенное из опыта») приступать «к научному занятию философию» под руководством «богослова». Что касается программ, составленных в это время богословами, вот его мнение - сошлёмся на него ещё раз - из заметки «Философия былых времен» из сборника «К истории русской литературы и просвещения в 19 столетии»⁵⁰. О программе по логике: *«Здесь тенденциозность богослова - составителя по отношению к чуждой для него науки философии достигает крайнего предела»*; автор (протоиерей А. П. Владимирский) *«вступает в область чистого богословия»*. Программа по психологии: *«богословская тенденциозность»*. Полагаю, что отсюда ясно, что имеет в виду профессор, когда говорит: *«Программа служит материалом первостепенной важности для определения того, что в 50-х годах прошлого столетия читалось в русских университетах под именем логики и опытной психологии»*⁵¹.

Кафедры философии в российских университетах были восстановлены по царскому Указу от февраля 1860 года. В Казанском университете это произошло только в 1862 году, но до 1867 года кафедра оставалась вакантной (в том году ее занял М. М. Троицкий).

И вот какие предметы читались по кафедре после ее вторичного открытия.

Троицкий М. М., историко-филологический факультет (1868/69 у. г.): студентам 1 курса 2 часа в неделю логику; студентам 2, 3, 4 курсов 2 часа в неделю психологию; студентам 3 и 4 курсов по 1 часу в неделю «продолжает излагать систему Канта».

⁵⁰ Бобров Е. А. К истории русской литературы и просвещения. – Б. м., / 19../. – 68 с.

⁵¹ См. там же. – С. 67, 66, 68.

В. А. Снегирев, историко-филологический факультет (1880/81 у. г.): студентам 1 курса 2 часа в неделю психология; студентам 2 курса 1 час в неделю логика и психология.

А. И Смирнов, историко-филологический факультет, классическое отделение (тот же у. г.): студентам 3 и 4 курсов 2 часа в неделю «историю греческой философии с Аристотеля»; историческое и словесное отделение – «историю новой философии с Канта до Гегеля» (2 часа в неделю).

А. И Смирнов, историко-филологический факультет (1900/01 у. г.): классическое отделение – философия Аристотеля (2 часа в неделю); историческое и словесное – «философию Локка и его приемников в Англии вместе с очерком философии Просвещения во Франции». Также проводил «чтение и объяснение «Поэтики» Аристотеля на классическом отделении (2 ч.). В весеннем полугодии того же учебного года он читает философию эпохи эллинизма (1 ч. классики и студенты 4-го семестра), философию в Риме (1 ч., классики), философию 18 века в Германии от Лейбница до Канта (2 ч., историки и словесники).

По «Обзору преподаваний в 1915-1916 у. г.»:

Ягодинский И. И. (6 часов в неделю):

общефакультетские предметы – система психологии (2 ч.);

на историческом и словесном отделениях историко-филологического факультета – история новой философии (2 ч.).

Гуляев А. Д. (6 часов в неделю):

общефакультетские предметы – логика (2 ч.); история древней философии (2 ч.).

Васильев Н. А. (2 часа в неделю):

практические занятия по философии (2 ч.) – факультативно;

чтение сочинения Аристотеля «О душе» для старших классов классического отделения.

Маковельский А. И. (2 часа в неделю):

Практические занятия:

по истории материализма (2 ч.);

по греческой космологической поэзии VI века для старших классов классического отделения (2 ч.).

Что касается учебных программ, в том числе и по тем предметам, которые еще по Уставу 1835 года стали обязательными в университетском преподавании философии – логике и психологии, - то единообразия в них не было (что вполне понятно) продолжительное время (особенно, как ясно, это касается психологии). *«Если спорно то, что именно преподавать под именем «логики», - писал Е. А. Бобров в начале 20 века, - то еще более спорным оказывается на практике вопрос, что давать в виде обязательного курса психологии».*

Так, М. М. Троицкий, по словам В. Н. Ивановского, имел *« два понятия психологии, совершенно одно с другим не совпадавшие. С одной стороны, психология была для него учением о познании вообще, критикой и теорией всякого познания... с другой, – это была одной из специальных наук».* Сам Ивановский замечает по этому поводу: *«пора отделить от психологии теорию познания»*⁵² (заметьте, в статье 1900 года; можно ли быть очень строгим к преподавателям предыдущих поколений?).

Приведем для ознакомления и сравнения выдержки из программ по психологии, составленным Е. А. Бобровым и Н. А. Васильевым (обе программы относятся к началу 20 века, к 1- началу 2 десятилетия его).

⁵² Ивановский В. Н. К характеристике М. М. Троицкого // Вопросы философии и психологии. – 1900. - Кн. 52. – С. 194, 196.

Из программы *Е. А. Боброва*⁵³:

Определение психологии и необходимость определения понятия души.

Наивно-мифологическое понимание души в дофилософский период...

Общий взгляд на историю психологии Ее начатки. Психология первых греческих философов...

Психология средневековья Влияние христианства на понятие души...

Значение Декарта в истории психологии. Основание имматериализма души и несвязанность этого принципа с картезианским общим материализмом. Гносеологический принцип и значение критицизма для понятия индивидуальной души. Сознание.

Локк, как основатель «аналитически-исторического» метода разработки психологии... История познания и разложение психических сложных групп на их первоначальные простые элементы....

Значение Беркли для психологии.

Психология Лейбница в связи сего гносеологиею и метафизикой....

Общая схема философских направлений в их отношении к психологии.

Психология универсализма (или идеализма) в противоположении ее к психологии индивидуализма.

Психология материализма(...XIX века – Фейербах, Бюхнер, Молишотт, Фохт и др.).

Позитивистская психология(Конт и др.); «психология без души»; нападки на метафизическую или умозрительную психологию и психология, как наука о душевных явлениях.

⁵³ Из его работы «О преподавании философии в университетах» .

Отношение психологии к физиологии и физике.... Введение инструментов и статистики в область психологии. Фехнер, Вундт и пр. Закон Вебера и Фехнера.

Источники науки психологии.

Методы психологии... .

Различные деления и классификации психических явлений.

Ощущения...

Теория представлений или образов.

Теория памяти. Ассоциация идей и история этого учения.

Мышление, фантазия....

Теория чувствований..

Теория воли...

Теория сознания и бессознательные явления (Лейбниц, Гербарт, Гартман и др.).

Качественное и количественное понимание сознания – сознание и сознательность. Внимание.

Поток сознания.

Элемент сознания; момент сознания. Единство душевной жизни и единство момента сознания. Категория времени.

Закон неслиянности и неразделенности психических элементов; закон ограниченности сферы сознания. Два слоя сознания – простое, непосредственное сознание опосредствованное.

Теория самосознания и «я».

Теория происхождения души...

Личность человека; характер; личное психическое развитие.

Отношение сознания, тела и внешнего мира. «Я» и «не-Я». Сущность и значение тела. Тело и душа и их взаимоотношение по теориям материалистов, Декарта, Спинозы, окказионалистов и Лейбница.

Общее учение о душе...

Душа здоровая и больная. Вопрос о наследственности. Природные наклонности и предрасположения....

Психология расы, пола, возраста...

Психология животных...

Значение психологии и ее отношения к другим наукам...

А вот выдержки из «Программы по психологии» приват-доцента *Н. А. Васильева*:

Вопрос о душе в психологии. Психология, как самостоятельная наука. Почему нельзя дать точного определения психологии? Отличие физического от психического. Связь душевных и телесных явлений. Методы психологии и методы естествознания. Психология, как наука дополнительная к естествознанию.... Психология и социальные науки.

Метод самонаблюдения....

Основные силы, факты или законы сознания. Силы слияния. Психические обертоны Джемса или «чувство отношения» Спенсера... Внимания и сознания, их различия. Почему нельзя определить сознание?

Сила памяти... Ассоциация идей..

Система психологии. Психология Джемса, Вундта, Бэна и Авенариуса. Их логическое взаимоотношение. Изложение и критика их главнейших психологических учений..

Рефлексы. Виды рефлексов....

Локализация функции центральной нервной системы....Роль коры...

Энергетика мозга...Главные законы мозговой деятельности..

Общее понятие эволюции. Эволюция и прогресс. Христианское происхождение понятия эволюции и прогресса. Законы эволюции, предложенные Спенсером. Применение их к психике...Рост психики, как рост приспособления во времени и пространстве. Психика животных...Психика животных и психика человека.

Вопрос о чуждом сознании. Изложение теории автоматизма. Почему логически нельзя опровергнуть того, кто бы стал отрицать чуждое сознание?...Что такое солипсизм? Чистый опыт и метафизика. Почему мы всегда метафизики? Есть ли критерии наличности сознания?...

Вопрос о психике растений...Нервная система и сознание. Аргументация Фехнера...

Ощущения. Классификация ощущений. Закон Гамильтона....

Строение уха...

Строение глаза..

Вопрос о пространстве в новой философии. Взгляд Декарта, Ньютона, Лейбница. Кант. Его зависимость от Ньютона и Лейбница. Пространство, как условие возможности опыта. Необходимость пространственных истин. Их априорность. Что такое априорность? Пространство – интуиция, а не понятие. Неприложимость пространства и времени к вещам в себе. Доказал ли Кант это? Влияние мистиков на Канта. Заслуги Канта..

Эмпиризм....Теория Беркли...

Теория местных знаков (Лотце). Выведение пространства из времени (Спенсер)...

Теория Юма о природе веры во внешний мир....

Иллюзии. Воспоминание, как элемент восприятия.... Галлюцинации....

Ассоциация идей. История этого вопроса....

Память....

Представление и понятие. Анализ. Абстракция. Ассимиляция. Синтез. Происхождение понятий.... Значение языка. Понятие и слово... Суждение. Умозаключение...

Чувства и ощущения... Аффекты или эмоции....

Личность. Представление о физическом «я». Духовное «я». Единство тождество «я». Сознание и самосознание. Темпераменты... Сон и сновидения. Гипноз.

Если отвлечься от различия в порядке изложения материала авторами (что вполне естественно), от преобладания в общем объеме материала этих, а не тех вопросов, и от делаемых акцентов (скажем, Васильев значительно больше внимания уделяет проблеме сознания, правда, кажется, более в философском аспекте), то бросается в глаза размытость, неопределенность предмета психологии, содержания ее, обнаруживающиеся в обеих программах. Справедливость вышеприведенных слов Боброва - «...еще более спорным оказывается на практике вопрос, что давать в виде обязательного курса психологии» - очевидна. Стоит только привести продолжение его мысли: «Разумеется, это стоит в самой тесной связи с тем обстоятельством, что психологи до сих пор не могут столкнуться насчет того, как единообразно определить, что же такое – наука психология». Понятным становится *при ознакомлении* с обеими программами (другие вряд ли отличались в этом отношении) и замечание В.

Ивановского: *«пора отделить от психологии теорию познания»*. Конечно, со временем, по мере развития психологии, и уяснения в умах предмета и содержания ее, положение должно было измениться.

Приведем выдержки и из программ по логике, относительно которой, по словам того же Е. А. Боброва, тоже не было ясности, *« что именно преподавать под именем «логики»*. Он даже пишет: *«фактически теперь в разных университетах под этой фирмой преподаются и изучаются разные науки»*.

Из программы **Е. А. Боброва**⁵⁴:

Определение науки логики. Ее отношение к другим наукам и ее практическое значение. Общий обзор истории логики. Различные направления в логике: формальная, математическая...

Учение о мышлении. Психологические условия мышления....Основные законы мышления, особенно закон достаточного основания. Общие категории положительного и отрицательного.

Учение о формах мышления...Понятие...Суждение...Умозаключение. Виды силлогизмов. Индукция...Различные виды дедуктивных методов. Аналогия.

Определение или дефиниция...

Учение о познании. Различные гносеологические направления: сенсуализм, эмпиризм, рационализм, идеализм, критицизм, позитивизм, скептицизм, мистицизм и т. д.

Душа и тело. Внешнее раздражение и ощущение.

Значение памяти и привычки в процессе познания. Закон причинности.. Психогенезис образов и представлений.

Формирование общих понятий. Субъект и объект. Душа и внешний мир.

⁵⁴ В: «О преподавании в университетах».

Материализм и имматериализм (панпсихизм), индивидуализм и универсализм.

Вопрос о границах и достоверности познания. Философия и отдельные науки.

Учение об истине. Истина, заблуждение, ложь. Доказательства и ошибки. Истина научная, философская, нравственная, религиозная. Идея истины в ее отношении к идеям блага и красоты.

Создается впечатление, что этими «главнейшими вопросами», на которых Бобров «останавливался в курсах логики» («О преподавании...»), он сам демонстрирует: «под этой фирмой» (логикой) «преподают и изучаются разные науки». И в любом случае нет ясности в том, «что именно преподавать под именем «логики». Впрочем, в этом случае дело, возможно, разъясняется тем, что в курсе логики Бобров «считал необходимым...останавливаться подробно и на проблемах тех наук, которые, по убеждению наших современников-философов, близко соприкасаются с наукою логики, а именно гносеологии и психологии» («О преподавании...»).

Вот выдержки из «Программы по логике» профессора А. Д. Гуляева:

Объективная и субъективна точка зрения на мир....

Виды познания: ощущение, воспоминание, восприятие и мышление....Логические признаки истины. Задача логики.

Краткие замечания об истории логики...

Анализ сущности и форм суждений. Предварительное определение суждения. Суждение и предложение....

Отрицание...

Множественные суждения...

Возможность и необходимость в их отношении к суждению... Кантовское и аристотелевское различие суждений.. Так называемая модальность суждений...

Реальная или объективная необходимость...

Понятия....Характеристика логических понятий...

Процесс образования понятий из представлений. Значение акта суждения в этом процессе...

Относительность знания...

Теория выводов...

Категорический вывод...

Основное условие научного значения категорического силлогизма...

Критика взгляда Д. С. Милля на значение категорического силлогизма и основной смысл этого силлогизма. Критические замечания Д. С. Милля о формальной теории категорического силлогизма; собственное учение Милля; учение о выводе частного к частному; что есть верного и ошибочного в учении Милля.

Общая задача методологии и ее постулат. Путь к достижению идеала знания – научной системы...

Методы выработки системы понятий...

Дефиниция...

Методы выработки системы суждений...

Общая теория индукции...

Индуктивные законы о вещах и их свойствах...

Заключение по аналогии.

Достаточно выразительное отличие этих программ по логике очевидно. Как очевидно и то, что структура учебного курса («обязательного курса», говоря словами Боброва) логики к этому времени ещё не сложилась. Программа А. Гуляева по «сухости», «формальности», а, может быть, и « по соответствию предмету» (не по структуре) ближе к нашим программам.

В какой форме проходили занятия? В основном в форме лекций. Сообщения о практических занятиях мы находим в «Обзрениях» и т. п. уже с последних десятилетий XIX века.

Так, в расписании А. И Смирнова (осеннее полугодие 1887 года) написано: *« чтение и объяснение Платонова диалога «Менон».*

А. И Смирнов (1900/01 у. г.): *«чтение и объяснение «Поэтики» Аристотеля (2ч., классическое отделение)».*

Е. А. Бобров (1900/01 у. г.): *практические упражнения по истории древней философии (1 час; тексты по хрестоматии Рихтера и Преллера); практические упражнения по истории новой философии.*

В. Н. Ивановский (1910/11 у. г.): *«философский семинарий - Чтение и объяснение «Критики чистого разума» Канта в связи с другими классическими сочинениями по теории познания».*

А. О Маковельский (1915/16 у. г.): *практические занятия по 1) истории материализма; 2) греческой космологической поэзии VI века.*

Как проходили и что собой являли «практические занятия» можно получить некоторое (но не всецелое, т. к., скажем Е. А. Бобров, называет разные их формы) представление из следующего. В «Обзрении преподаваний в 1915-1916 у. г.» в расписании А. Д. Гуляева сказано: *« Практические занятия будут состоять в чтении студентами рефератов на темы, предложенные преподавателем, для дополнительного и лучшего уяснения читаемых курсов философии и в обсуждении этих рефератов слушателями под руководством преподавателей».*

Несколько улучшилось к этому времени и положение с литературой⁵⁵. Казанские философы также причастны к этому.

Появились « Введения в философию» (например, Ивановского и Маковельского), учебные пособия по логике и психологии: В. А. Снегирева по психологии (издано посмертно), И. И. Ягодинского «Краткий курс системы логики», Н. А. Васильева, А. О. Маковельского, М. М. Троицкого (правда, уже после казанского периода его деятельности) и др.

Для более наглядного представления о том, что собой являли эти «Введения в философию», приведем названия глав из двух таких.

Пособие **В. Н. Ивановского** состоит из 111 стр., и первая её часть имеет подзаголовок «Философия теоретического знания»

Далее такие главы:

История классификации наук;

Классификация наук;

Философия – теория познания, направления теории познания;

Об отношениях между наукой, теорией познания и метафизикой;

Метафизика...

Между прочим, В. Ивановский полагает, что « основное ядро философии - в великом вопросе об отношении мира и познания, объекта и субъекта»⁵⁶.

«Введение в философию» **А. О. Маковельского** (первая часть) состоит из 79 страниц. Две главы – «Понятие о философии» и «Проблема познания» – включают следующие параграфы:

⁵⁵ Всё же следует помнить о словах профессора Е. А. Боброва, гордившегося тем, что его студенты по Казанскому и Юрьевскому университетам логику Аристотеля изучали в подлиннике: « русские переводы Соловьева и Карпова ненадежны... Русских переводов Аристотеля рекомендовать нельзя» («О преподавании...»).

⁵⁶ Ивановский В. Н. Введение в философию. – Казань, 1909. – Ч.1. – С. 5.

Философия как проблема

История термина «философия».

Три основных элемента, входящих в философию.

Естественная философия.

Философский эрос.

Философские системы...

Философия как поэзия...

Платоновская форма философии...

Отношение философии к науке....

Нападки на философию...

Разделение философии.

Естественная гносеология.

Интеллектуальное перерождение.

Исходный пункт философии.

Декарт...

Беркли и Юм...

Кантовский критицизм...

Классификация наук...

Логика.

Студенты также писали «медальные сочинения», наиболее достойные из которых Совет университета, по представлению факультета, отмечал золотой медалью на годичном торжественном акте.

Вот названия некоторых из них:

Основываясь на собственных сочинениях Шеллинга, критически рассмотреть разные фазы сего философствования и показать, на чём он остановился в настоящее время» (1843 г.);

Изложить индейскую космогонию по Ману и миф о потопе по Магабарате (1853-1854 у. г.);

Философский элемент в философии Белинского (1889г.);

Философия Парменида (1902 г.);

Учение Лейбница о субстанции и его переписка с де-Вольдером (1910 г.);

Критика Лейбницем двух первых книг сочинения Декарта об основаниях философии (1910 г.);

Лейбниц и Белль (1915 г.).

Источники информации:

Основная литература:

История русской философии: Учебник / Под общ. ред. М.А. Маслина. - 3-е изд., перераб. - М.: НИЦ ИНФРА-М, 2013. – Философия в духовных академиях и университетах в XIX — начале XX в. Философско-правовая мысль. Глава II. Философия в российских университетах.

<http://znanium.com/bookread.php?book=414693>

Серебряков Ф.Ф. Философское образование и философская мысль в Казанском университете: учебное пособие. - Казань: Казанский государственный университет, 2009. – Гл.2.

<http://libweb.ksu.ru/ebooks/publicat/0-777453.pdf>

Дополнительная литература:

Бажанов В. А. История логической мысли в казанском университете// История экономической и философской мысли в Казанском университете. - Казань: Издательство Казанского университета, 2003. – ГлVII. http://kpfu.ru/staff_files/F1658653170/Ibragimova_Z.Z._Sudby_filosofii_v_20_30_e_gody_XX_v..pdf

Бажанов В. А. История логики в России и СССР. Концептуальный контекст университетской философии. - М.: 2007. - Часть 1,гл.1.2.

Баранец Н.Г. Об изменениях статуса философии как университетской дисциплины в России в XIX – начале XX века// Философский век. Альманах.

Вып. 30. История университетского образования в России и международные традиции просвещения. Том 3 / Отв. редакторы Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. — СПб.: Санкт-Петербург-ский Центр истории идей, 2005. — С.93-103. <http://ideashistory.org.ru/pdfs/a30.pdf>

Мочалова И.Н. Философия в университетах России XIX века// Философский век. Альманах. Вып. 30. История университетского образования в России и международные традиции просвещения. Том 3 / Отв. редакторы Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. — СПб.: Санкт-Петербург-ский Центр истории идей, 2005. — С. 167-175. <http://ideashistory.org.ru/pdfs/a30.pdf>

Павлов А.Т. Философия в Московском университете/ Павлов А.Т. — С-Пб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2010. — Части 1,2.

Пустарнаков В.Ф. Университетская философия в России. Идеи. Персоналии. Основные центры. СПб.: РХГИ, 2003. — Часть 1, гл.4.

Тема 5. БРОННЕР, ФУКС, КОТЕЛЬНИКОВ И ДРУГИЕ: ЛЮБОМУДРИЕ ЗА ОГРАДОЙ КАФЕДРЫ ФИЛОСОФИИ.

Аннотация: В данной теме даётся представление о каналах проникновения философии и философской культуры, философской "моды" и философских новостей Запада в Казани и университете, о литературных и литературно-философских объединениях, научных обществах, о философски нагруженных курсах университетских преподавателей-нефилософов.

Ключевые слова: философские кружки, научные общества, литературный салон, философски нагруженные нефилософские учебные курсы.

Вопросы для изучения:

1. Каналы проникновения философии и философской культуры, философской "моды" и философских новостей Запада в Казани и университете.
2. Известные философы - "нефилософы" Казанского университета и их значение в формировании философского образования и философской культуры в университете и в Поволжье.
3. В. Несмелов и его место в истории русской философии.

1-2. Кафедра философии, хотя именно с ней связано философское образование в университете, не была, однако, единственным каналом проникновения философской мысли и философских влияний в университете. Не была она и исключительным органом философской подготовки умов, единственным в университете «окном» в философски-широкое мирообозрение. Были и другие «окна», другие каналы. Другие люди, наконец.

Прежде всего (если иметь в виду целые дисциплины) это читавшийся на юридическом факультете курс философии права по кафедре энциклопедии и

философии права. История преподавания и содержание курса были освещены ещё в начале XX века в трудах Владислава Францевича Залесского⁵⁷. Здесь философию права читали П. С. Сергеев, читавший, как было ранее отмечено и по кафедре философии, Д. И. Мейер, С. В. Пахман, Н. П. Загоскин, Г. Ф. Шершеневич.

А. И. Герцен когда-то писал (в «Былое и думы»): *«Университет... не должен оканчивать научное воспитание: его дело - возбудить вопросы, научить спрашивать»*. И в этом смысле миссия университета и работа философии, её самооправдание как духа совпадают. Поэтому классический университет и философия в основе своей суть одно и то же. Это – одна и та же работа.

И её выполняли многие подвижники университетской науки, чьи трудом и создавалось это имя – «Казанский университет».

Они делали это, когда знакомили студентов с новейшими философскими течениями, с идеями философии истории, философии искусства, языка, с философскими вопросами науки, литературы, естествознания и математики.

Филолог профессор А. М. Миронов читал на историческом отделении историю античного искусства, а «классиком» и словесникам – историю эстетических учений (1915/16 у.г.).

Об историке Н. А. Иванове, читавшем и по кафедре философии, уже было сказано. Его лекции (в том числе публичные, которые он первым начал читать в Казани) заостряли мысль на том, говорит историограф Казанского университета М. К. Корбут, что *«человека надо изучать не в мертвой книге, но в жизни»*. Ещё более это относится к его преемнику по кафедре, ученику Грановского С. В. Ешевскому, лекции которого по истории собирали даже медиков.

⁵⁷ См., например: В. Ф. Залесский. История преподавания философии права в связи с важнейшими данными внешней истории юридического факультета // ЖМНП. – 1903. - №№ 10-12.

На лекциях профессора русской литературы Н. Н. Булича «аудитория набита битком», вспоминал один студент тех лет (А. А. Бирюков).

В этом ряду проводников философской (в широком смысле слова) мысли можно было бы назвать многих других. Профессора русской словесности К. Т. Фойгта, греческой словесности и языка С. П. Шестакова, языкознания Е. Ф. Будде, юриста Д. И. Мейера, профессора классической филологии, автора работ о Полибии, Аристотеле, Фукидиде Ф. Г. Мищенко...

Широко известны представители естествознания и математики, далеко не ограничивавшиеся узкой специальностью, а бывшие, по-настоящему, «героями мыслящего разума», не рассудка только.

Учителя Н. И. Лобачевского Бартельс М. Ф. и Броннер Ф. К. , которому будущий великий геометр обязан первоначальному знакомству с европейской философией своего времени.

О значении в истории университета и умственной жизни Казани медика и этнографа, натуралиста и писателя Карла Фукса, который никогда не расставался с увлечением ещё своей молодости – философией, - о литературно-философских собраниях в его доме сказано так много, что здесь повторяться будет излишним.

Превосходный математик, блестящий лектор и преподаватель профессор прикладной математики П. И. Котельников, *«воспитанный на Канте и Гегеле»*, по словам его ученика профессора Ф. М. Суворова, создал в Казани вместе с профессором медицинского факультета И. Г. Линдегреном гегелевский кружок. Своими блестящими лекциями о принципах механики, *«очень убедительно доказывал возможность общепhilosophического образования для профессора какой бы то ни было специальности»* (Ф. М. Суворов).

Все казанское студенчество, а не только медицинский факультет, на котором он преподавал, охватывало в 40-50-е годы XIX века влияние профессора анатомии Е. Ф. Аристова, лекции которого вызывали у студентов восторг. Он был

силой умственной и моральной. Был личностью «в высшей степени самобытною, представлявшею редкое гармоническое сочетание широкого, философски настроенного ума с непоколебимо-твёрдым характером»⁵⁸.

Профессор физико-математических наук А. В. Васильев (отец философа Н. А. Васильева) был и философом, профессионально и живо интересовавшимся вопросами истории и философии математики. Он – участник международного философского конгресса, автор работ по истории математики, по общественным и философским проблемам, по педагогике. Он – один из создателей Физико-математического Общества при Казанском университете, на заседаниях которого выступали с докладами и преподаватели по кафедре философии: А. Смирнов, В. Ивановский, Н. Васильев...

Философия и философское влияние было представлено и за пределами Казанского университета. Это относится, прежде всего, к духовной академии, хотя философия в системе богословского образования, конечно, занимала далеко не доминирующее место. Несмотря на это в духовных академиях преподавали и люди весьма известные в истории русского высшего образования и гуманитарной науки, даже выдающиеся – логик М. И. Каринский, скажем. Автор первого русского «Введения в философию» (1833) Ф. Ф. Сидонский – тоже из духовной академии (С.-Петербургской), как и А. Е. Светилин, автор наиболее распространенного руководства по логике в учебных заведениях дореволюционной России. В Московской духовной академии кафедру философии занимал П. Флоренский, в Киевской преподавал автор «Философского лексикона» С. С. Гогоцкий, П. Д. Юркевич...

По Уставу 1884 года обязательными для всех студентов духовных академий были «сделаны» логика, психология и история философии. Что касается

⁵⁸ Биобиблиографический словарь..Ч. 1. – С. 372.

философии, то большее внимание уделялось Шеллингу, платонизму, английскому эмпиризму. Изучали Канта, но совершенно не принимали⁵⁹

Такое же положение было в Казанской духовной академии (1842 г.). Здесь работали В. А. Снегирев и его ученик В. И. Несмелов (из «известных»), который возглавлял с 1888 года кафедру метафизики.

3. После закрытия Казанской духовной академии на работу в Казанский университет был принят особым решением Совета университета **Виктор Иванович Несмелов**, возглавлявший в академии кафедру метафизики. В решении Совета было сказано: *«пригласить в качестве временного преподавателя по кафедре философии...; принимая во внимание... необеспеченность преподавания философских предметов на факультете поручить ему, В. И. Несмелову, в 1920 – 1921 учебном году чтение курсов логики и истории новой философии».*

Вскоре факультет был закрыт. Пребывание В. Несмелова профессором по кафедре философии оказалось весьма недолгим. И поэтому вряд ли можно его деятельность связывать с ней, хотя, конечно, он в «историях русской философии» самый известный «доморощенный» философ.

Автор 2-х томной «Науки о человеке», главной своей работы, по праву входящей в фонд «русской религиозной философии», он является автором ещё ряда трудов, философское значение среди которых принадлежит сочинению «Вера и знание с точки зрения гносеологии», изданному в Казани в 1913 году.

Творчество В. И. Несмелова достаточно хорошо изучено и продолжает привлекать к себе внимание, поэтому о нем можно получить представление по источникам, указанным в списке литературы.

Этим не исчерпывается общественное влияние науки «елленских мудрецов», как выразился один русский государственный муж XVII века, но

⁵⁹ О философии в духовных академиях см.: Философия Шеллинга в России. – С.-Пб., 1998 (Гл. 1, ч. 3).

источником концентрических кругов его всегда был здесь Казанский университет.

Источники информации:

Основная литература:

История русской философии: Учебник / Под общ. ред. М.А. Маслина. - 3-е изд., перераб. - М.: НИЦ ИНФРА-М, 2013. – Глава II. Философия в российских университетах. Университетская философия в ее истории

<http://znanium.com/bookread.php?book=414693>

Дополнительная литература:

Антология педагогической мысли христианского Средневековья. В двух томах. Том 2. Мир преломился в книге. Воспитание в средневековом мире глазами учёных наставников и их современников/Сост.В.Г.Безрогова, о.И.Варьяш. – М.: АО «Аспект Пресс»,1994. – С.206-212.[Здесь же библиография по истории университетов и университетского преподавания].

Батурин, В. К. Философия образования для России - 2020 [Электронный ресурс] / В. К. Батурин. - М.: Вузовский Учебник, 2013. - 212 с. <http://znanium.com/bookread.php?book=414839>, 2003.

Документы по истории университетов Европы XII-XV вв. [Текст] : Учеб. Пособие. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический институт, 1973

http://nashaucheba.ru/v28112/документы_по_истории_университетов_европы_xii-xv_

Образование как пространство и время человеческого бытия. Коллективная монография. – Казань: Казанский государственный университет, 2007. – Главы 2,3.([dspace.kpfu.ru>xmlui/bitstream/handle/net/21660/0](http://dspace.kpfu.ru/xmlui/bitstream/handle/net/21660/0)).

Павлова А.В. Образование как энтелехия целостности человека. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. – Казань,2004.

http://dspace.kpfu.ru/xmlui/bitstream/handle/net/30760/120105_4.pdf?sequence=1&isAllowed=y

Садыков М.Б., Серебряков Ф.Ф., Щелкунов М.Д. Классический университет в системе образования. // Учёные Записки Казанского государственного университета. Том 146. Философские науки. – Казань: Казанский государственный университет, 2004. - С. 4-13.

[libweb.kpfu.ru>z3950/phil/T146/004-020.pdf](http://libweb.kpfu.ru/z3950/phil/T146/004-020.pdf)

Университет. Общество. Человек / М. Б. Садыков, Ф. Ф. Серебряков, М. Д. Щелкунов, А. В. Петров. - Казань: Изд. Казан. ун-та, 2003. - Главы 1-3,6.

Университетское образование: приглашение к размышлению / В. А. Садовничий, В. В. Белокуров, В. Г. Сушко, Е. В. Шикин. - М.: Изд. Моск. Ун-та, 1995 – С.87-126.

Тема 6. "ГЕРОИ МЫСЛЯЩЕГО РАЗУМА".

Аннотация: В данной теме представлен общий взгляд на место казанских философов в истории философского образования и истории философии в России, дано общее представление о творчестве некоторых из них.

Ключевые слова: университетская философия, философская мысль, история философии, философия в России, казанские философы, философские направления, философское творчество, философские взгляды, педагогика.

Вопросы для изучения

1. "Университетская философия" в России и казанские философы.
2. М. Троицкий и его значение в становлении философского образования в России.
3. Философское творчество и педагогическая деятельность Е. А. Боброва.
3. Античная философия в творчестве представителей кафедры философии. А.О. Маковельский и его "Досократики".
4. Н.А. Васильев и его "воображаемая логика". Значение Н. Васильева в истории современной логики.
5. "Философская клиника" К. Сотонина.

1. Значение университетской философии для России неоспоримо. Университеты в России, не имевшей столь же исторически длительного и разнообразного опыта философского творчества, как Запад, долгое время были вообще единственным местом (некоторое время наряду с духовными академиями), где зарождалась и плодоносила философия (в том числе называемая русской философией). А университетская философия, таким образом, во многом была зачинательницей этого движения в философию. Причём мы имеем в виду также деятельность первых философских кружков 20–30-х годов XIX века, которые, уже за пределами университетов, создавались их преподавателями или выпускниками.

Значение университетской философии, если быть кратким, можно свести к двум обстоятельствам. Во-первых, её значение для истории философии в России. Во-вторых, значение для конструирования университетской системы образования. В контексте обоих факторов можно говорить о месте Казанского университета.

Само понятие «университетская философия» употреблялось в российской образовательной и философской литературе, хотя и редко. Под «университетской философией» понимается, во-первых, преподавание философии; во-вторых, сложившийся постепенно (часто под влиянием европейской, прежде всего германской, философии) канон философских дисциплин; в-третьих, философская мысль, представленная произведениями преподавателей философских наук в университете.

Казанский университет в этом деле складывания университетской философии и, соответственно, вклада в историю философии в России занимает

достойное место. Однако, по понятным причинам⁶⁰ университетская философия в Казанском университете формировалась, сталкиваясь с бо'льшими трудностями, чем в столичных регионах, в центрах учёности и культуры (как, впрочем, и сам Казанский университет) Этот процесс хорошо показан как в произведениях «классической историографии» Казанского университета, так и в специальных работах по истории философии и философского образования в России и в Казанском университете.

Хотя у нас нет оснований говорить о существовании казанской философской школы⁶¹, мы можем утверждать, что философская мысль в Казанском университете в дореволюционный период достаточно быстро достигла профессиональной зрелости, встав вполне достойно на общероссийский уровень, а позднее – в лучших своих произведениях – и на европейский. А практика преподавания философии, постепенно складывавшаяся на протяжении более чем ста лет, позволяет утверждать, что к концу этого периода преподавание философии, что касается профессиональной подготовленности и образованности (и, благодаря природному русскому дарованию, проявившемуся даже в этой, нетрадиционной и непривычной для русского ума, области духа), вполне находилось на уровне тех европейских стран, где философия «у себя дома» (Гегель).

Вернемся к истории кафедры и дальнейшей, пришедшейся на вторую половину века, судьбе и творчеству её представителей.

2-5. Как было уже сказано, в 1860 году кафедры философии и светская философия в университетах были восстановлены. Понадобилось 10 лет, чтобы пришло осознание и признание того, что *« вследствие закрытия кафедр философии...ощущается большой пробел в умственном развитии студентов..., они лишены возможности изучать исторический ход развития духа человеческого...»*⁶². К тому же, если, например архимандрит Гавриил, возможно, и не испытывал дискомфорта от того, что, прочитав только что лекцию по богословию, скажем по Ветхому Завету, шел читать далее лекцию по логике, о Спинозе или Локке, то даже *«Синод находил нежелательным такое совмещение преподавания закона Божия с логикой и психологией»*⁶³. Впрочем, новый министр

⁶⁰ Одну из них К. Фукс, по приезде в Казань, сформулировал, вспоминая эти годы, так: «Застал здесь почти дикарей».

⁶¹ См. об этом: Серебряков Ф.Ф. 1) Е.А. Бобров как историк философии... С. 85-88; 2) «Учёные записки Казанского университета» дореволюционного периода как отражение... С. 7-15.

⁶² Бобров Е. А. Философия в России. – Казань, 1901. – Вып 5. – С. 10.

⁶³ Очерки истории русской философии. – Свердловск, 1991. – С. 54.

народного просвещения, А. В. Головин, обосновал необходимость восстановления кафедр философии более откровенными и искренне-незатейливыми соображениям: *« при совершенном изменении теперь направления современных идей, вполне отражающих в себе чисто утилитарные стремления века»*. Он, вероятно, еще не забыл, как его предшественник П. А. Ширинский-Шихматов через два года после закрытия кафедр философии в университетах, в 1852 году, рапортовал: *« прекращено провозглашение с университетских кафедр мечтательных теорий под именем философии»*.

В казанском университете, однако, кафедра оставалась вакантной до 1867 года. Но это была не только проблемой местной – общероссийской. Через 10 лет, после вторичного открытия кафедр философии *« преподавать философию уже было некому...Преподавание этой науки во всех русских университетах утвердилось не ранее половины 70-х годов»*⁶⁴, – писал Е. А. Бобров в своей «Философии в России».

1 сентября 1867 года приступил к работе в качестве экстраординарного профессора по кафедре философии Казанского университета **Матвей Михайлович Троицкий**, а летом следующего года был утверждён в качестве ординарного профессора.

Это имя можно найти в энциклопедиях и биографических словарях по философии и психологии как в дореволюционных (XX века), так и в советских (а также в современных). Философ-позитивист, психолог, автор, имевший после публикации огромный успех книги «Немецкая психология в текущем столетии»; инициатор создания Московского психологического общества, первым председателем которого он был, наконец, человек, который, по словам В. Соловьева, *« более кого-либо сделал... возможным дальнейшее философское образование в русском обществе»*.

⁶⁴ Бобров Е. А. указ. соч. – С.14.

М. Троицкий, скончавшийся в 1889 году, преподавал до последних дней своей жизни: вёл курс логики в университете, курсы педагогики в женской гимназии. Но только два года из этих лет приходятся *на* казанский период. В 1869 году он уезжает в Варшавский университет и позже переходит в Московский, в котором и служил всю оставшуюся жизнь. Так что научная и педагогическая деятельность М. М. Троицкого – это часть истории Московского университета, поэтому этой, основной части его жизни и творчества, мы особенно в дальнейшем касаться не будем, укажем лишь на главные вехи её. В основном проследим, как он оказался в Казанском университете.

Сын дьякона, с тринадцати лет он был отдан в Калужскую семинарию, по окончании которой, имея намерение посвятить себя изучению философии и психологии, поступает в Киевскую духовную академию. Одним из преподавателей академии был П. Д. Юркевич (он читал «Историю философии»), в будущем один из заметных представителей русской университетской философии, у которого за годы учёбы сложилось вполне благожелательное отношение к юноше. Но пройдут годы и вновь пересекутся пути учителя и ученика, которых вскормило одно духовное ведомство. Но тогда они уже будут принадлежать к разным «ведомствам», мировоззренческим, философским. В таких случаях редким и непрочным бывает «частичное» «взаимопонимание», полное – никогда. Это потому, что содержание жизни *философа* состоит в его «заблуждениях», в «мечтательных теориях под именем философии», как однажды, не подозревая того, угадал один, названный выше, русский министр. И когда его лишают его «заблуждений», когда он их лишается – он перестает быть *философом*. Он умирает...А поэтому он сопротивляется, ибо хочет жить...Та, будущая встреча, не могла не оказаться бескомпромиссной. И один, профессор по кафедре философии Московского университета («заведующий»), не допустит в строй «знатоков философии»⁶⁵ другого, добивавшегося ученой степени. «Другой» не согласится...

⁶⁵ Слова из письма Юркевича Троицкому (см. ниже), в котором объясняется причина отказа в защите диссертации.

Вернемся, однако, к 1857 году, когда М. Троицкий окончил академию... Был оставлен бакалавром в Киевской духовной академии... Перешёл на службу в систему просвещения... Потом был отправлен в заграничную командировку «с учёной целью». В германских университетах слушал К. Фишера, Лотце, Тейхмюллера... Готовил материалы для лекционных курсов по логике, психологии; для книги, как оказалось.

Книга (итог его командировки) – «Немецкая психология в текущем столетии. Историко-критическое исследование с предварительным очерком успехов психологии в Англии со времен Бэкона и Локка». Она имела после публикации большой успех, среди знатоков также. М. М. Троицкий представил её в качестве диссертации (1867 год) в Московский университет.

Кафедру философии тогда, как раз, и занимал его бывший учитель по Киевской духовной академии Юркевич П. Д. Он стал первым пореформенным (то есть после восстановления кафедр философии) профессором философии по кафедре философии Московского университета.

Юркевич стал известен благодаря полемике с автором «Антропологического принципа в философии», с Чернышевским. Его заметил М. Н. Катков, редактор «Московских ведомостей» и издатель «Русского вестника», в котором и перепечатал статью Юркевича против Чернышевского... Похлопотал о переводе любезного его теперешней душе человека на вновь открытую кафедру философии в Московском университете.

М. М. Троицкий вернулся из командировки убеждённым сторонником английского эмпиризма и позитивизма, противником «немецкой философии». Но в ту пору, очевидно, позитивизм отождествлялся с материализмом и атеизмом. Ведь даже тогда, спустя много-много лет, когда и сам М. Троицкий будет возглавлять кафедру философии Московского университета, он, позитивист, «однолюб», по словам В. Соловьёва (имеется в виду приверженность «линии» в философии), съездит в столицу (начало 80-х), чтобы заверить начальство в том,

что « эмпирическая психология» не имеет ничего общего с атеизмом. Впрочем, Ф. А. Зеленогорский, ученик Троицкого по Казанскому университету, в одной своей книге 1877 года прямо отметит эту черту отечественной философской «образованности»: *«позитивизм, материализм и индукция отождествляются. Спиритуализм и идеализм принимаются почти постоянно тождественными»*⁶⁶.

Так (то есть, что позитивизм = материализму) вероятно, думал и Юркевич (что было очень далеко от взглядов М. Троицкого). *« Полемика Юркевича с Чернышевским более чем на десятилетие определила идейное содержание московской кафедры философии»*, - писал В. Н. Ивановский⁶⁷.

П. Д. Юркевич отказал М. Троицкому в защите, объяснив в своём письме к нему, довольно самоуверенно и менторски, это так: *«Если бы я одобрил Ваш труд, то меня сочли бы варваром не только философы наших петербургских трущоб»*⁶⁸, но и действительные знатоки философии и все, научно образованные люди»⁶⁹. М. Троицкий направил свою диссертацию в Санкт-Петербургский университет, где весьма успешно и защитил её, после чего был удостоен степени доктора философских наук.

Имея возможность занять кафедру философии и в Одесском, только что открывшемся, университете, М. М. Троицкий выбирает Казань. Наконец, кафедра философии Казанского университета перестала быть вакантной. Но пробыл он на кафедре только два года и в 1869 году сменил Казанский университет на Варшавский, в том году открытый вновь (после закрытия в 1831 году). Троицкого, человека, по всему, честолюбивого, амбициозного, Казань, город все-таки провинциальный, видимо, не очень удовлетворяла. А Варшава как ни как – Европа, город почти что столичный. И позже, когда представится возможность занять освободившуюся в связи со смертью П. Д. Юркевича кафедру философии в Московском университете, М. Троицкий ею сразу же воспользовался. К тому же,

⁶⁶ Ф. А. Зеленогорский. Указ. соч. – С. 21.

⁶⁷ Ивановский В. Н. К характеристике М. М. Троицкого.// Вопросы философии и психологии, 1900, кн. 52.

⁶⁸ Вероятно, намёк на Чернышевского и его единомышленников.

⁶⁹ Ивановский В. Н. Указ. соч. – С. 205.

для М. Троицкого возможность получить московскую кафедру, вероятно, имела особое, глубоко личное, значение – ведь именно здесь несколько лет назад ему было отказано в праве на защиту под тем предлогом, что в противном случае «пришлось бы нести тяжесть ответственности» не только перед «действительными знатоками философии», но и «за честь университета»⁷⁰.

Кстати, в начале следующего, XX века, такой же переход из Казани в Варшаву совершит и другой профессор по кафедре философии Казанского университета, Бобров Евгений Александрович, занимавший её семь лет. Еще раньше, в начале 70-х годов XIX столетия, в Харьковский университет из Казанского перешёл Ф. А. Зеленогорский, ученик Троицкого.

Что касается М. Троицкого, то в 1875 году он становится профессором по кафедре философии Московского университета. Сначала, правда, на единственную вакансию по кафедре, «идейное содержание» которой «более чем на десятилетие...определила полемика Юркевича с Чернышевским», Совет факультета на должность доцента избрал В. Соловьева, а не позитивиста Троицкого. Но, благодаря упорству последнего, Совет университета утвердил на должность профессора и его.

Позднее М. М. Троицкий будет деканом историко-филологического факультета, ректором. М.Троицкий выступит организатором открытого в 1885 году Московского психологического общества, которое сыграло большую роль в образовании философских и психологических кадров, станет трибуной для философских дискуссий. С ноября 1889 года начнет выходить печатный орган общества – первый российский специальный философский журнал «Вопросы философии и психологии», значение которого в развитии философской культуры, просвещения трудно переоценить⁷¹.

⁷⁰ Слова из цитированного уже письма Юркевича Троицкому.

⁷¹ См. подробнее: Брам Д. Х. К 100-летию журнала «Вопросы философии и психологии» (исторический обзор) // Историко-философский ежегодник-89.- М.: Наука, 1989.

Возвращаясь к короткому, двухгодичному, казанскому периоду деятельности М. М. Троицкого, заметим, что он вряд ли мог много сделать за это время. Но об одной его заслуге следует сказать. Профессор оставил двух учеников – Ф. А. Зеленогорского и А. И. Смирнова, с деятельностью которых, в первую очередь, Смирнова А. И., связана дальнейшая история кафедры.

Если судить по воспоминаниям бывших студентов о пребывании Троицкого в Варшавском и Московском университетах, то он обладал большим педагогическим даром. Был популярен среди студентов, а его лекции, «полные сарказма и иронии», пользовались большим успехом; аудитории, где они читались, набивались до отказа. Правда, многие отмечают, что это достигалось не за счет логики или его собственного учения, а за счет риторики и педагогического стиля. Отмечают даже, что в своих лекциях Троицкий «чужие мысли», в особенности немецких философов, которых он не принимал совершенно и которых, видимо, не понимал, «очищал» так, что «всё органически живое было в них убито», он не оставлял «ни одной сложной мысли, не упростив их до неузнаваемости». Низко оценивали содержание его лекций, слушавшие их В. Розанов, братья Трубецкие Е. Н. и С. Н. Об односторонности говорит и его ученик по Казанскому университету Ф. А. Зеленогорский: *«Проф Троицкий, увлеченный английским эмпиризмом, слишком сильно налегал как в своих учено-философских трудах, так на лекциях на исключительность индуктивного метода, как единственно научного метода»*⁷².

В научной библиотеке Казанского университета нет работ, которые были бы датированы казанским периодом жизни М. Троицкого. Основные работы его были написаны уже после: и «Учебник логики» в 3-х книгах, и двухтомная «Наука о духе», большой труд по психологии, написанный с позиций ассоциативной психологии, убежденным приверженцем которой он был. Это сочинение автор, видимо, считал главной своей работой, но она прошла почти

⁷² Ф. А. Зеленогорский. О методах исследования и доказательства. – М., 1998. – С. 13.

незамеченной, не вызвала особых откликов, что было крайне тяжело воспринято М. Троицким, больно его ранило.

Но к тому времени, когда М. Троицкий пришел в Казанский университет, он уже был автором имевшей большой успех и сделавшей ему имя в научно-философском сообществе (что бы там ни придумывал Юркевич) «Немецкой психологии в текущем столетии». Когда Ф. А. Зеленогорский, имея в виду годы своей учебы в Казанском университете, пишет: «Поступивший сюда на кафедру философии *известный* профессор М. М. Троицкий...»⁷³ (а это 1867 год), то следует иметь в виду, что этой известностью М. Троицкий был обязан как раз своей «Немецкой психологии», поскольку других книг у него к этому времени просто не было.

Эта книга явилась результатом его поездки в научную командировку в Германию (1862-1864), где он слушал К. Фишера, Р. Лотце, Г. Тейхмюллера...

Уезжая в Германию человеком, симпатизирующим немецким философам, он приехал домой убеждённым сторонником английского эмпиризма и индуктивного метода «*как единственного научного*» (слова его ученика Ф. А. Зеленогорского). И с низким мнением о немецкой философии, которую он, видимо, просто не понимал, с предубеждением против «метафизики».

В этой работе были заложены основные камни его философского мировоззрения, которое, в дальнейшем, только укреплялось в этом направлении, как-нибудь заметно не менялось и выразилось вполне очевидно в его психологических, основных, трудах и исследованиях. Тем более, что М. Троицкий, по словам В. Соловьева, считал ошибочными все другие философские учения и течения кроме тех, каких придерживался он сам⁷⁴. В. Н. Ивановский, ученик М. Троицкого по Московскому университету и преподаватель по кафедре философии в Казанском университете, скажет, совершенно справедливо, судя и по другим авторам, что «*главная заслуга М. М. состояла в том, что он*

⁷³ Ф.А. Зеленогорский. Указ. соч. – С. 12.

⁷⁴ Ивановский В. Н. К характеристике Троицкого // Вопросы философии и психологии. – 1900. – Кн.52. – С. 185.

познакомил русскую публику с английской философией и психологией, что он насадил на русской почве английский эмпирический идеализм и критицизм»⁷⁵. В. Соловьев тоже считал М. Троицкого «начинателем некоторой новой умственной эпохи».

И хотя отношение М. Троицкого к немецкой философии дало одним повод утверждать, что он совершил «произвольное надругательство над немецкой философией» (А. А. Козлов, профессор Киевского университета), а другим – основание думать, что он, сторонник «чистого опыта», не обладал способностью к диалектическому мышлению, к философско-спекулятивному умозрению, его работа в области экспериментальной психологии была вовсе небезрезультативной (например, изыскания в области исследования зрительных и слуховых ощущений⁷⁶).

«Профессор М. М. Троицкий, не имея в виду долго оставаться в Казани, желал приготовить себе преемника на кафедру философии. Некоторыми профессорами факультета указан был проф. Троицкому для этой цели»⁷⁷ **Зеленогорский Фёдор Александрович**. Но он не долго был на кафедре. Можно сказать, что и вовсе не был...

Сын сельского священника Нижегородской губернии, Ф. А. Зеленогорский поступил и в 1862 году окончил полный курс Нижегородской духовной семинарии. Затем два года учился в Казанской духовной академии. «Наклонность к занятиям философскими науками», как вспоминал позднее Зеленогорский, он чувствовал ещё в семинарии. В академии знакомится с ними ближе. Между прочим, как и многие другие студенты «столкнулся» здесь с «материализмом» и, вероятно, как и они зачитывался Бюхнером. А потом «много было работы мысли, чтобы расчитаться с материализмом; на это посвящен был целый год среди других занятий»⁷⁸. Это было, скорее всего, не очень трудно, если имелся в виду

⁷⁵ Там же. – С. 205.

⁷⁶ См.; Философская энциклопедия. В 5-ти т. – М., 1970. – Т. 5. – С. 258.

⁷⁷ Ф. А. Зеленогорский. Автобиография // Ф. А. Зеленогорский. Указ. соч. – С. 12.

⁷⁸ Ф. А. Зеленогорский. Автобиография // Ф. А. Зеленогорский. Указ. соч. – С. 12.

именно Бюхнер или его направление – вульгарный материализм. Похоже, Ф. Зеленогорский и сам, вполне сообразно своему же вышеприведённому упрёку, отождествляет вульгарный материализм Бюхнера и иже с ним с материализмом вообще? Ведь в другом месте «Автобиографии» он прямо пишет, что ему *«чужды были материалистические тенденции; рассчитался с ними ещё в духовной академии»*⁷⁹. Во всяком случае, он не говорит о различиях. А ведь и тогда материализм «клином не сошёлся» на Бюхнере.

Проучившись два года в духовной академии, в 1864 году Ф. Зеленогорский переходит на историко-филологический факультет Казанского университета. По окончании учёбы в 1868 году (с серебряной медалью за сочинение «О греческой трагедии») был «прикомандирован к университету», так как М. Троицкий, «не имея в виду долго оставаться в Казани, желал приготовить себе преемника на кафедру философии». В 1870 г. он защитил диссертацию «О методических приёмах философского мышления Платона» и был утверждён в звании приват-доцента по кафедре философии Казанского университета. Однако вскоре был командирован в Санкт-Петербургский университет, где и написал диссертацию «Учение Аристотеля о душе в связи с учением о ней Сократа и Платона». В этой работе, опубликованной в столице в 1871 году, он, по всему, ещё находился под влиянием своего учителя М. Троицкого.

Далее была командировка за границу на два года. В Германию, естественно, в эту «Мекку» философии. Он слушал Эдуарда Целлера, известнейшего историка античной философии, автора классического труда «Философия греков в её историческом развитии»; Фридриха А. Ланге, неокантианца, автора известной «Истории материализма» и др.

По возвращении из-за границы (в 1873 г.) Ф. Зеленогорский защитил в Варшавском университете магистерскую диссертацию («Учение Аристотеля...») и в следующем году становится доцентом по кафедре философии Харьковского

⁷⁹ Там же. – С. 14.

университета. Она оставалась не занятой вплоть до этого, 1874 года, после её вторичного открытия.

Как видим, реально приват-доцентом Казанского университета он не проработал и года. Но, ещё формально числясь таковым, написал «Учение Аристотеля о душе в связи с учением о ней Сократа и Платона». Остальные работы, в которых и выразились его философские воззрения, были написаны уже в харьковский период. О вехах дальнейшей биографии Ф. А. Зеленогорского скажем сжато.

Защитив в Московском университете (1878 г), в качестве диссертации на степень доктора философии, пожалуй, лучшую свою работу «О математическом, метафизическом, индуктивном и критическом методах исследования и доказательства», задуманную ещё за границей и не потерявшую своей ценности и сегодня, Ф. Зеленогорский становится экстраординарным профессором Харьковского университета.

Работа «О методах исследования и доказательства» посвящена истории логики и методологии, теоретико-историческому обоснованию значения философии и «философского воспитания нации» для разработки методологии наук, опровержению того «ходячего мнения», что *« для успеха научных исследований не важно знакомство с философией»*, что *« нужно всячески избегать теорий и стремлений к обобщениям, когда последние претендуют обнять больше, чем сколько заключается в наблюдаемых фактах»*⁸⁰. Автор показывает, что *«сопоставление современных национальных представителей в философии и науке главных европейских наций с такими же представителями их в истории не есть сопоставление случайное или произвольное»*⁸¹. Между прочим, далее он пишет: *« К сожалению, мы должны сознаться, что мы не имеем философского воспитательного элемента, какой усвоен первенствующими нациями Европы; у нас нет ни в истории, ни в настоящее время представителя в*

⁸⁰ Ф. А. Зеленогорский. Указ. Соч. – С. 21.

⁸¹ Там же. – С. 19.

философии и в науке. Правда, у нас теперь делаются усилия самостоятельно работать в науке; обнаруживаются попытки заявиться в ученом мире самостоятельными научными работами и самостоятельными учёными взглядами...Вообще недостаток философского образования у нас осязателен, и важность его не только не сознаётся, но встречает возражения. Но мы укажем на то характеристическое явление в наших научных опытах, что эти опыты не заключают в себе широких научных обобщений и теорий»⁸².

Среди последующих работ Ф. Зеленогорского следует назвать «Очерк развития психологии с Декарта до настоящего времени», историко-философские работы о Г Сковороде, И. Шаде, первом профессоре по кафедре умозрительной и практической философии Харьковского университета, а также очерки «Из истории греческой философии», публиковавшиеся в 1890-1892 годы в харьковском журнале «Вера и разум». Ф. Зеленогорского интересовали и вопросы педагогики. Он опубликовал в «Журнале Министерства народного просвещения» очень содержательную и вызывающую интерес и ныне статью «Самодеятельность как принцип в воспитании», а для харьковского журнала «Мирный труд» статью «О преподавании философии в университете» (1902 г.), то есть ещё до одноименной работы Е. А. Боброва. Было бы очень интересно ознакомиться с её содержанием, но статьи, к сожалению, нет в университетской библиотеке.

Сам Ф. А. Зеленогорский считал, что для характеристики его «философского мировоззрения» имеет значение речь, произнесённая им в 1893 году на годовом акте университета «Общая характеристика движения философии в последние три века в её главнейших направлениях». Приведём некоторые его мысли. *« Ни дуализм Декарта..., ни дуализм Канта...не встретили сочувствия со стороны автора; его симпатии были на стороне самостоятельности и саморазвития индивидуума, а также самостоятельности и саморазвития наций в противоположность пантеизму и космополитизму. Таким образом, и в развитии новоевропейской философии...не в Бэконе,...*

⁸² Там же. – С. 21.

который не был самостоятельным и оригинальным метафизиком, а в Лейбнице /усматривает направление, которое / противопоставляет направлению Декарта. Рядом с этим не склонен признать за Кантом ту роль реформатора в философии, которую приписывают ему другие. В его философии видит лишь возвращение к дуализму Декарта”⁸³.

После 1870 г., как мы видели, кафедра философии вновь оказалась вакантной. И в 1871 году для чтения лекций по логике и психологии был приглашён выпускник и доцент Казанской духовной академии, читавшей в ней те же курсы, Вениамин Алексеевич Снегире В 1885 году он становится приват-доцентом по кафедре философии, но в следующем году возвращается в академию, возглавляет кафедру логики и психологии. Профессор Казанского университета, историк церкви К. В. Харлампович в очерке о Казанской духовной академии, помещённой в VII томе (1907г.) «Православной богословской энциклопедии», говорит и о В. А. Снегиреве, отмечает его «редкою у философов ясность изложения». Это находили и другие авторы, вовсе не разделявшие его философских взглядов. Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с его солидной, объёмом в более, чем 600 страниц, «Психологией»⁸⁴, а также «Логикой», имеющимися в библиотеке КГУ, опубликованными, правда, уже после смерти «русского логика», как сказано о нём в советской «Философской энциклопедии» (М., 1970. – Т. 5. – С.38). При жизни философа и богослова были изданы только небольшие работы, в том числе и сочинение по психологии сновидений.

⁸³ Ф. А. Зеленогорский. Указ. соч. – С. 15.

⁸⁴ См.: Приложение 2.

Психологию В. Снегирев считал центральной из философских наук и симпатизировал английской эмпирической психологии, что было обыкновением в тогдашней «русской философской науке» ещё с XVIII века⁸⁵. В философии проделал путь от «истинной философии», основанной на вере, и увлечения Шеллингом (не его натурфилософией) к спиритуализму. Был убежден, как отмечал его ученик В. Н. Несмелов, представитель русской «религиозной философии», «в самостоятельном начале душевных сил»⁸⁶. И, конечно, не питал любви к немецкой философии: к «фантастическому умозрению» Гегеля, к «безысходному философскому болоту» Канта и, разумеется, к «противонаучному материализму». Это достаточно ёмко характеризует философские воззрения В. А. Снегирёва.

В 1873 году становится доцентом по кафедре философии *Аполлон Иванович Смирнов*.

По окончании университета он преподавал в Нижегородской гимназии, потом был командирован в Варшавский университет. Защитил магистерскую диссертацию. В 1881 году А. И. Смирнов, защитив диссертацию на степень доктора философии, становится ординарным профессором по кафедре философии Казанского университета. В 1897 году был избран деканом историко-филологического факультета⁸⁷.

Смирнов А. И. – автор многих работ – он ведь преподавал ещё по кафедре красноречия. Круг его интересов весьма широк – от аксиом геометрии и методологии физико-математических наук до эстетики, философии Беркли, английских моралистов, французских коммун XVIII века и проблемы бессознательного.

В казанском Физико-математическом обществе он прочитал на заседании, посвящённом памяти Лобачевского, речь «Об аксиомах геометрии в связи с учением негеометров о пространствах разных форм и многих измерений».

Но мы хотим обратить внимание на публичную лекцию, прочитанную А. И. Смирновым в 1902 году. Она называется «О воспитании характера». А. Смирнов

⁸⁵ Одно из убедительных объяснений этому см. выше (примечание 51) у В. В. Зеньковского.

⁸⁶ В. А. Снегирев. Психология. Систематический курс чтений по психологии. – Харьков, 1901. – С. XIV.

⁸⁷ См. подробнее в Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и Н. А. Ефрона, т. XXX.

полагает, что *«целью воспитания должно быть не одно лишь развитие умственных сил, а также образование воли энергической и твердой, направленной к нравственно-добрым целям»*⁸⁸ - И далее говорит: *«Чтобы быть хорошим воспитателем детей, нужно иметь ясное, отчётливое понятие о душевной жизни, о её законах, ...и особенно быть хорошо знакомым с психологией детского возраста, с особенностями детской души»*⁸⁹.

Автор отмечает, что *«исследования детей по современным методам антропологии и физиологической психологии у нас в России почти совсем отсутствуют. Другие государства Европы в этом отношении далеко нас опередили»*⁹⁰. Лекция А. Смирнова, полная отдельных тонких наблюдений и психологических заключений, является, несомненно, результатом его долгих раздумий над этой проблемой и представляет собой одну из первых и тогда ещё немногих попыток размышлений в области детской психологии и педагогики.

Рассматривая проблему соотношения воспитания и наследственных наклонностей, которую А. Смирнов считает одной из важнейших в этой области, казанский профессор остается при той уверенности, что *«вся педагогическая практика основана на том убеждении, что возможно видоизменять, ограничивать, направлять природные свойства, и таким образом, если не всецело создавать, то по крайней мере оказывать значительное, а иногда и решающее влияние на их образование»*⁹¹.

С 1889 по 1896 г. приват-доцентом по кафедре философии состоял **Викентий Францевич Лютославский**, который получил степень магистра ещё в Дерптском университете.

Значительную часть этого времени В. Лютославский провёл за границей. Список его трудов также включает, в основном, английские и немецкие издания⁹².

⁸⁸ А. И. Смирнов. О воспитании характера. – Казань, 1902. – С. 4.

⁸⁹ Там же. – С. 13.

⁹⁰ Там же. – С. 13.

⁹¹ Там же. – С. 10.

⁹² См. его библиографию в «Биографическом словаре профессоров...».

В библиотеке Казанского университета имеется только его вступительная лекция «О значении и задачах истории философии», прочитанная в сентябре 1889 года студентам университета при открытии курса по философии и опубликованная в следующем году в «Вопросах философии и психологии»⁹³. Содержание этой работы имеет значение не только как выражение его личного мировоззрения. Излагая свое понимание причин заметно возросшего в это время количества исследований по истории философии и вообще интереса к ней, В. Лютославский, в сущности, затрагивает проблему соотношения философии и истории философии, имеющую принципиальное теоретическое значение, в том числе для понимания сущности философии и притом до сих пор не имеющую однозначного решения; даже после принципиального разъяснения Гегеля в его "Лекциях по истории философии».

Эту проблему В. Лютославский *прямо* ставит только в одном-двух местах, но подразумевается она постоянно, - если и не рассуждением о ней, то рассуждением о «значении истории философии», теоретической сутью которого всё же остается эта проблема, а не функции истории философии, как полагает В. Лютославский.

В работе казанского философа мы найдем и такие замечательные мысли: *«история философии – это не случайное дополнение к самой науке философии, а необходимая часть её»*. Но разочарование наступает потом, когда узнаём, почему же она «необходимая часть её». Оказывается потому, что посредством истории философии мы *«переживаем внутренний опыт давно умерших поколений»*.

Переживаем, конечно. И это, психологическое, значение истории философии есть факт, который могут признавать люди, совершенно иначе смотрящие на соотношение философии и истории философии (например, «гегельянцы» и люди, полагающие, что история философии есть «музей»). Поэтому педагогическое, метафизическое и психологическое значения истории философии, о которых говорит В. Лютославский есть только «значения», но этим

⁹³ В. Ф. Лютославский. О значении и задачах истории философии. Из журнала «Вопросы философии и психологии». – М.: Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнер и К., 1890.

ещё ни сколько и высказан взгляд на действительное соотношение философии и истории философии.

Такое «психологическое» понимание истории философии не выходит за пределы её понимания как музея мирозерцаний, истории переживаний, озарений, уникальных проявлений духа. Здесь нет научной истории философии. Здесь мы ещё находимся на уровне занимательных историй доксографов. Это – альбом психологических портретов «давно умерших мыслителей» к философии, связь с которой, по крайней мере, не ясна и уж тем более не предполагается *необходимо*. Объективного значения истории философии – или объективной истории философии – здесь нет.

В действительности, каждая философская система есть лишь относительная истина, но в совокупном движении философской мысли они обнаруживают логику развития последней, обнаруживают шаги шествия объективного духа философии. Поэтому история философии тождественна философии, которая есть история философии в сжатом виде.

В. Лютоспасский обработал § 69 – о философии в России – в известном Ueberweg- Heinze. Grundriss der Geschichte des Philosophie (часть 3) вместе с **Евгением Александровичем Бобровым**, который после него с 1896 по 1903 год будет занимать кафедру философии.

Сын землемера, вышедшего из крестьян, Е. Бобров родился в Риге, окончил Екатеринбургскую гимназию. Учился в Казанском университете, потом (1889г) на историко-филологическом факультете Юрьевского (Дерптского) университета, который успешно и окончил.

В университете его учителем был известный немецкий профессор философии, перешедший на русскую службу в Юрьевский университет, Густав Тейхмюллер, персоналист, лучший в России, по словам Е. Боброва, знаток Аристотеля. О нем он всегда вспоминал с большой теплотой ("мой уважаемый

учитель")⁹⁴. Тейхмюллер был в свою очередь учеником известного немецкого философа, критика Гегеля Адольфа Тренделенберга, которого слушали Фейербах, Маркс, Кьеркегор, Brentano.

По окончании университета Е. Бобров был оставлен в университете, написал магистерскую диссертацию «Отношение искусства к науке и нравственности», три года (до 1896) преподавал в Юрьевском университете, затем перешел в Казанский. Здесь он занимал кафедру философии до 1903 года и более 10 лет преподавал затем в Варшавском университете. В 1915 году, после начала первой мировой войны, Варшавский университет был переведён в Ростов-на-Дону и в дальнейшем стал известен как Северо-Кавказский университет.

Вместе с университетом переехал и Е. А. Бобров, который в советские годы читал здесь историю русской литературы, вел семинарий научно-исследовательский по истории литературы. Кстати, в бытность свою в Казанском университете организовал студенческий философский кружок, первый такого рода здесь.

В Казанском университете Е. А. Бобров читал разные курсы: логику, психологию, гносеологию, историю древней и новой философии, педагогику и историю педагогики. О своем университетском педагогическом опыте и формах занятий Е. А. Бобров пишет в «Преподавании философии в университетах» - см.: Приложение 3 и комментарий к нему.

Был он и весьма плодовитым автором. Помимо трудов, которые имеют преимущественно значение для характеристики его собственных философских воззрений, есть в его наследии и сочинения, которые и до сих пор представляют интерес и ценность при изучении и осмыслении российской культуры и её истории, а также имеют значение в контексте обращения к истории древнегреческой философии. Некоторые из этих работ были написаны в

⁹⁴ Воспоминания о Тейхмюллере Е. А. Бобров поместил в первом выпуске своих «исследований и материалов» «Философия в России»; см. также его «О понятии искусства. Умозрительно-психологическое исследование» (Приложение 2).

казанский период его жизни. Назовём некоторые: «Этюды по метафизике Лейбница» (Варшава, 1905), «Логика Аристотеля» (Варшава, 1906), «Философские этюды. Т. 1-4» (Варшава, 1911), «Этюды по истории древней философии» (Варшава, 1914), «История древней философии» (Варшава, 1915; Ростов н /Д., 1916).

Среди работ Е. А. Боброва есть произведения – историко-философские и историко-литературные – интересные и поныне. Интересные и содержательные. В них, во всяком случае, порой содержатся уникальные материалы, частности по истории русской культуры и философии.

Такое значение, например, имеют 6 выпусков «Философии в России», подготовленных в Казани. Книги имеют подзаголовок: « материалы, исследования и заметки». Эти «исследования и заметки» очень разные и по объёму, и по темам, и по эпохам, и по содержанию. Но все вместе они дают богатый, полезный и разносторонний «материал» по «истории философии в России». Вот как оценивал «Философию в России» ученик Е. Боброва, известный у нас в будущем исследователь античной философии и автор « Досократиков» А. О. Маковельский, хорошо знакомый с ситуацией в тогдашней русской философской и историко-философской литературе: она « *заложила фундамент новой дисциплины – истории русской философии...Мимо...не может пройти ни один исследователь судеб философии в России, ни один историк русской культуры*»⁹⁵.

Первый выпуск посвящён ординарному профессору Киевского университета А. А. Козлову, проводнику в нашей литературе «панпсихизма», которого Е. Бобров очень высоко ценил. Хотя и не во всём («я не разделяю его ошибок: идеализм не может дать переход от общей идеи к единичным вещам, не может представить обещанного вывода материального принципа из духовного»), но в основных положениях «панпсихизма», по всему, разделял его взгляды. Е.

⁹⁵ Работы профессора Е. А. Боброва по философии // Известия Северо-Кавказского государственного университета. – 1928. – Т. III (XVI). – С. 6.

Бобров называет А. А. Козлова «бесспорно, замечательнейшим из современных русских философов»⁹⁶. Одно время А. А. Козлов издавал философско-литературный сборник «Своё слово» для борьбы с «идеализмом, позитивизмом и обыкновенно тесно с ним связанным материализмом», который Е. Бобров рекомендует своим студентам как «полезное для ознакомления с философией». Издавал также один из первых философских журналов «Философский трехмесячник»; правда, успехом он не пользовался, так как А. Козлов печатал в нём преимущественно материалы собственного направления.

Вот некоторые воззрения А. Козлова, которые Е. Бобров приводит сочувственно, без критики и которые в той или иной форме, часто в дословном виде, мы находим и в его собственных работах (например, «О понятии бытия», «Из истории критического индивидуализма», «О самосознании» - см.: Приложение 2): «Действительное бытие есть дух, а не материальное... Тела же суть видимость и значки, под которыми нам являются духовные субстанции»; «и первичные, и вторичные качества – наша принадлежность»; «время не есть нечто реальное, существуя лишь в нашей мысли»; «материя... нереальна»⁹⁷.

В первом сборнике Е. Бобров также опубликовал свои воспоминания о Г. Тейхмюллере, стороннике неoleyбницианства. Еще ранее, сблизив их взгляды⁹⁸, Е. А. Бобров написал работу «О понятии бытия. Учение Г. Тейхмюллера и А. А. Козлова

Второй и третий выпуски посвящены шеллингианству в России и А. Н. Радищеву. В целом, взгляд на Радищева у него таков: «надобно раз и навсегда причислять его (подчиняясь поверхностному взгляду Пушкина) к последователям французских материалистов XVIII века»; он был «представителем критического индивидуализма или панпсихизма»⁹⁹.

⁹⁶ Е. А. Бобров. О понятии искусства. Умозрительно-психологическое исследование. – Юрьев: Печатня К. А. Германа, 1894. – С. 3.

⁹⁷ Е. А. Бобров. Философия в России. – Казань, 1900. Вып. 1. – С. 14, 15.

⁹⁸ А. А. Козлов, в целом, придерживается, по мнению Боброва, в вопросе о бытии Тейхмюллера, но ему «нельзя отказать в собственной оригинальности» («О понятии бытия», с.5).

⁹⁹ Е. А. Бобров. Философия в России. – Казань, 1900. Вып. 2-3. – С. 529, 531.

В 4-5 сборниках представлены небольшие очерки о некоторых профессорах философии в российских университетах, в том числе и о профессоре богословия Казанского университета протоиерее А. П. Владимирском, которому после закрытия кафедры философии было присвоено звание ординарного профессора философии и поручено чтение лекций по логике и опытной психологии. К этому протоиерею, который до той поры вел в Казанской духовной академии библейскую историю и церковное право, пишет Е. А. Бобров, был совершенно не подготовлен.

В одном из сборников есть очерк о знаменитом профессоре сельского хозяйства М. Г. Павлове, о котором А. И. Герцен писал, что «германская философия была привита Московскому университету М. Г. Павловым».

И это только некоторые «исследования и заметки» из «Философии в России». К ней примыкают и другие аналогичные работы, в том числе написанные и изданные в казанский период жизни профессора: «Философия и литература. Сб. статей», «Литература и просвещение в России. Материалы, исследования и заметки» в 4 томах. Что касается философских взглядов Е. А. Боброва, то они изложены в ряде его работ, таких, как «Из истории критического индивидуализма», «О понятии бытия», «О понятии искусства», «О самосознании», «Этические воззрения графа Толстого и философская их критика».

Е. А. Бобров – сторонник «критического индивидуализма» Г. Тейхмюллера и «панпсихизма» А. А. Козлова с тем небольшим отличием, что кое в чем считает нужным не согласиться с одним (с Козловым – см. выше) и дополнить другого (к понятиям Тейхмюллера «бытие субстанциональное», «бытие реальное», «бытие идеальное» прибавляет понятие «бытие координальное»). Причём, в очерке о Радищеве в сборнике «Философия в России» Бобров отождествляет эти понятия: «критический индивидуализм или панпсихизм» (см. выше).

Критический индивидуализм, «философию личности» (как он называет собственные взгляды) Е. Бобров определяет так: « истинный и строгий

критицизм в соединении с индивидуалистической метафизикой»¹⁰⁰. Причем, последнее понятие («индивидуалистическая метафизика») здесь есть отождествление «понятия субстанции с понятием индивида, особи или личности», а «критицизм» суть обращение к «психологическому исследованию нашего знания», которое «ограничивает пределы его областью собственного сознания и показывает, что весь, так называемый, внешний мир есть призрак». С этих позиций критикует не только материализм как метафизическое учение (поскольку имеет свою онтологию), но и объективный идеализм (который называет универсализмом) платоновского и гегелевского типа за то, что в основу учения кладётся «общее», а не «личность, индивид, особь». «Сознание и индивидуальная субстанция, - пишет он в другой работе («Психологические воззрения древних греческих философов»), - вот основа новой метафизики»¹⁰¹.

В другой работе, «О понятии искусства», Е. А. Бобров свои взгляды также определяет («я исповедую») как «персонализм». Говорит даже так: «Я охотно назвался бы «эгоистом», т. е. приверженцем философии «я», что довольно точно близко выражало бы сущность дела»¹⁰².

В основе своей философские воззрения Е. Боброва – субъективно идеалистические, хотя он не употребляет этого понятия и критикует идеализм (объективный - «одно из грандиознейших заблуждений человеческого ума», поскольку есть гипостизация понятий в силы и существа). Приведем несколько его мыслей по фундаментальным проблемам. Из **«Истории критического индивидуализма»**: «чувственный мир есть не более, как ряд комплексов наших собственных разнообразных ощущений»; «критицизм», точку зрения которого он всецело разделяет, «рассматривает мир как субъективное представление»; «показывает субъективное происхождение всех категорий и показывает, что...пространство, время, движение, материя суть простые перспективы или способы нашего воззрения, которым вне нас ничего не может соответствовать».

¹⁰⁰ Е. А. Бобров. Из истории критического индивидуализма. – Казань, 1898. – С. 41, 4, 50.

¹⁰¹ Е. А. Бобров. Психологические воззрения древних греческих философов. – С. – Пб., 1906. – С. 54.

¹⁰² Е. А. Бобров. О понятии искусства. – Юрьев, 1894. – С. 9.

«О понятии бытия»: « в самосознании лежит единственный источник нашего понятия о бытии»; присоединяется к мнению Г. Тейхмюллера, что предубеждением является то, что будто бы «к понятию вещи относится и признак бытия». Правда, последние мысли не сугубо субъективно идеалистические, однако, весьма характерные для Е. Боброва. Очень забавно, что в одной статье советского периода (к 30-летию педагогической деятельности Е. А. Боброва) говорилось, что его учение о бытии « уже направлялось, в сущности, к материализму», к тому, «что теперь утверждается в диалектическом материализме»¹⁰³.

Среди учеников Е. Боброва по Казанскому университету были А. О. Маковельский и И. И. Ягодинский, оба в скором будущем преподаватели по кафедре.

Ещё при Боброве стал преподавать по кафедре **Александр Дмитриевич Гуляев**. Сын священника, по окончании семинарии поступил в Казанскую духовную академию, затем перешёл в Казанский университет. Был оставлен на кафедре «для специального изучения исторических и философских наук», занимался под руководством А. И. Смирнова. Затем была командировка в Московский университет, где он слушал Л. Лопатина и С. Трубецкого. Приват-доцент А. Д. Гуляев преподавал по кафедре с 1902 по 1920 год. Начало 20-х годов были очень непростыми, а в материальном отношении - хуже того для университетской профессуры (говорим здесь только о ней), и А. Д. Гуляев вместе с А. О. Маковельским, своим коллегой по кафедре, принимает предложение переехать в Баку, в недавно (в 1919 г.) открывшийся Азербайджанский университет. Здесь он заведовал кафедрой истории философии, с 1923 по 1926 год был ректором, читал разные курсы по философским наукам и педагогике, в том числе и по кафедре диалектического материализма.

¹⁰³ Известия Северо-Кавказского университета. – 1928. – Т. III (XVI). – С. 9.

Судя по всему, основная область интересов А. Д. Гуляева – история философии. В библиотеке Казанского университета имеются только две его большие работы (помимо программ по логике, истории древней философии и отзыва на магистерскую диссертацию В. Н. Ивановского) и обе также по истории философии. Это – вышедшие в 1915 году «Лекции по истории древней философии» (231 с) и «Этическое учение в «Мыслях» Паскаля» (1906, 276 с). Представление о структуре его «Лекций» можно получить по «Программе по истории древней философии» – см. Приложение 4. Для характеристики, по крайней мере, философской осведомлённости А. Гуляева, быть может, показательна такая деталь: в отзыве на магистерскую диссертацию В. Н. Ивановского «Ассоциационизм психологический и логический» (1909) он считает необходимым отметить в числе недостатков работы¹⁰⁴ то, что автор «ни слова не говорит о знаменитом теперь Гуссерле».

В 1904 году приглашение в Казанский университет получает ***Владимир Николаевич Ивановский***.

Сын учителя, он после окончания гимназии поступил в Московский университет, который и окончил в 1890 году. Подрабатывал частными уроками, сотрудничал в журнале «Вопросы философии и психологии», даже занимался книгоношеством. После сдачи магистерских экзаменов был оставлен в Московском университете. Становится приват-доцентом. Проходит научную командировку в Германии: слушает Дильтея, Зиммеля, Бергсона. Участвует в работе 1-го международного философского конгресса в Париже, даже выступает с докладом на нём.

В 1904 году был приглашён в Казанский университет и, приняв приглашение, был зачислен приват-доцентом по кафедре философии. В том же году вновь оказывается на международном философском конгрессе (2-ом), на этот раз в Женеве, в составе русской делегации из 20 человек. На конгрессе

¹⁰⁴ Отзыв был, в целом, благожелательным.

выступают Виндельбанд, Бергсон, др. В. Ивановский участвует в прениях. Вместе с другим представителем Казанского университета, проф. А. В. Васильевым, отцом в скором будущем преподавателя по кафедре философии русского языка Н. Васильева, был избран в международную комиссию по устройству философских конгрессов¹⁰⁵.

На кафедре оставался до 1912 года, когда под давлением попечителя учебного округа, с подозрением относившегося к его общественно-педагогической активности, был вынужден её покинуть.

Среди работ В. Ивановского (имеющихся в библиотеке университета), действительно, значительное их число - работы по педагогике и проблемам образования. Это тема, которая, судя по их работам, занимала всех преподавателей по кафедре философии последних предреволюционных годов. Есть такие работы и у Боброва, а также у Маковельского, Ягодинского, Васильева, Сотонина. Есть они и у В. Несмелова, который некоторое время перед закрытием историко-филологического факультета работал в университете.

Сказать, что это – обыкновенная тогда вещь среди «старорежимных» профессоров нельзя. Профессор Е. Бобров писал: *«вопрос о методах преподавания той или другой науки, к сожалению, в общем мало вызывает к себе интереса среди университетских преподавателей. Большинство последних совершенно игнорирует педагогические вопросы...»* – см. Приложение 3.

Не знаю, насколько приблизились к этому «интересу» профессора других российских университетов, но такой общий и самостоятельный «интерес» профессоров Казанского университета свидетельствует о том, что их долгий педагогический опыт и размышления привели к пониманию того, что именно образование является тем узлом, развязывание которого способно в некотором смысле послужить локомотивом общественного развития. Отсюда – внимание к

¹⁰⁵ См.: В. Н. Ивановский. Второй международный философский конгресс в Женеве / 4-8-го сентября 1904г. /. – Спб., 1904.

проблемам педагогики, образования, реформирования и оптимизации школьной, вузовской системы.

Среди педагогических работ В. Ивановского есть доклад «Предметная система в наших университетах и её применение к философским наукам, опубликованный в «Журнале Министерства народного просвещения» (ЖМНП)¹⁰⁶. Автор предлагает перейти от от «курсовой» (когда учились и сдавали экзамены по всем факультетским курсам) к «предметной» системе учебных планов, то есть по отделениям и более мелким группам и специальностям. Эти группы формируются из ряда родственных наук с центром из крупного предмета преподавания. В группу «философских наук» следует, по мнению В. Ивановского, включить группу пропедевтических курсов (логика, психология, введение в философию, общее языковедение, греческие и латинские авторы), основные курсы (секция психологии, философские науки о природе, философские науки об обществе и культуре) и вспомогательные. *Историю философии и гносеологию, полагает автор, обязаны изучать студенты всех секций.*

Между прочим, В. Ивановский заявляет, что недостатком современной (1907 г.) постановки образования в Казанском университете является то, что «*в числе отделений вовсе нет, например, отделения столь важного, как философский*»¹⁰⁷. На историко-филологическом факультете, продолжает он, «*признана необходимость образовывать философские группы*», но пока об этом «*ничего и думать*» из-за малочисленности кафедры. Что ж, должно было пройти целых долгих 90 лет прежде, чем этот недостаток будет устранён.

Следует привести и мысли В. Ивановского из его речи «К вопросу о генезисе ассоциационизма», характеризующие его твердую убежденность в выдающемся значении философского образования в системе образования вообще. **«Философское образование должно составлять основу всякого специального**

¹⁰⁶ В. Н. Ивановский. Предметная система в наших университетах и её применение к философским наукам"»// ЖМНП. – 1907. – Часть XIII, ноябрь.

¹⁰⁷ В. Н. Ивановский. Указ. соч. – С. 11.

образования, в том числе психологического». Ибо и теория познания – через критику понятий, - и *история философии* – через установление их закономерного развития в прошлом человеческой мысли – *«утверждают идеи относительности и изменчивости этих понятий...и предохраняют от неподвижного догматизма и наивного самодовольного некритического мышления».* «Поэтому желательно, чтобы...в университете с философией знакомилось возможно большее число студентов **всех факультетов и специальностей**». Но, разумеется, при этом и преподавание философии *«должно иметь не догматический, а критический характер, ставить себе целью не только и не просто сообщение и запечатление в умах готового философского учения, а побуждение слушателей к исканию и развитию мыслей»*¹⁰⁸.

О философских воззрениях В. Н. Ивановского можно получить представление по ряду его работ, таких, как его магистерская диссертация «Ассоциационизм психологический. Историко-критическое исследование», «К вопросу о генезисе ассоциационизма», «Памяти И. Канта», «Введение в философию», «К характеристике М. Троицкого» - см. Приложение 2.

На него сильное влияние оказал его учитель по Московскому университету М. М. Троицкий. И хотя В. Ивановский не всецело разделял его взгляды, обнаружил критический подход к некоторым их аспектам¹⁰⁹, но полностью освободиться от этого влияния не смог. В. Н. Ивановский – позитивист, сторонник британского эмпиризма и ассоциационизма, историко-критическому исследованию которого он посвящает большой труд «Ассоциационизм психологический и гносеологический».

¹⁰⁸ Ивановский В. Н. К вопросу о генезисе ассоциационизма. – Казань, 1910. – С. 27.

¹⁰⁹ Так, он пишет: «Профессор Троицкий видел в ассоциационизме едва ли не окончательное решение гносеологических проблем – доктрину, едва ли не завершающую всё развитие теории познания,...и это убеждение отражалось и на его отношении к истории проблемы: сам собою подбирался в этой истории преимущественно тот материал, который отвечал общему теоретическому убеждению» – Ивановский В. Н. К вопросу о генезисе ассоциационизма. – Казань, 1910. – С. 3, 4.

Ассоциационизм, говорит В. Ивановский, вырастает в XVIII веке из давно уже известного факта связывания идей по смежности, сходству и контрасту. И далее весьма подробно исторически рассматривает становление ассоциационизма из двух его источников: математического естествознания Нового времени и «критики познания», восходящей к Юму, к английской философии. Далее замечает, что эти «два элемента» остались внутри ассоциационизма «непримиримыми»: для математического естествознания материальный мир представлялся определяющим, а «другая тенденция – берклианская, имевшая решительно идеалистический характер».

Говоря о британском эмпиризме, В. Ивановский в речи перед диспутом по его магистерской диссертации, заявляет, что одна тенденция в нем «шла от Бэкона и Гоббса, её можно найти и у Локка», другая тенденция – «берклианская, имевшая решительно идеалистический характер». Сам он, по всему, был склонен к первой.

Вот ещё его мысль: «Основной и центральной проблемой гносеологии являются вопросы об отношении между мышлением и бытием, или о значимости познания, и последних условиях всякого опыта и познания»¹¹⁰.

Значение для характеристики его взглядов имеет и речь «Памяти И. Канта», с которой он выступил на заседании Физико-математического Общества при Казанском университете в марте 1904 года.

Мы убеждены, говорит он здесь, что оба направления в современной гносеологии – «психологическое» и «трансцендентальное» - «в своей крайней формулировке односторонни»¹¹¹.

«С одной стороны, мы должны (согласно основному положению критической философии) познать для того, чтобы утверждать существование. С другой, анализ самого познания показывает нам, что должны существовать»

¹¹⁰ Ивановский В. Н. К вопросу... - С. 25.

¹¹¹ В. Н. Ивановский. Памяти И. Канта. – Казань, 1905. – С. 6.

субъекте некоторые условия для того, чтобы стало возможным само *познание*, и что, следовательно, нам приходится *предполагать* существование кое-чего независимо и раньше познания...Для нас отсюда вытекает обязанность дать в своем мировоззрении место обоим ответам, совместить так или иначе Юма с Кантом.. И таково именно, на мой взгляд, основное направление современной гносеологии...»¹¹².

В 1906 году приват-доцентом по кафедре философии становится Иван Иванович Ягодинский – выпускник историко-филологического факультета Казанского университета, ученик Е. А. Боброва. Ординарным профессором стал после ухода с кафедры В. Н. Ивановского и оставался на кафедре до 1917 года. «При временном правительстве все назначенные Кассо [царским министром просвещения] профессора были сняты с работы»¹¹³. О дальнейшей его судьбе нам известно только, что ещё в 1928 году он преподавал в Северо-Кавказском университете (вместе с Е. А. Бобровым).

Под влиянием своего учителя И. Ягодинский ещё в студенческие годы увлекся Лейбницем и не утратил к нему интереса и во все последующие годы, в том числе – советские. Правда, это были другие времена, другие ценности, другие авторитеты. О том, как время нашло отражение в статье И. Ягодинского об очерке Лейбница о свободе воли, опубликованной в 1928 году в «Известиях Северо-Кавказского государственного университета» (т. III), можно судить по таким, например, его «открытиям». В работе И. И. Ягодинский ссылается на Н. Бухарина – марксистский авторитет в это время ещё всеми признанный, и далее добавляет, что у него в этом вопросе имеется *«нечто новое по сравнению с Лейбницем» (!)*.

И. И. Ягодинский был логиком (он автор солидной монографии «Генетический метод в логике»), исследователь творчества Лейбница, автор одной из немногих в дореволюционной российской историко-философской литературе

¹¹² Там же. – С. 12.

¹¹³ Советская педагогика. – 1939. - № 3. – С. 159.

работ о софистах («Софист Протагор»), в которой очень высоко оценивает великого греческого мудреца.

Много писал по проблемам образования и педагогики. Интересна, например, его статья в «Вопросах образования и воспитания» (1914, декабрь) «Несколько слов о преподавании философской пропедевтики в средней школе». В качестве таковой он, кстати, рекомендует чтение Платона и Лейбница. Как видим, в вопросе о возможности довузовской философской пропедевтики И. Ягодинский расходится со своим учителем, Е. Бобровым, который не считал полезным ознакомление с философией до университета (см. Приложение 3).

На одно суждение И. Ягодинского из этой статьи хотим обратить особое внимание, ибо оно имеет значение для выражения *принципиального* воззрения на один из важнейших вопросов – сущности историко-философского процесса, вопрос о соотношении философии и истории философии и, в конечном счете, понимании философии. И это понимание, обнаруженное И. И. Ягодинским, вызывает разочарование – В. Ф. Лютославский в лекции, прочитанной за 25 лет до этого «О значении и задачах изучения истории философии», в этом вопросе выказывает, хотя и не совсем удовлетворительное, но все же значительно более глубокое понимание. И. И. Ягодинский стоит ещё на архаичных, догегелевских позициях – для него история философии есть только «музей». Он пишет: *«История философии – это музей...В ней трудно найти то, что называют философией...в истории философии мы видим только мелькание разного рода концепций в их отношении друг к другу»*¹¹⁴.

В рассматриваемые года на кафедре философии одновременно работало несколько человек. Среди них был **Николай Александрович Васильев**. Сын профессора физико-математических наук, который и сам был очень не равнодушен к философии, Н. А. Васильев – логик, имя которого в соответствующих научных кругах хорошо известно, причем, не только в нашей

¹¹⁴ Вопросы образования и воспитания. – 1914, декабрь. – С. 1016.

стране. Он является одним из *«предшественников неклассической логики, первым предшественником логики паранепротиворечивой»*¹¹⁵. На одном из заседаний Физико-математического Общества при Казанском университете, на котором присутствовали, в том числе, и его коллеги по кафедре Н. А. Васильев выступил с докладом *«Неэвклидова геометрия и неаристотелева логика»*.

После окончания Казанского университета (медицинского факультета в 1904 году и историко-филологического – в 1906) Н. А. Васильев был оставлен (1907 г.) в университете для приготовления к профессорскому званию. Далее были заграничная командировка, защита магистерской диссертации, звание приват-доцента, преподавательская и научная работа. И далеко не только в области логики (см. Приложение 2). В университете Н. А. Васильев оставался до закрытия историко-филологического факультета.

Этим мы здесь и ограничимся. Судьба и творчество Н. А. Васильева подробно исследованы в работах бывшего профессора кафедры философии КГУ В. А. Бажанова, по которым лучше всего и ознакомиться с творческой деятельностью Николая Александровича Васильева¹¹⁶.

В 1912 году приват-доцентом по кафедре философии становится ***Александр Осипович Маковельский..***

По окончании гимназии в Гродно А. О. Маковельский поступает на историко-филологический факультет Казанского университета. По философии слушал Боброва, Гуляева, Ивановского. Е. Бобров привил ему интерес к античной философии. *«Мой первый реферат, прочитанный на практических занятиях проф. Е. А. Боброва, об устройстве Вселенной по Анаксимену, - вспоминал*

¹¹⁵ См.: Н. А. Васильев. Воображаемая логика. Избранные труды. – М.: Наука, 1989. – С. 6.

¹¹⁶ См. работы В. А. Бажанова в списке литературы, а также написанный им очерк о развитии логики в Казанском университете в указанной ранее книге *«История экономической и философской мысли в Казанском университете»*. Здесь говорится не только об идеях Н. А. Васильева, но и о логических воззрениях А. Лубкина, А. Смирнова, В. Снегирева, И. Ягодинского.

позднее свои студенческие годы А. Маковельский, *-был тем зерном, из которого выросли впоследствии 3 тома моих «Досократиков».*

По окончании университета (с дипломом первой степени) был оставлен на кафедре для приготовления к профессорскому званию. В 1912 году становится приват-доцентом, прочитав для этого две испытательные лекции: «Мораль Эпиктета» и «Теория зрения в её историческом развитии». Перед самой первой мировой войной А. Маковельский выезжает в научную командировку в Германию. Побывал в Берлине, в Мюнхене. Слушал лекции Кассирера, Зиммеля. И собирал материалы для своих «Досократиков», которые издает по возвращении в Казань.

В 1918 году А. О. Маковельский был утверждён профессором Казанского университета. Но в 1920 году получает приглашение в Бакинский (Азербайджанский) университет и вместе с А. Д. Гуляевым покидает Казань.

Дальнейшая творческая судьба его связана с этим университетом уже в советский период отечественной истории и обращаться к ней мы не будем¹¹⁷.

Известность, и заслуженную, в университетской, научной и культурной среде А. О. Маковельскому принесли 3 тома «Досократиков», первый том которого «Ч.1. Доэлеатовский период» вышел в Казани в 1914 году. Второй – «Ч.2. Элеатовский период» был издан в Казани в 1915 году. И третий – «Ч. 3. Пифагорийцы (Анаксагор и другие)» увидел свет в 1919 г.

И хотя и в переводах, и в композиции были изъяны¹¹⁸ этот перевод на русский язык знаменитых «Фрагментов досократиков» Г. Дильса (с 3-го изд.) имел тогда большое культурное, научное и научно-просветительское значение. Свои переводы А. Маковельский сопровождал большими статьями о досократических философах, чего, естественно, не было и не могло быть у

¹¹⁷ См.: А. О. Маковельский. Библиография. – Баку: Изд-во АН Аз. ССР, 1964.

¹¹⁸ См об этом: Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1. Издание подготовил А. В. Лебедев.– М.: Изд-во «Наука», 1989. – С. 6 и сл.

Дильса, но для русского читателя, неизбалованного обилием историко-философской литературы, это оказалось весьма кстати. Особенно удалась А. Маковельскому статья о Гераклите. Надо отметить, что статьи были написаны на основе новейших, для того времени, исследований по досократикам.

Работа была высоко оценена современниками. Вот что писал С. Франк: *«А. Маковельский предпринял тяжелый и ответственный труд. Задача в целом удалась превосходно... Это вполне самостоятельные исследования свидетельствующие не только об основательности знаний автора, но и о здравости и тонкости его историко-философской интуиции»* («Русская мысль», 1915. Апрель).

Но «Досократики» – не единственное замечательное достижение и заслуга А. Маковельского. В 1918 году в Казани выходит новая его работа «Досократовская философия. Историко-критический обзор источников». Это в тогдашней отечественной литературе – *«единственный обзор историко-философской мысли древности»*, как писал один из тогдашних профессоров (А. Б. Селиханович). Коллега автора по кафедре философии А. Д. Гуляев так оценил работу казанского исследователя: *«русская ученая историко-философская литература до сих пор совсем не имеет трудов, посвященных теме, избранной проф. А. Маковельским, и трактующих её в столь же широком охвате. И даже для богатой европейской литературы его сочинение далеко не излишне»*¹¹⁹.

Еще один преподаватель по кафедре философии тех лет **Константин Иванович Сотонин**, человек весьма необыкновенный и разносторонний, полиглот: он владел греческим, латинским, английским, немецким, французским и итальянским языками. Занимался и поэтическим творчеством (как и Н. Васильев).

Родился в Казанской губернии, по окончании 2-ой казанской гимназии поступил в 1912 году на историко-филологический факультет Казанского

¹¹⁹ А. О. Маковельский Библиография. – С. 20-21.

университета. Ещё будучи студентом выпустил несколько работ: словарь терминов Канта, таблицы по истории философии, «К вопросу об идеях Платона».

После окончания университета в 1916 году был оставлен на кафедре для приготовления к профессорскому званию по рекомендации своего научного руководителя А. Д. Гуляева. Был командирован в Петроград, в столичных библиотеках штудировал философов. В столице увлекся идеями В. М. Бехтерева, что позднее отразится и в его философском творчестве. Изучает психологию, физиологию нервной системы, психопатологию.

В 1919 году становится преподавателем экспериментальной психологии и эстетики в Казанском университете. Читал психологию, методологию наук, общую патологию, эстетику, введение в систему философии, экспериментальную педагогику и другие курсы.

После упразднения историко-филологического факультета преподает на Факультете общественных наук (ФОН), а после закрытия и последнего в Восточном педагогическом институте. Возглавлял психологический отдел академического центра Наркомпроса республики.

В ноябре 1929 года был арестован ОГПУ как руководитель нелегального политико-философского кружка. Против него (и членов кружка) были выдвинуты политические и идеологические обвинения, было придумано даже целое явление – «сотонинщина». К. Сотонин был приговорен к трём годам исправительно-трудовых лагерей. По выходе из заключения, уехал из республики. Умер в 1944 году; в последние годы жизни научной и преподавательской деятельностью не занимался.

В 20-е годы выходят работы К. Сотонина, в которых и представлены, главным образом, его философские и эстетические взгляды: скандально известная и послужившая для всяческих обвинений «Идея философской клиники: Введение в систему философии» (1922), «НОТ как философия трудящихся масс» (1924), «Сократ: Введение в косметику» (1925), «Анализ эстетического переживания».

Об его оригинальных идеях иначе, как эксцентричных, не выражаются. Имеется ввиду, прежде всего, его «идея философской клиники», основанная на его понимании философии, которая *«должна стать на почву чисто практического удовлетворения насущных, земных потребностей человека»*. Философия должна быть учением о недовольствах. А последние мешают людям реализовываться, получать радость и удовольствие от жизни, нормально функционировать в обществе, негативно сказываются на работоспособности. *«Философия есть дитя неудовлетворенности, неудовлетворенного эротического, страстного стремления к благу»*. Философия есть стремление к благой жизни, отыскание путей к благой жизни, решение проблемы недовольства. Но решение этой проблемы не может осуществляться по шаблону, «для всех». Необходимо применять различные методы и подходить к каждому недовольному индивидуально. *«Научной философия становится лишь тогда, когда начинает обращать внимание на реальные причины недовольства человека окружающим и видит устранение недовольства или в устранении причин, или в устранении их следствий»*.

Как лечение недовольства философия схожа с медициной и должна на неё опираться, опираться на медицинские способы лечения болезней. *«Конечный смысл и той, и другой – некоторое действие в отношении к личности, направленное к тому, чтобы увеличит благосостояние этой личности»*. Философская система должна быть построена по модели медицины. В её составе он выделяет философскую диагностику, философскую терапию и философскую профилактику. «Философская клиника» - особое «учебно-лечебное учреждение, где недовольные могли бы найти организованную помощь». Работать в них будут врачи-философы.

Между прочим, в системе философии не может быть места метафизике, логике, гносеологии и т. п., так как они есть дисциплины разлагающие и непригодные для философской клиники.

Как бы ни относиться к идеям К. Сотонина, их необычность очевидна. Как очевидно и то, что в них много интересного и свежего, выходящего за привычные, выпрямляющие и «окисляющие» мысль шаблоны. Во всяком случае, его мысли наталкивают на размышления.

Источники информации:

Основная литература:

История русской философии: Учебник / Под общ. ред. М.А. Маслина. - 3-е изд., перераб. - М.: НИЦ ИНФРА-М, 2013. – Философия в духовных академиях и университетах в XIX — начале XX в. Философско-правовая мысль. Глава II. Философия в российских университетах.

<http://znanium.com/bookread.php?book=414693>

Серебряков Ф.Ф. Философское образование и философская мысль в Казанском университете: учебное пособие. - Казань: Казанский государственный университет, 2009. – Глава 3.

<http://libweb.ksu.ru/ebooks/publicat/0-777453.pdf>

Дополнительная литература:

Алексеев П. В. Философы России XIX-XX столетий: Биографии. Идеи. Труды. / П. В. Алексеев; [Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова]. - 3. изд., перераб. и доп. - М. : Акад. проект, 1999. - 944 с. [Биографический словарь]

Бажанов В.А. История логики в России и СССР. Концептуальный контекст университетской философии. - М.: 2007. – Гл.1.1-1.5,гл.2.1-2.3.

Введенский А. И. Один из типов нашей университетской философии (о переводах и сочинениях Е. А. Боброва) // Богословский вестник. - 1896, август. <http://www.bogoslov.ru/bv/text/164576/index.html>

Емельянов Б.В. Три века русской философии. XIX век [Текст] : учебное пособие / Б. В. Емельянов - Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2011. – Раздел первый. Глава 8. Университетская философия.

Зеньковский В. В. История русской философии. В 2-х т. - Ростов-на -Дону: "Феникс", 2004. - Т.1: Введение; Ч. 2, гл. 1; Т. 2.: Ч. 3, гл. 4.

Ибрагимова З. З., Серебряков Ф. Ф. Философская мысль в Казанском университете// Философское образование: Вестник Ассоциации философских факультетов и отделений. Вып. 2011, 1 (2)— СПб., 2011. — С.46-54. http://kpfu.ru/staff_files/F1111177937/Ibragimova_Z.Z._Serebryakov_F.F._FILOSOF_SKAYa_MYSL_V_KAZANSKOM_UNIVERSITETE.pdf

История экономической и философской мысли в Казанском университете. - Казань: Издательство Казанского университета, 2003. – Гл.V,3; гл.VII. http://kpfu.ru/staff_files/F1658653170/Ibragimova_Z.Z._Sudby_filosofii_v_20_30_e_gody_XX_v..pdf

Красновский А.А. Памяти проф. В. Н. Ивановского // Советская педагогика. - 1939. - № 3.

Павлов А.Т. Философия в Московском университете/ Павлов А.Т. – С-Пб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2010. – Часть3.

Преподавание философии после восстановления кафедр философии. – С.96-128[О М.М.Троицком]

Пустарнаков В.Ф. Университетская философия в России. Идеи. Персоналии. Основные центры. СПб.: РХГИ, 2003. – Часть 1, гл.5,6.

Радлов Э.Л. Очерки истории русской философии // Введенский А.И., Лосев А.Ф., Радлов Э.Л., Шпет Г.Г.: Очерки истории русской философии. - Свердловск, 1991. – Очерк V. С 145-195. <http://bib.convdocs.org/v34544/?cc=1&view=txt>

Серебряков Ф.Ф. Е. А. Бобров как историк философии и просвещения в России [Текст] : учебное пособие / Ф. Ф. Серебряков - Казань : Казанский ун-т, 2013. - 143 с. - http://kpfu.ru/portal/docs/F1383675936/Serebryakov_Uchebnoe_posobie.doc
Философия Фихте в России/Ред.-сост. В.Ф.Пустарнаков. – СПб.:РХГИ,2000. – Часть2,гл.3.Университетская философия.

Информационные источники

Основная литература:

1. История русской философии: Учебник / Под общ. ред. М.А. Маслина. - 3-е изд., перераб. - М.: НИЦ ИНФРА-М, 2013. - 640 с.
<http://znanium.com/bookread.php?book=414693>.

2. Серебряков Ф.Ф. Философское образование и философская мысль в Казанском университете: учебное пособие. - Казань: Казанский государственный университет, 2009.
<http://libweb.ksu.ru/ebooks/publicat/0-777453.pdf>

Дополнительная литература:

1. Булич, Н. Н. Из первых лет Казанского университета (1805-1819) : рассказы. Ч. 1 / Николай Николаевич Булич. - Казань : Тип. Император. ун-та, 1887. – 639 с.

http://elbib.nbchr.ru/lib_files/0/kkpb_0_0000373.pdf

2. Загоскин Н.П. История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования, 1804-1904/ [соч.] Н. П. Загоскина, заслуженного ординарного проф. .- Казань : Типо-литогр. Имп. казанского ун-та , 1902-1904

Т. 1: Введение и ч. 1: (1804-1814) .- 567 с.

<https://www.prlib.ru/item/416790> -

3. Загоскин, Н. П. Деятели Императорского Казанского университета. 1805 г. - 1900 г.: опыт крат. биограф. слов. профессоров и преподавателей Казан. ун-та за первые 95 лет его существования / сост. проф. Н. П. Загоскин . - Казань : Типо-лит. Имп. университета, 1900. – 154 с.

http://elbib.nbchr.ru/lib_files/0/kkpb_0_0000172.pdf

4. История Казанского университета. 1804-2004. - Казань: Издательство Казанского университета, 2004. – 656 с.

5. Алексеев П. В. Философы России XIX-XX столетий: Биографии. Идеи. Труды. / П. В. Алексеев; [Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова]. - 3. изд., перераб. и доп. - М. : Акад. проект, 1999. - 944 с.
6. Алексеева И.Ю. Научная философия как «культурная система» (О Владимире Николаевиче Ивановском и его идеях)//Вопросы философии. –2012. - №11. - С. 3-9.

http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=626

7. Антология педагогической мысли христианского Средневековья. В двух томах. Том 2. Мир преломился в книге. Воспитание в средневековом мире глазами учёных наставников и их современников/Сост.В.Г.Безрогова, о.И.Варьяш. – М.: АО «Аспект Пресс»,1994. – 352 с.
8. Бажанов В. А. История логики в России и СССР. Концептуальный контекст университетской философии. - М.: 2007. – 336 с.
9. Бажанов В.А. Александр Васильевич Васильев,1853 – 1929: Ученый, организатор науки, общественный деятель. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2002. –32 с.

<https://libweb.kpfu.ru/z3950/ubiz/vasilav.pdf>

10. Батулин, В. К. Философия образования для России - 2020 [Электронный ресурс] / В. К. Батулин. - М.: Вузовский Учебник, 2013. - 212 с. <http://znanium.com/bookread.php?book=414839>, 2003.
11. Беляев М. Проф. Северо-Кавказского государственного университета Евгений Александрович Бобров (Обзор научной и педагогической деятельности к сорокалетию его деятельности (1888-1928) // Известия Северо-Кавказского государственного университета. - Ростов-на- Дону.- 1928. - Т.3 (16). С.7-17.
12. Бердникова А.Ю.. Персоналистические воззрения Е.А.Боброва. - Христианское чтение № 5, 2017. – С.144-149.

https://iphras.ru/uplfile/rusph/contents/berdnikova_2017_bobr.pdf -

13. Бердяев Н. А. Опыт философского оправдания христианства (О книге Несмелова "Наука о человеке") // Духовный кризис интеллигенции. - С.-Пб., 1910. – С.274-298.

<http://www.magister.msk.ru/library/philos/berdyaev/berdn064.htm>

14. Бирюков Б. В., Кузичева З. А. Зарубежные направления в философии математики и их преломление в философско-логической и историко-математической мысли России XVIII – начала XX веков [Текст] / Б. В. Бирюков, З. А. Кузичева // Логические исследования. – 2005. – Вып. 12. – С. 67-108. <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnye-napravleniya-v->

[filosofii-matematiki-i-ih-prelomlenie-v-filosofsko-logicheskoy-i-istoriko-matematicheskoy-mysli-rossii-xviii-1](#)

15. Введенский А. И. Один из типов нашей университетской философии (о переводах и сочинениях Е. А. Боброва) // Богословский вестник. - 1896, август. <http://www.bogoslov.ru/bv/text/164576/index.html>
16. Документы по истории университетов Европы XII-XV вв. [Текст] : Учеб. Пособие. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический институт, 1973. – 157 с. http://nashaucheba.ru/v28112/документы_по_истории_университетов_европы_xii-xv_
17. Дружинина И. А. Изучение античности в Казанском университете (XIX - 20-е годы XX вв.) Специальность - 07.00.09 - историография, источниковедение и методы исторического исследования Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. <http://libweb.kpfu.ru/referat/2001/0723497-1.pdf>>
18. Емельянов Б.В. Три века русской философии. XIX век [Текст] : учебное пособие / Б. В. Емельянов - Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2011. – 874 с.
19. Жилкин Е., Нугманов М. Из истории изучения китайской философии в России (о диссертации Н.И. Зоммера «Об основаниях новой китайской философии») // Советское востоковедение. 1957. №3. - С. 149–150.
20. Зеньковский В. В. История русской философии. В 2-х т. - Ростов-на-Дону: "Феникс", 2004. - Т.1-2.
21. Ибрагимова З. З., Серебряков Ф. Ф. Философская мысль в Казанском университете// Философское образование: Вестник Ассоциации философских факультетов и отделений. Вып. 2011, 1 (2)— СПб., 2011. — С.454-62. http://kpfu.ru/staff_files/F1111177937/Ibragimova_Z.Z._Serebryakov_F.F._FILOSOFSKAYA_MYSL_V_KAZANSKOM_UNIVERSITETE.pdf
22. История экономической и философской мысли в Казанском университете. - Казань: Издательство Казанского университета, 2003. – 236 с. http://kpfu.ru/staff_files/F1658653170/Ibragimova_Z.Z._Sudby_filosofii_v_20_30_e_gody_XX_v..pdf
23. Красновский А.А. Памяти проф. В. Н. Ивановского // Советская педагогика. - 1939. - № 3.
24. Маковельский А.О. Работы профессора Е.А.Боброва по философии// Известия Северо-Кавказского государственного университета. – 1928. – Т.III(XVI). – Ростов-на-Дону, 1928. – С.3-6.

25.Медянцева М. П., Никитина Т. И. Из истории философской мысли Казанского университета. Духовное наследие В. Н. Воскресенского. // Учёные записки Казанского государственного университета. Т. 137. - Казань, 1999. – С. 223-235.

</phil/T137/223-235.pdf>>

26.Мощелков Е.Н. История философии права в университетском образовании России (XIX – начало XX в.) — М., 2011. – 232 с.
<http://philos.msu.ru/sites/default/files/lib/Мощелков%20Е.Н.%20История%20философии%20права...%20Полный%20текст%20PDF.pdf>

27.Нижников С.А. В.Несмелов и И. Кант: антропология теистическая и трансцендентальная//Вестник Вятского государственного университета. – 2008. – Т.1. - №1. - С.12-17.
<http://znanium.com/bookread2.php?book=342655>

28.Образование как пространство и время человеческого бытия. Коллективная монография. – Казань: Казанский государственный университет, 2007. – 196 с.

dspace.kpfu.ru/xmlui/bitstream/handle/net/21660/0

29.Павлов А.Т. Философия в Московском университете/ Павлов А.Т. – С-Пб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2010. –288 с.

30.Павлова А.В. Образование как энтелехия целостности человека. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. – Казань,2004.

http://dspace.kpfu.ru/xmlui/bitstream/handle/net/30760/120105_4.pdf?sequence=1&isAllowed=y

31.Парфентьев Н. Н. А. В. Васильев как математик и философ [Текст] / Н. Н. Парфентьев //Учёные записки Казанского университета. – 1930. - Т.90, кН.6. – С.943-956.

32. Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т.2.: Становление системы университетского образования в первые десятилетия XIX века. – М.,2002. – 815 с.

33.Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Том 4: Российские университеты и люди 1840-х годов. Часть I: Профессура. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. – 584 с.

<http://h.120-bal.ru/istoriya/31440/index.html>

34.Пустарнаков В.Ф.Университетская философия в России. Идеи. Персоналии. Основные центры. СПб.: РХГИ, 2003. – 919 с.

35.Радлов Э.Л. Очерки истории русской философии // Введенский А.И., Лосев А.Ф., Радлов Э.Л., Шпет Г.Г.: Очерки истории

русской философии. - Свердловск, 1991. – Очерк V. С 145-195.
<http://bib.convdocs.org/v34544/?cc=1&view=txt>

36. Садыков М.Б., Серебряков Ф.Ф., Щелкунов М.Д. Классический университет в системе образования. // Учёные Записки Казанского государственного университета. Том 146. Философские науки. – Казань: Казанский государственный университет, 2004. - С.4-20.

libweb.kpfu.ru/z3950/phil/T146/004-020.pdf

37. Сенчихина Ю.Б. Рец. на кн.: А.Т. Павлов. Философия в Московском университете // Вопросы философии. – 2011. -№7.
http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=354
38. Серебряков Ф.Ф. Философия и религия, или архимандрит Гавриил. // Наука и религия в глобализирующемся мире. Сб. статей. – Казань: Изд. Казан. ун-та, 2007. – С.152-161.

<http://uchebana5.ru/cont/2428014-p21.html>

39. Серебряков Ф.Ф. Е. А. Бобров как историк философии и просвещения в России [Текст] : учебное пособие / Ф. Ф. Серебряков - Казань : Казанский ун-т, 2013. - 143 с. -
http://kpfu.ru/portal/docs/F1383675936/Serebryakov_Uchebnoe_posobie.doc

40. Серебряков Ф.Ф. Актуальность стародавнего (по поводу одной работы столетней давности о преподавании философии). – Философское образование. Вестник Ассоциации философских факультетов и отделений. 2012, 1(3). – Москва – Санкт-Петербург, 2012. – С.115-130.

<http://philos.msu.ru/sites/default/files/3%20-%20Философское%20образование%202012%2С%201%20%283%29.pdf>

41. Соловьёв И.М. Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. Выпуск I: университеты до эпохи шестидесятых годов./И.М.Соловьёв. – С.- Пб., 1914 – 206 с.

<http://dspace.univer.kharkov.ua/handle/123456789/666>

42. Солонин Ю.Н. Привитие философии (философские факультеты и философская культура) // Вопросы философии. – 2011. -№2. – С.3-13.

http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=266&Itemid=52

43. Теоретическое наследие В.И. Несмелова и современность : мировоззренческий диалог науки, философии и религии : материалы II Всероссийской научной конференции 16-17 мая 2008 г. / [науч. ред.: д.филос.н. В. А. Киносьян, к.филос.н. О. Ю. Порошенко] .— Казань : КГАСУ, 2009 — 172 с.

44. Тузов Л. Л. Из истории философской мысли в Казанском университете (Полемика А. С. Лубкина против кантовской философии) // Учёные записки Казанского университета. - 1956. - Т. 116, кн. 5. – 268-272.
45. Университет. Общество. Человек / М. Б. Садыков, Ф. Ф. Серебряков, М. Д. Щелкунов, А. В. Петров. - Казань: Изд. Казан. ун-та, 2003. – 72 с. .
46. Университетское образование: приглашение к размышлению / В. А.

Садовничий, В. В. Белокуров, В. Г. Сушко, Е. В. Шикин. - М.: Изд. Моск. Ун-та, 1995 – 352 с.

47. Философия Фихте в России/Ред.-сост. В.Ф.Пустарнаков. – СПб.:РХГИ,2000. –368 с.
48. Философский век. Альманах. Вып. 28. История университетского образования в России и международные традиции просвещения. Том 1 / Отв. редакторы Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. — СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2005. – 326 с.

<http://ideashistory.org.ru/pdfs/a28.pdf>

49. Философский век. Альманах. Вып. 30. История университетского образования в России и международные традиции просвещения. Том 3 / Отв. редакторы Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. — СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2005. – 321 с.

<http://ideashistory.org.ru/pdfs/a30.pdf>

50. Черняховская О. Маргинальный Сократ: теория К. И. Сотониа// Логос. - 2011. - 4 (83). – С. 140-154

http://www.intelros.ru/pdf/logos/4_2011/10.pdf

51. Шофман А.С., Шамов Г.Ф. Восточный разряд Казанского университета // Очерки по истории русского востоковедения. Сборник 2.-М.,1956. – С.429-439.

52. Щедрина Т.Г. Владимир Ивановский и Густав Шпет: методологический проект «истории понятий»//Вопросы философии. – 2011. -№11. – С.10-18.

http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=631

Вопросы к зачёту:

1. Возникновение университетов в Европе: культурно-исторические предпосылки, структура, функции, вехи истории.

2. Зарождение университетов в России, их особенности и отличия от европейских университетов.
3. Учреждение Казанского университета: культурно-исторические предпосылки, трудности, основные вехи истории.
4. Открытие кафедры умозрительной и практической философии в Казанском университете: периоды в её истории, представители, становление и развитие.
5. Представители кафедры философии в период до её закрытия и их научная и педагогическая деятельность.
6. Архимандрит Гавриил (Н.В.Воскресенский) и его «История русской философии»: анализ содержания и значение в истории русской философии.
7. Критика А.С. Лубкиным кантианства: анализ аргументации.
8. Философское образование в Казанском университете: история и содержание. Обеспечение учебного процесса.
9. М.М.Троицкий и его значение в истории философского образования в России.
- 10.. Основные произведения М.Троицкого по психологии: общая характеристика.
11. Представители кафедры философии после её вторичного открытия: характеристика их творчества.
12. Представители казанской университетской философии в контексте основных направлений современной им европейской философии.
13. Представители казанской университетской философии в контексте истории философии в России: проблематика, направления, произведения.
14. Понятие «университетской философии»: содержание, место в истории философии в России. Казанская университетская философия.
15. Снегирёв В.А. и его психологические воззрения; его отношение к важнейшим европейским направлениям философии.
16. Научная и педагогическая деятельность А.И. Смирнова. Работа Смирнова А.И. «Эстетика как наука о прекрасном в природе и искусстве».
17. Философское и педагогическое творчество Е.А. Боброва в дореволюционный период его жизни.
18. Е.А.Бобров как историк философии и просвещения.
19. «Критический индивидуализм» Е.А. Боброва в контексте европейской философии и философии в России.
20. Логика в научной и преподавательской деятельности представителей казанской университетской философии (Васильев Н., Ягодинский И., Ивановский В. И др.)

21. Античная философия в трудах и преподавательской деятельности казанских философов (Е.Бобров, А.Д.Гуляев, А.О.Маковельский, И.Ягодинский).
22. Пособия по философии, подготовленные преподавателями кафедры философии: «Введения в философию» А.Маковельского и В.Ивановского: сравнительная характеристика.
23. «Воображаемая логика» Н.А.Васильева.
24. Философские и педагогические взгляды В.Ивановского.
25. «Философская клиника» К.Сотонина.
26. Философия и философское просвещение в Казани и Казанском университете за пределами кафедры философии: основные каналы и формы, виднейшие представители.
27. «Наука о человеке» В.И.Несмелова, его взгляд на «веру и знание».
28. Образование в контексте образ-ования человека и как фактор исторического развития..Историко-культурная обусловленность образования. Образование как процесс и как институт.
29. История философии, по воззрениям преподавателей кафедры философии: архимандрит Гавриил. Зеленогорский Ф.А.. Лютославский В.Ф. Бобров Е.А. Смирнов А.И.. Ивановский В.Н. Маковельский А.О. Ягодинский И.И. Сотонин К.И.